

XVII ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

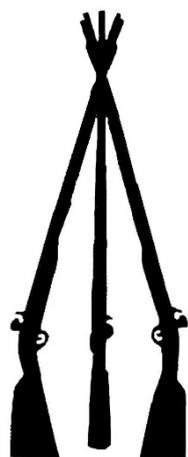
Всероссийская
научная конференция
17 марта 2021

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 2022

Кафедра русской истории (XIX–XXI вв.)
РГПУ им. А.И. Герцена
Санкт-Петербургское военно-историческое общество
СНО при кафедре русской истории (XIX–XXI вв.)
РГПУ им. А.И. Герцена

**XVII Петербургские
военно-исторические чтения**
Всероссийская научная конференция
17 марта 2021 г.

Санкт-Петербург

 Астерион

2022

ББК 63.3.(2) 47
63.3.(2) 5
С30

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета конференции в соответствии с условиями созыва «XVII Петербургских военно-исторических чтений»

Рецензенты: Бокарева Людмила Сергеевна, кандидат исторических наук, директор по сервису АО «Север телеком»; Гордеев Петр Николаевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена; Давыдов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена; Демидович Дарья Михайловна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры общественно-научного и культурологического образования СПб АППО.

С30

XVII Петербургские военно-исторические чтения : Всероссийская научная конференция (С.-Петербург, 17 марта 2021 г.) : сборник научных статей / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д.А. Бажанов, А.М. Захаров. – СПб.: Астерион, 2022. – 170 с. – (7,1 Мб). – Системные требования: Windows 7/8/10; Adobe Reader. – https://asterion.ru/db/temp/XVII_PVICH_2022.pdf – Текст : электронный.

ISBN 978-5-00188-160-5

В сборник включены материалы всероссийской научной конференции «XVII Петербургские военно-исторические чтения», проходившей 17 марта 2021 г. в Институте истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена. В статьях сборника рассматриваются различные вопросы военной истории России. Сборник предназначен для специалистов и широкого круга читателей.

ББК 63.3.(2) 47
63.3.(2) 5

ISBN 978-5-00188-160-5

© Коллектив авторов, 2022.
© Николаев А.Б., составитель, ответственный редактор, 2022.
© Бажанов Д.А., редактирование, 2022.
© Захаров А.М., редактирование, 2022.
© Петербургские военно-исторические чтения, 2022.

ПРЕДИСЛОВИЕ

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX – XXI вв.) института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

«Петербургские военно-исторические чтения молодых ученых» проходили на факультете социальных наук (ныне – институт истории и социальных наук) в 1997 – 2000 гг. Организаторами конференции были студенты, занимавшиеся изучением военной истории в рамках СНО кафедры русской. В 2009 году проведение конференции было возобновлено, но уже под новым названием – «Петербургские военно-исторические чтения». По итогам конференции издаются сборники научных статей, которые индексируются в РИНЦ. Так, на 20 февраля 2022 г. на сайте e-library выявлено 147 цитирований статей из 16 сборников «Петербургских военно-исторических чтений» за все время его издания (1998 – 1999, 2010 – 2021 гг.). Из них, 22 цитирования из публикаций, входящих в ядро РИНЦ¹. Заметим и то, что на 15 февраля 2021 г. было выявлено 115 цитирований статей из 15 сборников «Петербургских военно-исторических чтений»². Количественный рост цитирований статей сборников (+32) говорит о том, что исследовательский интерес к ним не только присутствует, но и растет.

Всероссийская научная конференция «XVII Петербургских военно-исторических чтений» прошла 17 марта 2021 г. в онлайн-формате. Организаторами ее выступили кафедра русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ, Санкт-Петербургское военно-историческое общество и студенческое научное общество кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ. В организационный комитет конференции вошли доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ А.Б. Николаев, президент Санкт-Петербургского во-

---

¹ См.: Петербургские военно-исторические чтения: <https://elibrary.ru/refs.asp>

² Николаев А.Б. Предисловие // XVI Петербургские военно-исторические чтения: Всероссийская научная конференция (С.-Петербург, 25 – 26 сентября 2020 г.): сборник научных статей / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д.А. Бажанов, А.М. Захаров. СПб., 2021. С. 3.

енно-исторического общества, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории искусств СПбГУПТиД А.В. Аранович, кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) РГПУ Д.А. Бажанов, ассистент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) РГПУ Е.С. Гавроева (секретарь оргкомитета) и председатель СНО кафедры русской истории (XIX – XXI вв.), студент 2-го курса магистратуры кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ Р.А. Бугаев.

Заявки для участия в конференции принимались с 17 февраля и до 10 марта 2021 г. включительно. Для участия в конференции заявки подали ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Екатеринбурга, Всеволожска и Тихвина (Ленинградская область). Оргкомитет сформировал программу конференции. В нее включено 35 докладов, которые были распределены по трем секциям.

Первая секция «Военная история и история военного призрения и благотворительности в России XVIII – начала XX вв.» работала под руководством кандидатов исторических наук, доцентов кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ Л.Г. Рогушиной и Т.Г. Фруменковой. Модераторами второй секции «Военная история России 1900 – 1917 гг.» были А.Б. Николаев и Д.А. Бажанов. Третья секция «Военная история России 1917 – 1991» прошла под руководством доктора исторических наук, профессора кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ А.Ю. Давыдова, который с докладом не выступал, но согласился помочь оргкомитету в проведении конференции.

В «XVII Петербургских военно-исторических чтениях» приняли участие 4 студента ИИСН РГПУ, которые выступили на конференции с докладами. Напомним, что конференция начинала свою историю именно как студенческая, молодежная. Отток студентов из числа ее участников можно объяснить и снижением интереса студентов к военной истории, и тем, что в условиях продолжающейся пандемии COVID-19 (новой короновирусной инфекции) доступ в архивы ограничен, что является препятствием для занятия наукой.

Некоторые участники конференции переработали свои доклады в статьи и передали их в редакционную коллегию сборника. Всего в сборнике публикуется 18 статей. Среди авторов сборника преимущественно остепененные ученые, уже внесшие свой вклад в изучение военной истории России: Д.А. Бажанов, С.Е. Виноградов, А.М. Захаров, М.А. Златина, Т.Н. Кандаурова и др.

Надеемся, что сборник «XVII Петербургские военно-исторические чтения» найдет своего заинтересованного читателя и будет способствовать росту интереса к военной истории России.

20 февраля 2022 г.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ И РУССКАЯ АРМИЯ ВО ВРЕМЯ ИЗГНАНИЯ НАПОЛЕОНА И В ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДАХ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКОВ)

БИЛЕУШ КСЕНИЯ КОНСТАНТИНОВНА,
лаборант института истории и социальных
наук РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-
Петербург, Россия;
e-mail: kkbileush@herzen.spb.ru

Любой армейский переход в XIX веке сопровождался необходимостью расквартировки на ночлег или постой солдат. Это было связано с повинностью простого люда размещать в своих домах военнотружущих. И, разумеется, отношение к этому у местного населения весьма различилось. Некоторые участники военных действий оставили в своих воспоминаниях не только описание маневров и сражений, но и примечательные заметки всего, что видели, с чем сталкивались. Так и об отношении местного населения российских окраин и европейских территорий к проходящей русской армии находим мы заметки у Р.М. Зотова (участника Санкт-Петербургского ополчения), М.Н. Свечина (участника Новгородского ополчения) и самые красочные – в «Письмах артиллериста» И.Т. Радожицкого (находившегося при армии М.А. Милорадовича).

Источники личного происхождения имеют свою специфику: они субъективны, на них лежит отпечаток характера автора, его понятия о добре и зле, хорошем и плохом, им нельзя верить безоговорочно, тем более в таком вопросе, как общественные отношения. «Письма артиллериста»¹ представляют собой дневные записи, однако выпущены они были в 1835 г., а поэтому необходимо понимать, что в их содержание относительно характеристики поляков могли быть внесены кое-какие более поздние правки после восстания в 1830 г. При этом, анализируя другие источники, можно утверждать, что, если и наложило польское восстание отпечаток на эти, по сути дневниковые, записи, то не существенный. «Рассказы о походе

---

¹ Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. М., 1835. Ч. 1 – 4.

дах 1812-го и 1813-го года прапорщика Р.М. Зотова» были выпущены годом позже, в 1836 году. Но, в отличие от «Писем...» И.Т. Раджицкого, «Рассказы...» Р.М. Зотова были написаны как воспоминания, о чем сам автор и говорит: «Какие великие воспоминания! – 24 года прошли с незабвенной этой эпохи...»¹. «Рассказы...» представляют собой ретроспективный взгляд, поэтому в них нет повторов, слова и оценки более взвешены, хотя о многом Р.М. Зотов пишет с неким пристрастием, о чем сам говорит². Тем не менее, сами воспоминания и сюжеты дают возможность выявить более-менее объективную информацию. Свечину же принадлежат дневники, причем, судя по всему, неотредактированные. Отрывки из дневников были опубликованы в «Русском архиве», и в названии автор не указывался, зато есть примечание Ю. Бартенева, одного из составителя и издателя журнала: «Записки эти принадлежат, как видно из одного места, некоему Свечину, помещику Тверской губернии, Ново-Торжского уезда. Они написаны в тетради размера малой четверки, в темном кожаном переплете с клапаном, как у бумажника, и представляют собой дорожный дневник. ... В дневнике этом нет ничего исторически важного, но так как он живо рисует внутренний склад и жизнь Русского офицера за границей, то он, думается нам, подлежит печати. Помещаем его с некоторыми сокращениями. Ю. Б.»³. Следовательно, мы можем с наибольшим доверием относиться к этому источнику, опять же учитывая личностное восприятие действительности автором. Однако же, сопоставив информацию из всех источников, можно делать выводы о некоторых общих тенденциях.

Первоначально путь всех армий лежал через Литовские земли, Виленскую губернию, а после Вильно армии М.А. Милорадовича, М.И. Кутузова и П.В. Чичагова отправлялись через Герцогство Варшавское, а армия П.Х. Витгенштейна в направлении Тильзита курсом на Кенигсберг.

Все три мемуариста вспоминают о городе Вильно. М.Н. Свечин вспоминает о том, что там «где весь свет сделался эгоистом, я должен был искать себе пристанища, и мудрено ли, что нигде его не нашел»⁴. И.Т. Раджицкий указывает на то, что в Вильно «поляки, обнаружив свою приверженность к французам, опасались мщения от русских»⁵. Более подробно Вильно описывал Р.М. Зотов, т.к. его пребывание в этом городе было более долгим: после сражения под Полоцком он откомандирован был

---

¹ Зотов Р.М. Рассказы о походах 1812-го и 1813-го года прапорщика санктпетербургского ополчения. СПб., 1836. С. 1.

² Там же. С. 119.

³ Из дневников русского офицера о заграничном походе 1813 года // Русский архив. 1900. Т. 38 (7). С. 278.

⁴ Там же.

⁵ Раджицкий И.Т. Указ. соч. Ч. 1. С. 284.

туда лечить раны. Комендант города предупреждал Р.М. Зотова о том, что «у жителей вряд ли вы найдете хороший присмотр и радушие. Все они на нас что-то косятся, а втихомолку и больше рады сделать»¹. Но он настоял на том, чтобы комендант распорядился с квартирой, и получил ее в наиболее спокойном Петербургском форштате. Встреча с хозяином квартиры была хладнокровной. «Особенной комнаты мне не дали, а расположился я в общей большой зале и на вопросы хозяина о моих требованиях на стол и питье, отвечал, что я вовсе не взыскателен и буду тоже самое есть и пить, что у него за столом будут подавать. Ответ мой несколько разгладил его лоб». Зотов тут же объясняет такое поведение хозяина: он «не более двух дней как освобожден от русских постояльцев. Мудрено ли, что появление нового жильца ничуть его не обрадовало. Он был пасмурен и неговорлив, — но не оказывал однако никаких признаков явного недоброжелательства»². Но стоит учитывать то, что Зотов, как он пишет, был человеком застенчивым. А вот товарищи его, квартировавшие в самом Вильно, не имели «порока — робости и застенчивости — и хозяева их частенько косились на нас самым значительным образом». Они «над ними подшучивали, задирали их, приставали к их женам и дочерям — и в подобном расположении духа часто в один вечер переходили несколько домов от знакомого к знакомому». Результат такого поведения русских не заставил себя ждать: «Однажды вечером ... приветствовали нас на улице несколькими выстрелами»³. Таким образом, можно говорить о том, что литовцы изначально не испытывали симпатии к русским, а разнузданное поведение победителя вызывало еще большее неприятие.

Повествуя о приграничных губерниях, мемуаристы не обошли вниманием и евреев. Причем отношение к ним абсолютно разные: М.Н. Свечин пишет о том, что в Вильно «множество Жидов, которые и вообще во всей Польше пакостят»⁴, а о полоцких евреях отзывается как о «бесчеловечных корыстолюбивых»⁵. И.Т. Радожицкий более лояльно говорит о них, хотя тоже характеризует их как «обманщиков». В местечке Копыс в части, где служил артиллерист, служилые «довольно обрадовались, найдя живые существа человеческие, в теплых жилищах с семьями; а как они в самой скудости чем-нибудь да питались, то и мы, кроме сухарей, могли достать от них за деньги кой каких припасов. Сначала показывались одни старые Жидовки, потом видя наше смирение и деньги, явились Жиды. Обласкан-

---

¹ Зотов Р.М. Указ. соч. С. 97.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 104.

⁴ Из дневников русского офицера. С. 281.

⁵ Там же. С. 278.

ные, они разговорились о претерпенном ими разорении от Французов, которым принуждены были угождать»¹. В Гродно Радожицкий примечал, что евреи больше всех обрадовались возвращению русских, т.к. «офицеры щедро награждают их за факторство, а у простых солдат Жиды покупают сходно всякие вещицы...»². Здесь «шляхта, или все дворяне, и праздные французы с приближением Русских ушли в Варшаву, оттого многия дома были пусты»³, поэтому и с постоем проблем не было.

Интересны примечания сделанные, что Р.М. Зотовым, что и И.Т. Радожицким, касательно взаимоотношений «литовцев» и «жидов». В случае с лошадьми, «услужливые Евреи» подсказали русским, где их искать⁴. А в местечке Ойшаники И.Т. Радожицкий с компанией «услышали от Жидов рассказы о вероломстве Литовских жителей, как они в начале кампании при появлении Французов нападали на наши обозы, оставляемые с слабыми прикрытиями, истребляли больных, и в самом местечке Ойшаниках захватили в плен команду егерей с офицером»⁵. Евреи явно не показывали собственного отношения к русским, а искали какую-либо выгоду со склонной им предпринимательской жилкой.

Свечин, двигаясь из Вильно в Ковно, ночлег нашел вдали от большой дороги, т.к. по ней «все выжжено». Углубившись, нашел он места, в которых «совсем почти и не видали французов, и я нужды не терпел ни в провианте, ни подводах»⁶. Более подробно о прохождении по этим губерниям, писал артиллерист. Он регулярно акцентирует внимание на том, что местные жители «принимали нас как виноватые, с боязнию и опасением нашей мнимой ненависти», при этом подчеркивая, что русские убеждали их в своем миролюбии⁷. Однако, рассказы Зотова противоречат этому утверждению. Он, повествуя о том, как выздоровевших собирают в отряды и отправляют в действующую армию, отмечал, что «начальник команды... воображал себя полным хозяином всех проходимых селений и действовал самым деспотичным образом»⁸. Он отмечал, что «или жители приучены были к самовластным действиям военных команд, или собственное их нерасположение к русским было тому причиною, – но когда команда приходила на ночлег, то жители равнодушно объявляли, что у них нет решительно ничего, чтоб накормить людей. С таким же хладнокровием мой По-

---

¹ Радожицкий И.Т. Указ. соч. Ч. 1. С. 276.

² Там же. С. 293.

³ Там же. 291 – 292.

⁴ Зотов Р.М. Указ. соч. С. 109.

⁵ Радожицкий И.Т. Указ. соч. Ч. 1. С. 288.

⁶ Из дневников русского офицера. С. 281.

⁷ Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста. Ч. 2. С. 9.

⁸ Зотов Р.М. Указ. соч. С. 105.

ручик отвечал: «хорошо! Сами сыщем» ... Тотчас отыскивал чулан, смыывал замок и находил всегда очень обильные припасы всякой всячины»¹. Русские брали больше, чем требовалось, чтобы делать запасы. Командованием такое поведение не поощрялось, особенно, когда дело доходило не до простолюдинов, а до высших сословий. Так, Р.М. Зотов приводит случай, что «одного такого партизана подвергли всей строгости военного суда, потому что он уже и по замкам Польских Магнатов стал забирать все что ему нравилось, не исключая и их семейств»². В одном из местечек местные жители угоняли всех своих лошадей в лес, чтобы русские не смогли сменить их³. С другой стороны, И.Т. Радожицкий отмечает, когда им не стало хватать продовольствия при ретираде в Пруссии, что «за деньги в деревнях ничего не находили, а фуражировать было запрещено. Жителям приказали ловить фуражиров, или мародеров, и за каждого обещали по червонцу»⁴. Проходящие русские войска вели себя по порядкам военного времени, которое своим тяжким бременем всегда ложится на мирное население, на местных жителей.

Ловелас И.Т. Радожицкий всегда отдельно описывает представительниц прекрасного пола. Не обошел он вниманием и полек: «Прекрасные Польки встречали нас также с робостью, но милыми улыбками и восхитительными глазками могли обезоружить самого ревностного Москвитянина»⁵. Здесь стоит сказать о том, какой прием русские считали хорошим: хозяева, естественно, должны были хорошо кормить, поить, развлекать, предоставлять, по возможности, отдельные комнаты. Но самое немаловажное, у них должны были быть очаровательные дочери. Это постоянно примечает Радожицкий, об этом же пишет и Р.М. Зотов: пылкий юноша 17 лет пытался несмело заводить роман с одной из дочерей хозяина, у которого жил в Вильно, а потом и в Пруссии, у одного «форштмейстера». Зотов пишет: «Меня же все это (немецкий язык, политика, вино и деньги – К.Б.) очень мало занимало; мне гораздо больше нравилась его Анхен. Хотя по логике моего Поручика и она должна была считаться его принадлежностью, но, видя, что я при взгляде на нее всегда таял, он очень великодушно уступил ее мне, а сам пошел по другим домам отыскивать занятий, со строгою точностью возвращаясь в свою главную квартиру в часы завтрака, обеда, чая и ужина»⁶. Конечно, такие похождения не могли нравиться местным жителям, накладывали тень на честь девушек. Хотя некоторые

---

¹ Там же. С. 106 – 108.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 108 – 109.

⁴ Радожицкий И.Т. Указ. соч. Ч. 2. С. 139.

⁵ Там же. С. 289.

⁶ Зотов Р.М. Указ. соч. 110 – 111.

родители сами подталкивали дочек к русским, заставляя прислуживать за столом, чтобы «смиловить гостей».

Разницу в приемах русские почувствовали в Пруссии. Свечин писал в местечках Новоместо, Шервинь, что они разделены «друг от друга речкой, и с первым кончается княжество Литовское, а со вторым начинается Пруссия; в первом множество Жидов и Поляков (которых судя по всему ненавидит автор), во втором только Пруссаки». И автор болезненно признается, «что желал бы, чтоб и в Отечестве нас столь душевно радостно принимали, как здесь»¹. Зотов также отмечает, что, перейдя через Неман в районе деревни Шлиново, встретили они гостеприимство жителей, говорит, что «они нас принимали с таким радушием, с такою ласковостью и услужливостью, что воспоминание о них будет самым приятным чувством. – После косых взглядов и недоброжелательства, вдруг перейти к таким людям, которые считают тебя своим избавителем и рады с тобой делить свое имущество»². В Инстербурге (ныне Черняховск, Калининградская обл.) Свечин квартировал у отставного ротмистра Прусских черных гусар Буша, у которого «принят был хорошо», но квартиру пришлось сменить, т.к. у ротмистра умерла мать как раз в этот день. Другая квартира была «у стульного мастера Земера. В маленькой, тесной и очень неспособной комнатке был я очень доволен по пословице «не красив дом углами, а красив пирогами»; добрые хозяева старались угадывать, чего я желал»³. В целом, о заграничных квартирах говорит Свечин с большим пиететом, нежели, чем об отечественных. Даже о евреях. В Кенигсберге, квартировав у одного еврея, он писал, что «не имел нужды ходить здесь обедать в трактир, ибо имел всегда порядочный стол у хозяина»⁴. Зотов также отмечает, что в Инстербурге их «осыпали ласковостью и угощением»⁵. И если для офицеров условия подбирались неплохие, то для русских солдат они не всегда были комфортными. Свечин описывает случай, как один солдат пожаловался на немца, хозяина квартиры, что тот «поступает с ним грубо, не кормит и в холодной комнате морит». Беллинсгаузен, бывший комендантом, проверив данные, находит подтверждение словам солдата и посылает за этим немцем. Тот, «видя, что дело плохо, присылает к нему свою жену. О Немце хитер! Подумал, в шляпе и капоте его жена все исправит дело. Нет, пустое! “Не с вами, а с вашим мужем я имею дело”, был ей ответ. Явился муж и получил 25 плетей на спину»⁶. Конечно, не по своей воле местное населе-

¹ Из дневников русского офицера. С. 281.

² Зотов Р.М. Указ. соч. С. 120 – 121.

³ Из дневников русского офицера. С. 282

⁴ Там же. С. 283.

⁵ Зотов Р.М. Указ. соч. С. 121.

⁶ Из дневников русского офицера. С. 283.

ние впускало в дом русских солдат и офицеров. Но, даже учитывая это, обхождение было очень разным, и многое зависело от хозяев. Помимо прочего, надо отметить, что в немецкие княжества заходила армия – победительница Наполеона! И ей восхищались, русская армия поднимала боевой дух у самих пруссаков. Молодежь, создавая отряды фрейкоров (молодые люди всех сословий вступали в отряды рядовыми, на свой счет одеты; те, кои в кавалерию, со своей лошадейю), «обмундировку перенимали совершенно у нас»¹. Свечин пишет: «С каким восторгом нас принимают! Имя Русского сделалось именем защитника, спасителя Европы». Скучный на описания, Свечин представляет несколько картин приемов русских. Вот одна из них: «Я не буду говорить об офицерах; скажу только, что в большом доме на бульваре видите двух или трех наших солдат, сидящих на балконе; пред ними столик на котором большой кофейник с кофею, большая бутылка рому, большие чашки и стаканы, словом сказать, за столом, где льются пунш, пиво, кофею, курится табак, в толстейших Русского сукна шинелях с заплатками, сквозь которые нередко видна и рубашка, истлевшая от грязи и поту. Угощаются русские воины, и дочь хозяйская, прекраснейшая девушка, за честь почитает из рук своих поднести гросглас шнапсу; а сей без дальних комплиментов, одним глотком высушив стакан, в трепет приводит всех зрителей и *roug fair galant* снова наливает стакан и подносит ей, которая, не смотря на отвращение, принуждается отцом и матерью испить глоток. Действительно, весь прием был триумфом армии»².

С другой стороны, посаженные русские коменданты иногда старались «приезжающих как можно скорее выпроводить». Таким был комендант Берлина подполковник Кожин, которого еле-еле уговорили дать постоять пару дней³. Об этом же вскользь упоминает Р.М. Зотов, рассказывая, что «как товарищу моему вовсе не нравились города, где церемонность росписателей квартир и учтивая холодность жителей, мало давала нам случая погулять, то мы и останавливались все по деревням, делая по временам и дневки, (на два, на три дня), чтоб отдохнуть»⁴. Причина этого, надо думать, крылась в обязанностях комендантов не допустить разорения введенных им городов. И если оставить на постой армию на более долгие сроки, то она разорит местных жителей.

Но хорошо, если русские вели себя миролюбиво, не обижали своих хозяев. Однако, были обратные случаи. Так, Свечин описывает остановку в

---

¹ Там же. С. 283 – 284.

² Там же. С. 286 – 287.

³ Там же. С. 285.

⁴ Зотов Р.М. Указ. соч. С. 109.

деревне Ейч: «расположились по квартирам чрезвычайно тесно», т.к. на роту¹ было не больше как по одной квартире, для всех же офицеров одна только квартира. Только полковой командир имел особую... Здесь на квартире удалось мне видеть настоящий Содом и Гомор. С лишком двадцать человек офицеров на одной квартире в двух комнатах. Крик, шум, кто поет, кто ругается, кто кричит, кто выходит, кто приходит, и все сие стекается к одной хозяйке. Всех она должна удовлетворять; бедная мечется во все углы, все ее бранят, ни от кого она не слышит благодарности за добровольное пожертвование своего имущества... Едва лишь утро начинает прогонять мрак ночи, как сцена уже начинается первым действием: бедная хозяйка не спавшая целую ночь, тащит на стол два кувшина кофию и две бутылки водки. Едва лишь продрали глаза герои наши, как слово *шнапс* раздается громким криком; встают, и вот начало кутерьмы: тут иной, не мывшись несколько дней, Арей без штанов и сапогов, летит к столу и водкой перегорелую уже от пьянства глотку вновь наполняет; другой, нежного воспитания, представляя из себя, спешит к кувшинам кофия не опоздать; сам дома по праздникам лишь сбить пил, а здесь бранит хозяйку нещадно, что кофий дурен. Наконец, все пробудилось, встало и поднялся дым коромыслом; тут каждый на свой обычай колобродит»².

Надо отметить, что та манера поведения некоторых офицеров, которая наблюдалась в приграничных Российских губерниях, сохранялась и в Пруссии. Так, Р.М. Зотов описывает ситуацию, когда начальник его команды, не вняв информации об изменившемся маршруте, вместо Алленбурга привел 100 человек солдат в Велау. Он требовал от распорядителя квартиры, на что тот предложил обратиться к бургомистру Велау, а «самовластно же занимать он нам не советует, потому что он прикажет крестьянам не впускать нас и не давать нам ничего». Но поручик решил применить тактику «сами возьмем», вступив в конфликт с местным населением. После длительных перипетий поручику с Зотовым пришлось ехать к бургомистру, вместе с арестованными ими распорядителем и вегинспектором. И только бургомистр смог решить вопрос с расквартированием, и то, только в связи с политической ситуацией, как отмечает Р.М. Зотов. После разрешения ситуации, расквартировании войска, «через полчаса мы были с жителями наилучшие друзья»³. Стоит предполагать, что это была дружба по необходимости. О том, что радушие местных жи-

---

¹ Д.П. Бугурлин указывает, что рота насчитывала от 240 до 250 человек (Бугурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. СПб., 1823. Ч. I. С. 81).

² Из дневников русского офицера. // Русский архив. 1900. Т. 38 (7). С. 292 – 293.

³ Зотов Р.М. Указ. соч. С. 123 – 134.

телей было необходимо, говорит следующий сюжет, описанный Р.М. Зотовым: на разливе перед Данцигом стояло несколько дач, с хозяином одной из них, данцигским купцом, удалось познакомиться офицерам дружины, в которую был определен наш герой. Они навещали купца регулярно, а однажды, прибыв в неурочный час, увидели привязанную чужую лодку. Думая, что это прибыли офицеры другой дружины, Зотов с компанией вошли в дом и были крайне удивлены, увидев, что их хозяин принимает французских офицеров. Столкновению воспрепятствовал сам купец, пояснив, что «Кто б ни остался победителем – я все таки погиб, – потому что обе стороны вменяют мне в преступление радушный мой прием, и Русских и Французов. А вы сами рассудите, могу ли я не принимать тех, или других? Если б здесь стоял пост чьего либо войска, то я, разумеется, должен бы был соблюдать общие правила войны и не принимать к себе других, – а теперь я на какой-то нейтральной полосе, и если б даже не хотел, то принужден оказывать гостеприимство всякому кто ко мне приедет. Оставьте же, сделайте милость, господа, всякую ссору у меня в доме, и если угодно вам драться, то выезжайте на разлив, – а по моему, так лучше посидите и погостите у меня мирно и дружно. На поле сражения вы будете исполнять каждый свою должность и убивать друг друга, а здесь какие у вас личные ссоры? Дайте же друг другу руки и разопьемте со мною хорошего Иоганнсбергера». Надо сказать, что купцу удалось нейтрализовать зарождающуюся стычку, французские и русские офицеры пожали друг другу руки «через полчаса мы уже разговаривали с ними так дружески, как будто с короткими приятелями»¹. Данное событие, естественно, было решено оставить в тайне, т.к. подобное поведение с врагом во время осады было недопустимым для обеих воюющих сторон. После взятия Данцига и Новгородское, и Петербургское ополчения были распущены, а соответственно и воспоминания о них прекращаются.

И.Т. Радожицкий же служил в армии Милорадовича, которая держала свой путь через герцогство Варшавское и Пруссию в Саксонию и далее. Отдельно стоит рассмотреть прохождение русских войск через герцогство Варшавское. Радожицкий отмечает, что «городские старшины встретили нас хлебом и солью, и представили ключи на бархатной подушке. ... На квартирах приготовлены были для них лакомые обеды, однако на этот раз гостеприимству доброхотов не доверяли: приказано было солдатам кушать свою Спартанскую кашу с дебелими сухарями, а Польские потравы оставить неприкосновенными»². Полякам доверия не было. Тем не менее, на ночлег «останавливались на мызах, где нас принимали с боязнию и не-

¹ Там же. С. 142 – 143.

² Радожицкий И.Т. Указ. соч. Ч. 2. С. 16.

вольным доброхотством; но мы везде обходились дружелюбно»¹. Немцам русская армия доверяла больше. Но для самих немцев постои русских войск был разорителен. Радожицкий описывает один из обедов: «первым явился нам вассер-суп или водяная похлебка заправленная маслом, в которую пущено было несколько кусочков белого хлеба; потом жареная баранина с картофелем, и вареный чернослив. Это был обыкновенный обед, которым нас кормили во всей Пруссии, с тою только отменой, что у иных хозяев вместо чернослива подавали иногда яичницу или блины. Но как для нас, Русских, привыкших к фундаментальной пище, немецкие супы и гостеприимные порции баранины и чернослива были неощутительными в желудке, то мы нередко, в дополнение требовали от удивленных хозяев молока, масла, сыру и своим аппетитом расстраивали их чуланную экономику. ... Чтобы совершенно угостить нас, доброхотный Немец сбегал в лавочку и принес старого, кислого, как укус, рейнвейна»². Р.М. Зотов также отмечал: «Я думаю Прусские крестьяне дивились нашему северному аппетиту. Это было какая-то ненасытность»³. В целом, Радожицкий подчеркивает прусское гостеприимство, неоднократно повторяя, что «в квартирах прислуживались весьма усердно»⁴. В Силезии (Шпроттау), хоть и были отведены квартиры «каждому Офицеру особо, на площади в каменных двухэтажных домах», но сами немцы лишь «по обязанности» «были услужливы, нельзя сказать гостеприимны». Да и купеческие лавки «были пусты, без купцов и без товаров». Радожицкий отмечает такое поведение тем, что пруссаки не доверяли союзничеству и боялись попросту быть разграбленными. Даже на русские деньги нельзя было ничего купить. «Ассигнации наши они только рассматривали, и то не с большим любопытством; товаров же за них не давали никаких, а требовали своих талеров или Русского серебра»⁵.

Дальнейший путь лежал в Саксонию. Сельские жители здесь были «дружелюбны в обхождении», однако в Дрездене русских офицеров не пустили ни в Картинную Галерею, ни в Зеленую Палату, ни в Королевскую библиотеку, сказав, что «все это заперто, и при нынешних обстоятельствах не всякому позволяется входить туда, особенно военным чужестранцам». Здесь «не только галереи, но и лавки, магазины, все было заперто». После ухода войск из того или иного места лавки и магазины открывались⁶. Саксонцы не были союзниками России, а напротив, дружественны с Франци-

---

¹ Там же. С. 18.

² Там же. С. 22 – 23.

³ Зотов Р.М. Указ. соч. С. 162.

⁴ Радожицкий И.Т. Указ. соч. Ч. 2. С. 40 – 41.

⁵ Там же. С. 41 – 42.

⁶ Там же. С. 72, 221.

ей. И, тем не менее, саксонцы были вынуждены принимать на постой русских, и даже устраивали балы в честь русских (в г. Хемниц дважды)¹. А в Альтенбурге ночлег сыскать становилось сложнее, жители, «видя грозные силы русские, прятались в домах и не показывались на улицах»². Все саксонское отношение к русским стало ясным во время ретирады (отступления). Радожицкий отмечает, что когда они обратно проходили через Дрезден, то «жители равнодушно смотрели на нас, каждый занимаясь своим делом; любопытных было мало, впрочем, многие посмеивались, и, кажется, с удовольствием смотрели на нашу суетливость...». Французов же в Дрездене встретили «с колокольным звоном и радостным криком». «Это для нас показалось весьма оскорбительно»³, – вздыхает Радожицкий. Проходя через Бауцен, И.Т. Радожицкий также отмечает, что «жители, казалось, готовились для торжественной встречи Французов с их Императором: все чистили, мели и прибирали в виду нашем»⁴.

Во время очередного наступления русских саксонцы прятались, боясь «мщения не столько русских, сколько пруссаков, которые обходились с ними как с неприятелем и мстили на каждом шагу за зло, сделанное в Пруссии французами»⁵. Местные жители относились к русским войскам, квартировавшим у них, как к меньшему злу: в предместье Нейштата «жители, казалось, были довольны нашим прибытием, и обнаруживали великую боязнь к французам и пруссакам». Но в том же время, здесь было много шпионов и нахождение на постое становилось опасным⁶.

Таким образом, необходимо понимать, что прием и обеспечение проживания русской армии были повинностями населения, обусловленными состоянием войны и совсем не связанные с добровольным порывом. Такой повинности требовали все воюющие стороны, и жителям территорий, на которых велись военные действия, через которые проходили армии, ничего не оставалось делать, как подчиняться завоевателю. Само же отношение местных жителей к проходящей армии складывалось из нескольких составляющих: во-первых, от степени разоренности мест военными действиями; во-вторых, насколько жители боялись мщения русских и французов за оказание квартирных услуг и тем, и другим. Поляки и русские испытывали взаимную неприязнь. Саксонцы были дружественны с французами, а поэтому принимали с напускным радушием, а при отступлении, напротив, радовались уходу русских. Лишь с пруссаками были более-менее друже-

---

¹ Там же. С. 75, 81.

² Там же. С. 82 – 84.

³ Там же. С. 94 – 95.

⁴ Там же. С. 111.

⁵ Там же. С. 220 – 221.

⁶ Там же. С. 233.

ские отношения. В-третьих, это отношение зависело и от поведения самих русских, которое нередко было вызывающим, где-то даже наглым, но, в целом, являвшее собой обыкновенное поведение любого победителя.

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЕЛЬЯМИНОВСКОГО ФОРТА В УСЛОВИЯХ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ 1838 – 1854 ГГ.

СМИРНОВА АННА МИХАЙЛОВНА,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России (с древнейших времен до начала XIX века) института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена; Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: smirnovaam@herzen.spb.ru

Сведений о военных буднях Вельяминовского форта и о жизни в нем гарнизона во время Кавказской войны сохранилось очень немного. Вынужденные оборонять форт от желавших стереть его с их земли горцев, солдаты были кроме того отягощены постоянным поддержанием зачастую построенных на «скорую руку» казарм и фортификационных укреплений, приведению их в подобающий вид. Тяжелые погодные условия – жара летом, пронизывающий ветер в зимний период и постоянно большая влажность, нехватка боеприпасов и продовольствия, поставлявшихся исключительно морским путем. Решением последней проблемы была меновая торговля с горцами.

Еще в 1811 г. было принято решение открыть шесть меновых дворов: Прохладненский, Наурский, Лашуринский, Прочноокопский, Усть-Лабинский и Константиногорский) и четыре соляных магазина (Прохладненский действовал с 1809 г., Прочноокопский, Усть-Лабинский и Константиногорский). На меновых дворах черкесы покупали товары за деньги, но при этом сбывать свою продукцию имели право только путем обмена товара на товар, преимущественно на соль, что, естественно, вызывало недовольство горских народов. Ассортимент менового торгова был ограничен: разрешалось обменивать у горцев только хлеб и соль. Соль была дефицитным товаром в горах и очень ценилась, российское правительство монополизировало торговлю солью и строго регламентировало ее через меновые дворы. Соль и была тем мериллом, на который прикидывались цены дров, кож, масла, меда, плодов. Горцы привозили на меновые дворы кожи и меха в сыром виде, лошадей и рогатый скот, бурки, горскую одежду, ножи, циновки. При перевозке товаров через Черноморскую береговую

линию в равной мере для всех соблюдались таможенные и карантинные условия.

Сведения о жизни солдат и офицеров, о состоянии укреплений можно найти в составленном генералом Н.Н. Раевским «Обозрении Восточного берега Черного моря». «Обозрение» было отправлено графу А.И. Чернышеву 26 апреля 1839 г., а составлено, по-видимому, в середине апреля¹. Из записок Г.И. Филипсона, бывшего начальником штаба у Раевского, известно, что свои «обозрения» Раевский сам не писал, а диктовал их состоявшим при нем капитану Л.С. Пушкину, младшему брату нашего знаменитого поэта, и прапорщику Антоновичу «занимавшему впоследствии высокий пост попечителя Киевского Учебного Округа»². Также в «Воспоминаниях» Г.И. Филипсона говорилось: «Пушкин был почти неразлучен с генералом Раевским. Последний был большой мастер утилизировать людей, но не мог заставить Пушкина заниматься чем-нибудь серьезно, кроме писания под его диктовку»³. Видимо сказывался «разбитной» веселый характер «Левушки» Пушкина, утверждавшего, что они с Н.Н. Раевским вместе «командовали Нижегородским драгунским полком»⁴.

В «Обозрении» Н.Н. Раевский писал: «Для открытия сношений с горцами я привез с собою на первый случай две тысячи пудов соли»⁵. Он объявил горцам, что знает о недостатке у них соли, и той завышенной цене, по которой они покупают ее у контрабандистов и заявил, что будет обменивать соль на их продукты в десять раз дешевле, чем они покупали ее раньше. Но торговля будет открыта только там, где горцы в течение зимы не производили нападений на укрепления. «Таким образом, – сообщал Раевский, – представляя им сию продажу, как награждение, я разрешаю ее в Александрийском укреплении (на Добе), в Геленджике, в Новотроицком, в Михайловском, в Тенгинском, в Вельяминовском и в Укреплении Св. Духа»⁶. В крепости Анапа, на которую постоянно совершались набеги, торговые операции были запрещены.

---

¹ Обозрение Восточного берега Черного моря, составленное Н.Н. Раевским // Архив Раевских. / Изд. П.М. Раевского; Ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб., 1910. Т. 3. Письма 1839 – 1841 гг. С. 48.

² Там же.

³ Филипсон Г.И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Filipson_G_I/text2.htm

⁴ Там же.

⁵ Обозрение Восточного берега Черного моря, составленное Н.Н. Раевским // Архив Раевских. СПб., 1910. Т. 3. С. 63.

⁶ Там же.

Так же целью торговли было снабжение гарнизонов необходимыми припасами и пропитанием. Поэтому Н.Н. Раевский разрешил производить обмен для личных нужд не только воинским начальникам и комендантам, но и остальным, включая, офицеров, ротные артели, нижних чинов, а также живущих в фортах разночинцам (вольнонаемным рабочим). Но разночинцам было запрещено обменивать товары, пока все, что будет необходимо, не приобретет гарнизон, также запрещалась перепродажа во избежание наценок на товары и личного обогащения из-за купленных оптом товаров¹. В Вельяминовском укреплении, отмечал генерал-лейтенант, «горцы приходят продавать гарнизону вино своего изделия и разные плоды, спрашивают соли и изъявляют желание покупать оную»².

Кроме проблем с продовольствием, на Черноморском побережье были широко распространены различные болезни. Особенно часто встречалась малярийная лихорадка. Малярия была одной из самых тяжелых болезней, порождала большую смертность. В то время на Кавказе находилось много водоемов, которые сейчас называются анофелогенными – т.е. те, где водятся малярийные комары, переносящие болезнь, малопроточные и хорошо прогреваемые. Таких водоемов и болот было немало, особенно в районе морского побережья, именно там, где стояли русские крепости. Известно, что по причине малярии горские народы не любили селиться в низменности у моря, а предпочитали уходить выше, в горы. Только в 1871 г. вышла книга врача-писателя Н.И. Торопова «Хинин и его употребление в болотных лихорадках». При этом Н.И. Торопов указывал, что считалось вполне обыкновенным делом, когда в укреплениях на Черноморском побережье Кавказа от Поти до Новороссийска в год вымирала десятая часть гарнизона³.

Унтер-офицер М.Ф. Федоров в своих «Записках» сообщал о том, что во всех укреплениях была эпидемия цинготной болезни: «Военное начальство и вообще правительство ничего не жалело для устранения этого зла: для цинготных больных отпускали кизил, барбарис, лимоны; когда их не было – отпускали лимонный сок, полагая по шести золотников на человека. Мало этого, вздумали цинготным делать ванны из пивной гущи»⁴. У солдат и офицеров это зачастую вызывало недоумение. И кизил, и барбарис, и алыча росли на побережье, однако в связи практически с «осадой»

¹ Там же. С. 64.

² Там же. С. 87.

³ Смирнова А.М. Военные будни фортов Кавказской береговой линии 1838 – 1850 гг. // Петербургские военно-исторические чтения. Сб. науч. ст. СПб., 2018. С. 60.

⁴ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 гг. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://apsnyteka.org/2791fedorov_m_f_pohodnye_zapiski_na_kavkaze_s_1835_po_1842_god.html

гарнизонов в крепости, по выражению поручика Генерального штаба, разведчика Ф.Ф. Торнау, их сложно было достать, приходилось договариваться с горцами и менять на нужные им товары¹.

Войск, размещенных на Черноморской линии, созданной в 1830 – 1850-х гг., катастрофически не хватало. Гарнизоны укреплений насчитывали всего 2776 человек вместо 25980 минимально требующихся и положенных по штату². Количество заболевших и смертность в укреплениях береговой линии были огромные. Н.Н. Раевский приводил такие данные по Вельяминовскому форту на декабрь 1838 г.: больных – 130, из которых больных цингой – 42, другими болезнями – 88, умерших 17. В январе 1839 г. общее число гарнизона составляло 226 чел., из которых 87 болели цингой, 48 – другими болезнями, 34 умерли. На февраль 1839 г. видим такие данные: 119 больных всего, 52 – зараженных цингой и 67 другими болезнями. Смертность в этом месяце – 19 чел. Наличное число гарнизона в марте 1839 г. уже составляло 176 чел., из которых 141 больных. Умерших – 41³.

Далее Раевский указывал: «В форте Вельяминовском из среднего числа гарнизона в 228 человек, заболело в месяц средним числом 131, а умерло 27 человек, т.е. заболел каждый 2-й, а из больных умирал каждый 5-й»⁴. Также в лазарете форта он заметил находившихся там трех больных черкес, четвертый уже вылеченный, был отправлен домой. Н.Н. Раевский не только ласково разговаривал с больными, но и дал каждому из присутствующих денег и «поручил медику и воинскому начальнику особый надзор за ними», проявив заботу об их здоровье⁵.

Огромное влияние на жизнь гарнизонов оказывали погодные условия. На Черноморском побережье было очень жарко, часто бушевали бури и штормы: «днем несносный жар, ночью сырой холод, окрестные болота гниют, воздух делается тяжелым, появились желтые лихорадки»⁶. Большинство вновь прибывших, не привыкших к таким погодным условиям и не успев акклиматизироваться, заболели.

---

¹ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Государь Николай Павлович. М., 2007. С. 438.

² Смирнова А.М. Военные будни фортов Кавказской береговой линии 1838 – 1850 гг. С. 59.

³ Обзорение Восточного берега Черного моря, составленное Н.Н. Раевским. С. 86.

⁴ Там же. С. 87.

⁵ Там же.

⁶ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 гг. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://apsnyteka.org/2791fedorov_m_f_pohodnye_zapiski_na_kavkaze_s_1835_po_1842_god.html

В 1840 г. в сентябре, возле Туапсе был высажен 4-й батальон тенгинцев (Тенгинского полка) для того, чтобы помочь отстроить Вельяминовское укрепление. В отчетах указано, что «сильная жара, доходившая до 40 – 45 °С изнурила до невозможности непривыкших к климату людей 5-го корпуса и породила среди них большую болезненность»¹. Бури и штормы сильно свирепствовали на море в 1838 и в 1848 гг.² Исследователь отмечал: «Одновременно с бурей в Новороссийске, бора причинила разрушения в Геленджике, Новотроицком и Вельяминовском. Особенно сильно свирепствовал норд-ост в Туапсе. Здесь были сорваны крыши со строений и башни»³.

Недалеко от устья реки Туапсе 30 мая 1838 г. «13 судов покойно стояли на якорях: бриг “Фемистокл” – лучший ходок Черного флота, новые тендера “Луч” и “Скорый”, пароход “Язон”, заслуженный транспорт “Ланжерон” и 8 купеческих судов»⁴. В два часа пополудни задул ветер, а к четырем часам уже бушевал шторм. Вовремя меры предосторожности приняты не были, суда не успели уйти дальше в море. При усилении ветра Н.Н. Раевский приказал растянуть цепь по берегу для помощи людям и судам, и особенно беспокоился о том, чтобы корабли не выкинуло на черкесский берег на другую сторону реки Туапсе. Два батальона солдат должны были переправиться на другой берег с учетом возможного развития событий. Но нрав горных рек не изменился до сих пор – реки разливаются мгновенно, вода устремляется вверх и переправиться через них невозможно, либо это грозит гибелью смельчакам. Первыми во время шторма выкинуло на берег купеческие суда. Поздно вечером к берегу прибило транспорт «Ланжерон». «Он упал мачтами к берегу, что и послужило к счастливому спасению его экипажа»⁵. Тендер «Луч» и бриг «Фемистокл» отбросило к черкесскому берегу. Пароход «Язон» «накрыло и бросило на мель»⁶, однако на этом все не закончилось – большое купеческое судно, сорванное с якорей, налетело на «Язон». Часть команды погибла мгновенно. На следующий день на мачте «Язона» висело еще много людей, им не могли оказать никакой помощи: «Ракеты, пускаемые веревкой, возвращались назад. Решились с опасностью для язонцев бросить ручную гранату, но и та упала в воду, не долетев до парохода, – такова была жестокость ветра <...> Мат-

¹ Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе: 1819 – 1846 / Под. ред. В.А. Потто. Тифлис, 1900. С. 231.

² Щербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. История войны казаков с кубанскими горцами. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 378.

³ Там же. С. 379.

⁴ Лазарев М.П. Документы / Под ред. А.А. Самарова. М., 1955. Т. II. С. 619.

⁵ Там же. С. 620.

⁶ Там же.

росы делали чудеса смелости и самоотвержения – но напрасно. Море отвергало все – и людей, и все их меры, оно хотело побушевать на раздолье и точно – набушевало»¹.

Крушение потерпел и тендер «Скорый»: «Буря, сорвав его с якоря, кинула его на мель у самого устья реки Туапсе. Вздутая дождем, река неслась в море, а море, взволнованное бурей, удерживало ее стремление. Обоюдный напор волн взрыл мель, на которой остановился тендер и погружал его больше и больше. Наконец тендер исчез под водою»². В ходе этой катастрофы погибли три офицера и сорок шесть матросов, около пятидесяти человек, пять военных и восемь купеческих судов. После этого шторма были приняты меры предосторожности: командир каждого военного судна должен был, приходя укрепления и оставив там все бумаги, сразу же получить другие и отплыть. Если они не будут приготовлены заранее, то нужно договориться с начальником укрепления о времени их изготовления и уплыть, затем вернуться к тому времени, когда бумаги будут готовы³.

Зимой и осенью укрепления были полностью изолированы от остальной России, кроме того, между собой форты также не имели сухопутного сообщения. «Я сравниваю теперь положение этих фортов с положением во время осады поляками Троице-Сергиевского монастыря, отстоящего от Москвы на 60 верст; но это было более чем за двести лет до нашего времени»⁴, – писал унтер-офицер М.Ф. Федоров. Поэтому при очередном нападении горцев форты могли полагаться только на себя: «Шапсуги, убыхи, натухайцы, стремясь измотать и так небольшие силы гарнизонов, заставляли солдат по нескольку раз за ночь выбегать на бруствер в одной рубашке и по целым часам напрасно ожидать нападения, которое обыкновенно они производили»⁵. Продолжаться такое могло месяцами, особенно в промозглые сырые осенние и зимние месяцы.

Для облегчения службы солдат в укреплениях держали специально обученных собак, которые могли обнаружить и подать рычанием сигнал о подкрадывающихся горцах: «Собаки же вместе с часовыми караулили укрепления по ночам, их специально дрессировали чуют горцев. Собаки были хорошо приучены к своему делу, и сбегались при первом звуке бара-

---

¹ Там же. С. 621.

² Обзорение Восточного берега Черного моря, составленное Н.Н. Раевским. С. 88.

³ Там же.

⁴ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 гг. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://apsnyteka.org/2791-fedorov_m_f_pohodnye_zapiski_na_kavkaze_s_1835_po_1842_god.html

⁵ Смирнова А.М. Военные будни фортов Кавказской береговой линии 1838 – 1850 гг. С. 61.

бана, призывавшего к сбору. Более того, животные получали казенный провиант – состояли “на службе Его Величества”, да и солдаты зачастую делились с любимцами последним куском хлеба. Известно, что раненых в бою собак лечили в лазаретах наравне с людьми. При вылазках гарнизона из укрепления собак брали с собой, они бежали впереди охраны, выслеживали засевших в лесу горцев и нападали на них»¹.

Необычайно теплые, близкие отношения складывались на Кавказе между старослужащими солдатами и офицерами, которым приходилось много лет вместе тянуть лямку армейской службы. Тогда солдаты служили по 25 лет, а на Кавказе, по свидетельству А.М. Дондукова-Корсакова, адъютанта главнокомандующего Кавказского корпуса князя М.С. Воронцова, «вряд ли кто раньше 28 лет получал отставку»². Т.е. большую часть жизни они были на службе. И для них командир и собственная рота становились вскоре родными: «Все чувства сосредоточивались в родной военной семье, – полк, батальон, интересы, честь, боевая репутация части, к которой он принадлежал, составляли гордость солдата»³. Между кавказскими солдатами и казаками существовал ряд обычаев, заимствованных у горских народов: во-первых, «считать самым большим позором оставлять в руках горцев тела убитых товарищей (не говоря уже о начальниках и офицерах). Благодаря этому обычаю, в лесах чеченских и в горах Дагестана, русские части теряли всегда значительное число лишних людей. «Для того чтобы вынести раненого или труп убитого, которых оспаривали горцы, мы всегда теряли без нужды несколько своих», любой выход в лес, даже за телами павших, приносил новые жертвы. Выходя из дела при значительной потере, солдаты говорили: «зато ни одного из своих ему (Шамилю) не оставили»⁴. И с каким укором встречали они части, не выручившие своих убитых или раненых.

Таким образом, не только высадка десанта на территорию горцев требовала героических усилий. Героический характер имел не только сам процесс высадки, но и повседневная жизнь солдат и офицеров, в основанных фортах и укреплениях на Черноморском побережье Кавказа. В условиях жестокого сопротивления горцев, так и не покорившихся Российской империи, обладающих необыкновенной храбростью, в условиях больших лишений и нужд, болезней, вся служба в русской армии в течение длительной Кавказской войны была подвигом. Сплоченность, высокий мо-

---

¹ Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819 – 1846. С. 199.

² Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания 1845 – 1846 гг. // Старина и новизна. СПб., 1908. Кн. 6. С. 57.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 63.

ральных дух определяли именно ту легендарную боеспособность русской армии, помогали солдатам и офицерам ежедневно выдерживать все испытания.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ЗАВЕДЕНИЯ ПОСЕЛЕННЫХ ПОЛКОВЫХ ОКРУГОВ ПО ОПИСАНИЯМ 1850-Х ГГ.

КАНДАУРОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и теории культуры РГГУ; Москва, Россия;

e-mail: tanikand@mail.ru

Предреформенное десятилетие, или 1850-е гг. стали последним этапом развития военно-поселенной организации в России. В 1857 г. военные поселения (далее – ВП) кавалерии, расквартированные в южных и юго-западных губерниях страны, были преобразованы, получив на 9 лет статус Южных поселений уже в составе гражданского ведомства. На данном этапе военно-поселенные полковые округа продолжали развитие на той основе и по тому же вектору, которые были определены окончательно в середине 1820-х – 1830-х гг., когда были проведены реформы, и ВП стали рассматриваться в большей мере в качестве хозяйственной базы армии и базы по подготовке армейских резервов. В 1837 г. было сформировано пять новых (из числа 25 округов) кавалерийских поселенных округов в Киевской и Подольской губерниях, на землях, конфискованных у участников восстания в Царстве Польском в 1830 – 1831 гг. За время развития кавалерийских ВП на местах их дислокации была сформирована представительная и развитая хозяйственная и социокультурная инфраструктура, призванная обеспечивать поступательное развитие данного военно-хозяйственного института страны. Документальным свидетельством этого являются не только отчеты по ВП, но и статистические описания, и статистические атласы по всем трем региональным поселениям – Новороссийскому, Украинскому и Киевско-Подольскому. И хозяйственная, и социокультурная инфраструктура всех поселенных полковых и ротных (военное поселение Охтенского порохового завода) округов получили развитие с самого начала их формирования¹. По мере развития поселенных структур во временном и террито-

---

¹ Проект Учреждения о военном поселении пехоты. СПб., 1817. Ч. 1 – 3; Проект Учреждения о военном поселении регулярной кавалерии. СПб., 1817 – 1822. Ч. 1 – 3; Оглав-

риальном отношении происходило расширение их хозяйственного, производственного, социального и культурного секторов, отмечался их количественный рост и территориальный охват. Все это способствовало развитию хозяйственного сектора поселений, росту экономического потенциала полковых поселенных округов и формированию их обновленного социокультурного пространства. В ВП кавалерии сразу формировались конские заводы (1821 г.), для ремонта строевого конного состава уланских и кирасирских полков (1821 – 1844 гг.)¹, расквартированных в Херсонском (позднее Новороссийском) и Украинском ВП, воловые парки, для перевозки хозяйственных запасов и грузов, стройматериалов; запасные хлебные магазины, вспомогательные и заемные денежные капиталы, лесопильные и мукомольные заводы (Старая Русса)², мельницы. В дальнейшем в кавалерийских округах получили развитие овцеводческие заводы – заводы мериносовых овец³, были сформированы племенные общественные стада и племенные стада крупного рогатого военнопоселянского скота, служившие для улучшения породы скота военных поселян и представлявшие собой животноводческие комплексы⁴, с ветеринарными (коновальскими) аптеками и лечебницами; стало развиваться шелководство, табаководство, пчеловодство, садоводство и лесоводство, индустрия производства строительных материалов – известковые, кирпичные, черепичные заводы⁵, добыча (ломка) камня и камнетесное производство, деревообработка и изготовление деревянных изделий.

Одними из первых хозяйственных учреждений в округах военных поселений стали *запасные хлебные магазины* и запасы фуража, а также вспомогательные капиталы. Данные страховые социальные фонды создавались «согласно с главной целью учреждения военных поселений: доставлять

ление книг, заключающих в себе проекты и учреждения и разные положения о военном поселении. СПб., 1825 и др.

¹ Проект Учреждения о военном поселении регулярной кавалерии. СПб., 1822. Ч. 3.

² Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006. С. 278.

³ Положение об учреждении в округах Новороссийского военного поселения заводов мериносовых овец. СПб., 1842.

⁴ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. 1857 г. // Цубенко В.Л. Документи из історії військових поселень в Україні. Харків, 2008. С. 186 – 187.

⁵ Кандаурова Т.Н. Развитие новых отраслей сельскохозяйственного производства в округах военных поселений кавалерии в XIX в. (по материалам РГВИА) // Документ. Архив. История. Современность. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 21 – 22 октября 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 70 – 78; Кандаурова Т.Н. Военные поселения в России XIX в.: социокультурные аспекты развития // Вестник РГГУ. 2012. № 4. С. 32 – 43.

квартирующим войскам всякого рода выгоды, а также в постоянной заботливости о благосостоянии поселян»¹; они были учреждены в каждом полковом поселенном округе. Цель учреждения запасных хлебных магазинов состояла в ежегодном довольствии «провиантом нижних чинов, кантонистов и круглых сирот и фуражом лошадей», а в случае неурожая «в обеспечении полным продовольствием всех квартирующих в округе войск и семенами для засева казенных полей; также в пособии поселянам для продовольствия семейств и для засева их полей». Пособие поселянам из магазинов производилось заимообразно. «Кроме сих магазинов каждый военный поселянин, обязан иметь годовой запас хлеба на собственном току»². Благодаря наличию продовольственных и фуражных запасов, в неурожайные годы или при других чрезвычайных обстоятельствах поселенные округа продовольствовали в полной мере квартирующие в них войска, а военные поселяне имели возможность брать хлеб, муку на продовольствие семей и фураж на прокорм домашнего скота до следующего урожая. Для обработки земледельческой продукции и хранения продовольствия в округах были обустроены и отстроены общественные токи, где обмолачивали зерновые, некоторые с молотильными машинами, здания хлебных запасных и провиантских магазинов, клуны, овины, строения для сушки хлеба³.

В 1 – 8 округах Новороссийского ВП в 1843 г. «без пособия от казны» были «составлены... *мирские запасные магазины* сбором зерна с военных поселян в урожайные годы». Эти магазины создавались в дополнение к запасным хлебным магазинам, или, как отмечается в статистическом описании, «по невозможности обеспечить продовольствие всех военных поселян и обсеменение их полей в случае совершенного неурожая из запасных хлебных магазинов». Взнос в магазин составлял на каждую душу обоего пола большого и малого возраста по одной четверти озимаго и по одной четверти разнаго яроваго хлеба, кроме овса»⁴. По описанию 1857 г. в мирских магазинах этих округов состояло 62735 четвертей (озимаго – 44398 четв., и яроваго – 29427 четв.)⁵.

Другой резервный фонд поселенных округов составлял *заемный денежный капитал* военных поселян. Он формировался «для вспомоществования военным поселянам, заимообразно в их нуждах»⁶. Для пополнения заемного денежного капитала военных поселян в 1849 г. по предложению

¹ Статистичний опис округів 1-8 Новоросійського військового поселення. С. 181.

² Там же.

³ Атлас статистический округов Украинского военного поселения. 1855. Б. м., б. г. С. 20, 21, 23, 29, 60, 61, 70, 83.

⁴ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 181.

⁵ Там же. С. 182.

⁶ Там же. С. 184.

Инспектора Резервной кавалерии был введен «посев пшеницы и льна на общественных полях». Уборка этих посевов производилась «общественным нарядом военных поселян». А продажа с публичного торга при Штабах Начальника округов и в Окружных комитетах»¹. «Всего продано ценного хлеба по 1857 г. в 1 – 8 округах Новороссийского ВП на сумму 156843 руб. 54 $\frac{1}{4}$ коп. серебром»², в 9 – 12 округах – «на сумму 54293 руб. 52 коп. серебром»³, по 1856 г. в пяти округах Киевского и Подольского ВП – «на сумму 296179 руб. 59 $\frac{1}{2}$ коп. серебром»⁴.

Один из резервных фондов поселенных округов представлял офицерский вспомогательный капитал, учрежденный в каждом округе «для ссуды офицерам войск квартирующих в военном поселении». По объемам денежных средств вспомогательные капиталы региональных поселений были для своего времени достаточно представительными: в Украинском ВП сумма этого капитала составляла 312541 руб. 66 коп. серебром⁵, в Новороссийском – 363365 руб. 93 $\frac{3}{4}$ коп. серебром⁶, в Киевско-Подольском – 43513 руб. 44 $\frac{1}{2}$ коп. серебром⁷. В 1833 г. были утверждены императором правила, по которым из процентов этого капитала воспитывались «с 1840 года в Харьковском и Полтавском институтах благородных девиц, дочери офицеров и чиновников, состоящих на службе в округах военного поселения и войсках в них расположенных»⁸. Содержание воспитанниц в Харьковском институте составляло по 245 руб., «в Полтавском – по 250 руб. серебром на каждую»⁹. В Харьковском институте в 1856 г. воспитывалось 13 дочерей офицеров и чиновников Украинского ВП, в Полтавском – 4, в период с 1833 по 1849 г. образование в Харьковском институте получили «на счет капитала военных поселян» еще две ученицы¹⁰. В 1857 г. в Полтавском институте обучалось 13 дочерей служащих округов

¹ Там же. С. 185.

² Там же.

³ Статистичний опис 9 – 12-х округів Новоросійського військового поселення. 1857. // Цубенко В.Л. Документи з історії військових поселень. С. 236.

⁴ Статистическое описание пяти округов Киевского и Подольского военных поселений. 1856. // Цубенко В.Л. Документи з історії військових поселень. С. 292.

⁵ Статистичний опис округів Українського військового поселення. 1856 г. // Цубенко В.Л. Документи з історії військових поселень. С. 60.

⁶ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 182 – 183; Статистичний опис 9 – 12-х округів Новоросійського військового поселення. С. 233.

⁷ Статистическое описание пяти округов Киевского и Подольского военных поселений. С. 290.

⁸ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 183.

⁹ Статистичний опис округів Українського військового поселення. С. 60.

¹⁰ Там же. С. 61.

1 – 8 округов Новороссийского военного поселения за счет средств офицерского капитала, и было выпущено 19 воспитанниц и с 1833 г. по 1849 г. было выпущено 23 ученицы из этого института, а с 1849 по 1857 год еще 20 учениц, воспитывавшихся «на счет капитала военных поселян»¹. На средства из капиталов ВП обучались также дети чиновников Департамента военных поселений.

Развитие хозяйственного сектора поселенных округов кавалерии привело к формированию новых отраслей аграрного сектора. В Новороссийском и Киевско-Подольском ВП получает развитие *пчеловодство*, здесь были сформированы *общественные и церковные пасеки*. Последние создавались «для увеличения церковных доходов» в 1842 – 1843 гг. «первоначально, в виде опыта в течение 5-ти лет в одной волости каждого округа, а потом при церквях всех селений» данных региональных ВП. Они устраивались «без всяких издержек от казны, добротного пожертвования военных поселян»². В 1857 г. в 1 – 8 округах Новороссийского ВП насчитывалось 13 церковных пасек с 1443 ульями и доходом с 1837 г. в сумме 3032 руб. 50 коп. сер.³; в Киевско-Подольском поселении – 25 пасек с 1582 ульями, принесших дохода с 1842 по 1857 гг. в сумме 1102 руб. 69 коп. сер. В Украинском ВП были также функционировали церковные пасеки. В 1847 г. здесь поступило в доход казны 385 р. 75 к. сер., которые были причислены к общему церковному капиталу⁴. В первых восьми округах Новороссийского ВП в 1847 г. были заведены «общественные образцовые пасеки» «для увеличения доходов на содержание общественных почт и сельских больниц, с разрешения Инспектора Резервной кавалерии, без всяких от казны издержек». Этих пасек в 1 – 8 округах в 1856 г. состояло 17 с 2355 ульями, и дохода они принесли с 1847 г. в сумме 1419 руб. 38 коп. сер.⁵ В Киевско-Подольском поселении общественное пчеловодство получило развитие с 1846 г. с целью «увеличения доходов в капитал ВП». Общественных пасек было к 1857 г. 12 с общим числом ульев 1318, и они принесли дохода с 1842 по 1857 гг. в сумме 2893 руб. 87 ½ коп. Здесь пасеки обслуживали 4 старших пчеловода и 12 пчеловодов из военных поселян. На их жалованье и на содержание пасек отпускалось «из доходов пчеловодства ежегодно по 161 руб. 50 коп. сер.»⁶ В 9 – 12 округах Новороссий-

¹ Статистичний опис округів 1-8 Новоросійського військового поселення. С. 183.

² Там же. С. 187.

³ Там же. С. 187 – 188.

⁴ Краткія статистическія таблиці округов Українського військового поселення. За 1847-го года. // Цубенко В.Л. Документи из історії військових поселень. С. 101.

⁵ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 188.

⁶ Статистическое описание пяти округов Киевского и Подольского военных поселений. С. 294.

ского ВП (поселена Бугская уланская дивизия), как отмечалось в описании, «пчеловодством занимаются только военные поселяне, у которых состоят в небольшом числе пасеки», общественных пасек в этих округах не было¹.

Новой отраслью аграрного сектора в кавалерийских поселениях стало *шелководство*. «По распоряжению Господина Инспектора Резервной Кавалерии с 1842 г. приступлено к разведению во всех Новороссийских Округах тутовых деревьев и устраиваются шелковичные заведения для выделки шелка»². С 1843 г. в поселенных округах начали высаживать при богадельнях тутовые деревья, «с тем, чтобы в последствии завести шелковичных червей, и получаемым доходом от шелководства увеличить способы содержания богаделен». В 1849 г. тутовые плантации были заведены при всех селениях военных поселений и при школах кантонистских дивизионов. Также было «предписано приступить к разведению шелковицы в крестьянских усадьбах». Шелковичных червей выписывали из Франции, Италии, Персии, а также разводили «тибетской, китайской и арабской пород»³. В городах Вознесенске, Елизаветграде, Умани, м. Меджибож были учреждены шелкомотальные заведения. Деньги, получаемые от шелководства, использовались на устройство шелковичных заведений, и в дальнейшем должны были составить оброчную статью капитала ВП⁴. Шелковичные плантации были обустроены также при Красносельских лесах «в 3х питомниках»⁵, состоящих при 1 – 8 округах Новороссийского ВП. К 1857 г. здесь произрастало 62450 тутовых деревьев⁶. В 12-ти округах Новороссийского ВП к 1851 г. состояло 93 шелковичных плантации площадью 67 десятин, где произрастало 102175 деревьев⁷.

С 1832 г. в Новороссийских округах ВП началось разведение общественных садов, а «некоторых позже», «ботанических уже со времени регулярного устройства селений в первых восьми округах Новороссийского ВП, то есть, с 1839 г.». Здесь «разведение этих садов (ботанических – Т.К.) возымело свое начало частью от основания ВП в 1817 г., а в настоящее положение приведено с 1832 г.». В округах было от 9 до 324 садов и фруктовых плантаций. В садах произрастали и дикорастущие, и фруктовые деревья: «груши, яблони, сливы, вишни, персики, абрикосы, крыжовник, малина, барбарис, жестер, шиповник, роза моничера, тамарис, сирень и не-

¹ Статистичний опис 9 – 12-х округів Новоросійського військового поселення. С. 238.

² РГВИА. Ф. 405. Оп. 11. Д. 954. Л. 17.

³ Статистическое описание пяти округов Киевского и Подольского военных поселений. С. 295.

⁴ Статистичний опис 9 – 12-х округів Новоросійського військового поселення. С. 238.

⁵ РГВИА. Ф. 405. Оп. 11. Д. 954. Л. 17.

⁶ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 190.

⁷ РГВИА. Ф. 405. Оп. 11. Д. 954. Л. 18 об.

большими частями виноград»¹. Разведение военно-поселянских садов «возымело свое начало частью от основания ВП в 1817 г., а в настоящее положение приведено с 1832 г. Кроме сих садов других плантаций поселяне» не имели в начале 1850-х гг.² Сады также являлись элементом обновленного социокультурного ландшафта поселенных кавалерийских округов. В Украинском ВП в 1853 г. по ведомости о хозяйственных заведениях насчитывалось 79 садов³.

Табакводство получило развитие в поселенных округах с начала 1850-х гг., сначала в виде опыта на полях Новопржаской и Новомиргородской школ-ферм Новороссийского поселения. В 1853 г. были «учреждены для опыта плантации турецкого и американского табаку, для чего выписаны чрез Департамент военных поселений семена лучших сортов табаку»⁴.

Лесоводство также стало новой отраслью для округов поселений кавалерии. «Правильное лесоводство при учреждении военных поселений почти не существовало и только впоследствии вводится было постепенно». Со временем были «утверждены и изданы положения об управлении лесами: а) Черкасскими, в кавалерийском поселении – 1816 года; б) округов поселенного гренадерского корпуса – 1830 года; в) округа военного поселения Охтенского порохового завода – 1831 года, и г) округов в Киевской и Подольской губерниях – 1840 года. С 1826 и в особенности с 1829 года, начались в округах кавалерии, крайне нуждавшихся в лесе, ежегодные засевы леса, коего в настоящее время засеяно более 15 т.[ыс] десятин (до 1851 г. – Т.К.). Лесов в ВП состоит ныне до 400 т.[ыс] десятин»⁵. В каждом округе поселений кавалерии имелись небольшие лесные дачи, «называемые лесными боераками 1-го и 2-го разряда»⁶. К составу 1 – 8 округов Новороссийского военного поселения были причислены: 1. Черкасский находящийся в Черкасском уезде между рекою Днепром и Иердынью до самого впадения этой речки в р. Тясмин, в нем состоит лесу 10484 дес. 296 квадр. саж. 2., Красносельский, находящийся в 8-м округе в них состоит лесу

---

¹ Там же. Л. 14 об. – 17.

² Там же. Л. 17; Кандаурова Т.Н. Развитие социокультурных структур и институтов военно-поселенной организации (по материалам инспекторских смотров, статистических атласов и статистических описаний) // Документальное наследие и историческая наука. Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете. Екатеринбург, 11 – 12 сент. 2020 г. Екатеринбург, 2020. С. 641.

³ РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 2243. Л. 34.

⁴ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 191.

⁵ РГВИА. Ф. 405. Оп. 11. Д. 943. Л. 16.

⁶ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 149.

11401 десят. 922 квадрат. саж.»¹. Все эти лесные дачи снабжали округа «строительными материалами и дровами для отопления казенных и экономических зданий»². В поселениях также устраивались лесные питомники, в Новороссийском ВП их насчитывалось 257, здесь занимаемые ими площади составляли 1186 дес. 1971 саж.³ В Украинском военном поселении лесные дачи были «довольно значительны». К составу этих округов также были причислены казенные лесные дачи, находящиеся вне округов: 1. *Купянские и Гороховатские боры*, бор при поселке Боровом в Купянском уезде; 2. *Дубрава Лященковых* в Буняньском уезде; 3. *Маяцкая засека* в Изюмском уезде; 4. *Писемский лес* в этом же уезде; 5. *Бараки Нещеровские* в Старобельском уезде, *Ореховый и Плоский* в дачах коннозаводского управления; 6. *Отхожий лес Галеный (Индиковский)* в Змиевском уезде. Площади этих лесных дач включали 3196 дес. 584 саж.⁴ Местное управление лесами состояло «под наблюдением обер-форстмейстеров и форстмейстеров», которые подчинялись начальству региональных ВП. И при лесах также состояла лесная стража «из нижних чинов рот служащих инвалидов»⁵. При селениях Украинского ВП были заведены «древесные питомники посевом семян, посадкой черенков»⁶.

Для перемола хлеба в округах Новороссийского ВП были устроены казенные «ветряные и земляные» мельницы⁷ (15), в Киевско-Подольском – водяные (114) и «ветряные» (5), часть из которых отдавалась в откупное содержание⁸. Доходы с откупов по округам поселений пополняли их капиталы. В округах Украинского ВП в 1847 г. насчитывалось 23 водяных и 14 ветряных казенных мельниц; 40 водяных, 1820 ветряных и 2 земляных военнопоселянских мельниц⁹. «Для перевозки из лесов строительных материалов и подвозки к возводимым строениям» и других грузоперевозок в каждом полковом округе были сформированы «*володые парки из 100 пар волов*»¹⁰. Поголовье волов парков всех 25 кавалерийских поселенных округов составляло более 4000 голов в 1850-х гг. Также при парках состояли

¹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 11. Д. 954. Л. 11 об.

² Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 150.

³ РГВИА. Ф. 405. Оп. 11. Д. 954. Л. 13 об.

⁴ Статистичний опис округів Українського військового поселення. С. 17.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Правила для содержания мукомольных мельниц в первых 8ми округах Новороссийского военного поселения. СПб., 1849.

⁸ Статистическое описание пяти округов Киевского и Подольского военных поселений. С. 298.

⁹ Краткія статистическія таблицы округов Украинского военного поселения. За 1847-го года. С. 75.

¹⁰ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 192.

конно-рабочие команды¹. В 1853 г. в округах Украинского ВП было 4 воловых парка «из 100 пар волов» и 1 парк «на 60 пар волов», общая численность их поголовья составляла 920 единиц; 1 конно-рабочая команда «из 120 лошадей»².

В поселенных округах «для производства построек» были сформированы из нехозяев *временные рабочие роты* численностью в 250 чел. каждая. В отдельной волости 1-го округа Киевско-Подольского ВП численность роты составляла 77 чел.³ В ВП кавалерии «для облегчения трудов поселян, особенно во время полевых работ, сформированы временныя рабочия роты и воловые парки и заведены для почтовой гоньбы особыя лошади»⁴. Строительные работы также выполняли *военно-рабочие батальоны*, батальон № 2 был сформирован в 1823 г. для округов Новороссийского ВП, и армейские части, а также назначаемые на работы в округа поселений. Мастерские военно-рабочих батальонов руководили работами армейских солдат в полковых округах⁵. При Украинском ВП в 1855 г. состояли роты военно-рабочих № 1 и № 2 батальонов⁶. *Роты служащих инвалидов*, бывшие при каждом округе, выполняли службу по охране и наблюдению за хозяйственными и социокультурными объектами и учреждениями, вспомогательные хозяйственные работы при них. По годовому отчету ДВП «существующия в округах военного поселения и пахотных солдат лесопильные и известковые заводы, мукомольныя мельницы, деловые дворы, мастерския, военно-рабочия команды и воловые парки составили в 1855 г. дохода, всего, как и в 1854 году, до 204 т.[ыс]. руб. сер.»⁷.

В 1848 г. «для постройки необходимых в хозяйстве машин, земледельческих снарядов, орудий и проч. по распоряжению Инспектора Резервной кавалерии» в г. Елизаветграде (центр Новороссийского ВП) была учреждена *механическая мастерская* при деловом дворе военно-рабочего № 2-го батальона. В мастерскую назначались мастера, «смотря о способностям, из временных рабочих рот, преимущественно находящиеся на частных фабриках». От каждого округа в мастерской находилось по 5 мастерских. Здесь изготавливались такие сельскохозяйственные орудия, как:

---

¹ Атлас статистический округов Украинского военного поселения. 1855. С. 63.

² РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 2243. Л. 34.

³ Статистическое описание пяти округов Киевского и Подольского военных поселений. С. 297.

⁴ РГВИА. Ф. 405. Оп. 11. Д. 943. Л. 16.

⁵ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 192.

⁶ Атлас статистический округов Украинского военного поселения. 1855. С. 10, 23, 32, 60 – 61, 63, 80.

⁷ РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 1497. ЛЛ. 9 – 9 об.

молотильные машины, зерноочистки, веялки, арфы, грохота¹. При округах ВП были также организованы и обустроены *полковые деловые дворы*, где помещались цейхгаузы, конюшни и строения для помещения обоза, мастерские для портных и сапожников, кузницы со слесарнями, дома «для плотен» (плотничных мастерских), караульные дома². В мастерских кантонисты проходили курс трудового обучения и здесь готовили мастеровых для полковых округов.

Социокультурные структуры и сектора в региональных ВП включали образовательные учреждения разных уровней, медицинские и ветеринарные заведения, учреждения призрения, театры, библиотеки (полковые и при учебных заведениях), «концертная зала» в г. Умани, типографии и литография (г. Чугуев), учреждения коммуникации («военно-поселянские почты» или почтовое сообщение). «*Военно-поселянские почты*», учрежденные в 1830 – 1840-х гг. в округах ВП кавалерии служили для почтового сообщения и также для объезда начальством подведомственных округов, для проезда чиновников по делам службы. Для этого были куплены и «приняты от полков и батарей» лошади, которые составили специальные группы почтовых общественных лошадей. В 1 – 8 округах Новороссийского ВП их число доходило до 430, от 42 до 67 единиц по отдельным округам³. В центрах поселенных округов, как правило, располагались дома почтовых станций «с флигелями для ямщиков с конюшнею и сараями». Здесь же располагались постоянные дворы со службами, «заездные дворы», гостинные дворы, рестораны, корчмы, питейные дома⁴. На дорогах были устроены шоссейные дома. Торговые места были представлены каменными и деревянными ярмарочными и эскадронными лавками⁵.

Начальные школы и военно-учебные структуры – учебные эскадроны и батальоны – формировались с начала организации поселенных округов и были призваны готовить кадры для армейских подразделений, дислоцированных в округах ВП⁶. С середины 1820-х гг. подготовкой армейских ре-

---

¹ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 192 – 193.

² Атлас статистический округов последних четырех Новороссийского и пяти Киевского и Подольского военного поселения. 1856. Б.м., б.г. С. 50.

³ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 195 – 196.

⁴ Атлас статистический округов последних четырех Новороссийского и пяти Киевского и Подольского. С. 14, 29, 31, 33, 35, 37, 41, 51, 52.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Кандаурова Т.Н. От начального к специальному: образовательные структуры округов военных поселений первой половины XIX века // Герценовские чтения 2019. Актуальные проблемы русской истории. Сб. науч. и учебно-методических трудов / Ред. кол.:

зервов в поселениях занимались резервные части (эскадроны и батальоны), а с 1830-х гг. были сформированы вновь кантонистские учебные эскадроны и батареи. «Для доставления полкам и артиллерийским батареям, постоянно квартирующим в округах ВП (кавалерии – Т.К.), более способов комплектованию унтер-офицерами и фейерверкерам, на основании Высочайше утвержденного в 8-й день августа 1836 года положения, из упраздненных Екатеринославского и Херсонского баталионов и Дмитриевского полубаталиона военных кантонистов, сформированы в каждом округе по два эскадрона кантонистов и в каждом четырех округах по одной артиллерийской батарее». Эти учебные заведения также комплектовались солдатскими детьми, находящимися на воспитании при родителях и воспитателях, проживающих в ближайших, приписанных к округам губерниям»¹. Учебные эскадроны и батареи сочетали в себе курсы начальной школы и средне специальную профессиональную подготовку².

Начальные школы были созданы теперь при каждом кантонистском учебном эскадроне и батарее, две образовательные ступени были объединены в рамках одного из учебных подразделений округов ВП. В 1856 г. в Украинском ВП в учебных эскадронах (16 эскадронов) и батареях (2 батареи) обучалось 2456 кантонистов³, в Киевско-Подольском ВП – 1080 кантонистов, (10 эскадронов)⁴ в 1857 г. в Новороссийском ВП – 2529 (1 – 8 округа, 16 эскадронов и 2 батареи) и 1372 (9 – 12 округа, 8 эскадронов, 1 батарея) кантонистов. В 1850 г. по распоряжению Инспектора Резервной кавалерии были учреждены *школы «правильного церковного пения»* во всех учебных кантонистских эскадронах и батареях и во всех селениях, где были церкви⁵. Ранее, в 1844 г., при штабах округов и при волостных штабах были учреждены певческие хоры «из детей военных поселян, неслужащих инвалидов и безсрочноотпускных нижних чинов, проживающих в округах, которых обучают правильному церковному пению регенты»⁶. В поселенных округах также были организованы *школы трубачей*, которые иногда

А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Л.Г. Рогушина, Т.Г. Фруменкова. СПб., 2020. С. 23 – 28.

¹ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 171.

² Кандаурова Т.Н. От начального к специальному: образовательные структуры округов военных поселений первой половины XIX века. С. 28.

³ Статистичний опис округів Українського військового поселення. С. 46.

⁴ Статистическое описание пяти округов Киевского и Подольского военных поселений. С. 280.

⁵ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 167.

⁶ Там же. С. 166.

располагались вместе со школами пения, как, например, в центре Украинского ВП г. Чугуеве¹.

При всех кантонистских эскадронах и батареях, «на удобных к тому реках» в 1849 г. были учреждены «для обучения кантонистов плаванию» *школы плавания*. На воде обучение плаванию производилось в период с 1-го мая по 1-е сентября, а зимой кантонисты «обучались приемам плавания в казармах на станках, по особо изданным на сей предмет правилам и чертежам»². По отчетам 1856 г. в Украинском ВП обучались плаванию 1402 кантониста³, в округах Киевско-Подольского ВП – 945 кантонистов⁴, в округах Новороссийского ВП – 1678 кантонистов в 1 – 8 округах⁵ и 1290 кантонистов в 9 – 12 округах⁶. Для обучения правилам выездки верховых лошадей и правильной их ковки при каждом кантонистском эскадроне в 1852 г. были учреждены берейторские школы «для приготовления сведущих берейторских учеников»⁷. В каждой эскадронной берейторской школе обучалось по 10 «способнейших кантонистов». Учащиеся школ осваивали берейторское дело в теории и на практике. В 1856 г. в Украинском ВП в школах берейторских учеников проходили обучение 90 кантонистов⁸, в Киевско-Подольском ВП – 40 кантонистов⁹, в 1857 г. – в округах Новороссийском ВП – 120 кантонистов¹⁰.

Начальное образование дети военных поселян получали также в *сельских школах*, которые были сформированы в поселениях кавалерии при волостных комитетах (ранее при эскадронных и полковых комитетах) и в селениях, где были церкви. Здесь обучались «сироты из детей военных поселян» и «бессрочно-отпускные нижние чины», которые проживали в округах. Начальные школы давали общее образование, включая трудовое обучение, ученики осваивали отдельные виды мастерства и ремесел, обучение было комплексным.

Подготовку специалистов для армейских и военно-строительных частей также осуществляли в округах ВП кавалерии *топографические, бе-*

¹ Атлас статистический округов Украинского военного поселения. 1855. С. 16, 59.

² Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. С. 174.

³ Статистичний опис округів Українського військового поселення. С. 51.

⁴ Статистическое описание пяти округов Киевского и Подольского военных поселений. С. 282.

⁵ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 175.

⁶ Статистичний опис 9 – 12-х округів Новоросійського військового поселення. С. 225.

⁷ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 173.

⁸ Статистичний опис округів Українського військового поселення. С. 50.

⁹ Статистическое описание пяти округов Киевского и Подольского военных поселений. С. 281.

¹⁰ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 174; Статистичний опис 9 – 12-х округів Новоросійського військового поселення. С. 224.

рейторские, кондукторские школы. Кондукторы готовились для временных рабочих рот поселенных округов, занимавшихся наряду с военнорбочими батальонами строительством в ВП. Проведение масштабных строительных работ в округах ВП кавалерии в 1830 – 1850-х гг. обусловило и определило рост запроса на специалистов по руководству этими работами. В 1847 г. *школы кондукторов* были сформированы при Штабах начальников 8-ми округов в Украинском ВП – Чугуевская кондукторская школа, а также две школы в Новороссийском ВП – Вознесенская и Елизаветградская, переведенные в 1855 г. в Чугуев. Учеников в школы определяли из числа кантонистов учебных эскадронов и батарей, малопригодных для строевой службы, и из состава служащих военно-рабочего № 1 батальона (6 учеников)¹. В программе образовательного курса школы были предметы: «Закон Божий, чистописание, грамматика, рисование и черчение, арифметика, алгебра до общей теории управления, геометрия, краткая геодезия, строительство искусство, архитектура и составление проектов, смет и технических отчетов». Кантонисты здесь также обучались «всем правилам рекрутской школы без оружия, в праздничные же дни им читают воинские артикулы»². Учащиеся кантонистских школ, как и других специальных учебных заведений ВП, состояли на полном государственном довольствии: казенное обмундирование, провиант из запасных магазинов, ежегодный приварок по 4 руб. 29 коп. серебром в год на человека. За десять лет в школы поступило 169 учеников, 70 завершили полный курс обучения, 48 чел. в 1856 г. еще проходили обучение, 51 ученик был в числе тех, кто покинул школы «по неспособности» завершить обучение или по болезни. Выпуск Чугуевской школы составлял 29 младших кондукторов, Елизаветградской – 24 учащихся (выпущены в 1 – 8 округа Новороссийского ВП) и Вознесенской школы – 17 учащихся (7 человек – в 9 – 12 округа Новороссийского ВП и 10 человек – округа Киевско-Подольского ВП)³.

Третью группу учебных заведений, обеспечивавших военными кадрами округа ВП составляли «школы топографских учеников», учрежденные при Штабах начальников 4-х округов и готовившие специалистов для Штабов округов⁴. Съемка и описание земель в округах, проведение картографирования населенных мест и поселенных округов, региональных поселений, работы по части генерального штаба резервных частей, квартировавших в округах ВП требовали специалистов-топографов, поэтому было

---

¹ Статистичний опис округів Українського військового поселення. С. 49.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 48 – 49.

⁴ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 173.

признано необходимым готовить кадры по данной военной специальности непосредственно на местах, т.е. в округах. Численность способных к черчению планов и наукам кантонистов из состава учебных эскадронов, обучавшихся в топографических школах при шести Штабах полковых округов (дивизионных штабах) составляла 44 чел. (по 8 в каждом из 5 дивизий и 4 чел. в школе при Штабе 5-ти округов Киевско-Подольского ВП). По мере выпусков на обучение определялись новые кантонисты, а выпускники поступали на службу в Штабы округов топографами 2-го и 3-го класса.

Подготовку средних и младших медицинских кадров для профильных учреждений поселенных округов (госпиталей, полугоспиталей, больниц, аптек, повивальной (акушерской) службы, коновальских (ветеринарных) лечебниц и аптек, конских и овчарных заводов, пунктов размещения племенных стад военных поселян) готовили специальные училища¹. Врачами в госпиталях и больницах, ветеринарными врачами служили выпускники высших учебных заведений – университетов, Медико-хирургической академии, поступавшие на службу в округа по распределению или переводу из других частей армии. Формирование комплекса медицинских учебных заведений осуществлялось в 1820 – 1850-х гг., и при этом отмечался рост численного состава учащихся учебных заведений данного профиля. При организации обучения коновальских учеников в округах Киевско-Подольского ВП в 1839 г. предполагалось обучать ветеринарному делу по одному от каждой волости или по три от полкового округа кантониста², а в 1840 г. было утверждено новое положение об обучении в коновальской школе каждого округа по 6 учеников или по 2 кантониста от волости³. Подобная тенденция была характерна и при развитии фельдшерских училищ в кавалерийских ВП⁴. По данному направлению обучение среднего медицинского персонала шло по траектории: от обучения кантонистов при госпиталях до формирования специальных фельдшерских школ.

Госпитали имелись во всех центрах поселенных полковых округов, включали комплекс лечебных, аптечных, учебных, хозяйственных и жилых для медицинского и вспомогательного персонала корпусов, в отдельных селениях размещались полугоспитали⁵. Были центры поселенных

---

¹ Кандаурова Т.Н. От начального к специальному: образовательные структуры округов военных поселений первой половины XIX века. С. 28 – 30.

² РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 2292. Л. 6 об.

³ Статистическое описание пяти округов Киевского и Подольского военных поселений. С. 279.

⁴ Кандаурова Т.Н. От начального к специальному: образовательные структуры округов военных поселений первой половины XIX века. С. 28 – 29.

⁵ Атлас статистический округов Украинского военного поселения. 1855. С. 9, 18, 20, 60, 70, 103 – 104; Статистичний опис округів Українського військового поселення.

округов, где располагались по два госпиталя, как, например, г. Новогеоргиевск 1-го округа и с. Елисаветградка 8-го округа Новороссийского ВП¹. При Украинском ВП был обустроен около г. Славянска временный летний госпиталь «для пользования соляными минеральными водами нижних чинов и кантонистов войск Резервной кавалерии и военных поселян, страдающих разными хроническими болезнями»², т.е. использовалось, как и в округах пахотных солдат в г. Старая Русса, курортное лечение населения поселенных округов. «Водолечебное заведение по методу Присница» было также устроено в с. Кочетке при источнике недалеко от г. Чугуева³. Из социальных учреждений в полковых округах имелись богадельни, каждая на 32 чел., созданные в 1841 г. при церквях. Они служили «для призрения дряхлых, увечных и престарелых военных поселян, отставных солдат и их жен»⁴.

Учебные заведения аграрного профиля были представлены в поселенных округах кавалерии *сельскохозяйственными школами или школами-фермами* в Украинском и Новороссийском ВП (три), которые готовили специалистов по агрономическим и животноводческим специальностям; училищем шелководства в Украинском ВП и училищем садоводства⁵ в г. Умани, центре Киевско-Подольского ВП⁶. За 1849 – 1856 гг. в округах ВП кавалерии было подготовлено 67 шелководов и садоводов, и 81 учащийся проходил обучение по данным специальностям в 1856 г.⁷ К началу 1856 г. три школы-фермы поселенных округов подготовили 90 специалистов для аграрных отраслей⁸. В составе учащихся школ-ферм в этом году было 88 кантонистов из числа учебных эскадронов (направлялись на обучение кантонисты не подходящие для строевой службы) и из

С. 28 – 29, 31 – 33, 35 – 36; Статистичний опис 9 – 12-х округів Новоросійського військового поселення. С. 212, 213, 215, 217.

¹ Статистичний опис округів 1 – 8 Новоросійського військового поселення. С. 158, 165.

² Статистичний опис округів Українського військового поселення. С. 58.

³ Там же. С. 26.

⁴ Статистичний опис 9 – 12-х округів Новоросійського військового поселення. С. 243.

⁵ Статистическое описание пяти округов Киевского и Подольского военных поселений. С. 275 – 276.

⁶ Кандаурова Т.Н. Образовательные практики российской военно-поселенной организации: аграрные учебные заведения (по материалам отчетной и статистической документации) // Документ. Архив. Информационное общество. Сб. материалов IV Международной научно-практической конференции / Сост.: Е.М. Бурова, О.Е. Антонова. М., 2020. С. 124 – 137.

⁷ Кандаурова Т.Н. От начального к специальному: образовательные структуры округов военных поселений первой половины XIX века. С. 30 – 31.

⁸ РГВИА. Ф. 404. Оп. 4. Д. 8614. ЛЛ. 41 об. – 42 об., 131 об. – 132, 222 об. – 223.

детей военных поселян¹. Школы-фермы имели соответствующую учебно-производственную базу с опытными полями, плантациями и животноводческими фермами, учебными и бытовыми комплексами. Чугуевская школа-ферма располагала 20 строениями, среди которых были дома для проживания учеников и служащих фермы, хлебные запасные магазины, овин, клуня, «кузница со слесарнею», баня, складские помещения и погреба, животноводческий комплекс². Училище шелководства в г. Новоборисоглебске в 7 округе Украинского ВП имело меньший по масштабам учебно-производственный комплекс, куда входили «сад шелковичной плантации», дом в саду плантации, где располагалась школа, и «два фаферковых сарая, для разведения шелковичных червей и разматывания шелку»³. Училище имело узкую специализацию, что не требовало такой обширной учебно-производственной базы, которая имелась у школ-ферм в округах ВП.

Материалы статистических описаний и статистических атласов по региональным ВП кавалерии дают достаточно полное представление о системе хозяйства и социокультурном секторе поселенных округов, о временных и пространственных параметрах их формирования, местах расположения отдельных хозяйственных структур, их назначении, динамике развития отдельных заведений и учреждений. Следовательно, становится возможным определить и представить масштабы как экономической базы военно-поселенной организации, сформированной за четыре десятилетия ее функционирования, так и достаточно развитой для своего времени социокультурной системы, созданной в рамках целевого назначения и развития данного военно-хозяйственного института. Количественные характеристики и показатели развития систем экономических и социокультурных учреждений и заведений, социальных фондов могут оцениваться по данным источникам как достаточно представительные и репрезентативные. Поселенные округа имели вполне добротную и многозвенную хозяйственную базу, позволявшую продовольствовать армейские кавалерийские полки и артиллерийские батареи, вспомогательные части; военные поселяне и офицеры имели определенные социальные гарантии в виде денежных фондов и продовольственных запасов, системы медицинского обслуживания, учреждений призрения; дети военных поселян (кантонисты) получали возможность социализации в учебных заведениях и получения не только начального, но и специального профильного образования.

---

¹ Там же. ЛЛ. 2, 70, 166.

² Атлас статистический округов Украинского военного поселения. 1855. С. 61.

³ Там же. С. 72.

УЧИТЕЛЬ А.К. ШЕШЕНИН О БОМБАРДИРОВКЕ Г. КОЛЫ 11 АВГУСТА 1854 Г. И СУДЬБЕ СВОЕГО УЧИЛИЩА¹.

ФРУМЕНКОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
русской истории института истории и соци-
альных наук РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-
Петербург, Россия;
e-mail: frumenkovatg@herzen.spb.ru

Важным объектом атак англо-французского флота в годы Крымской войны стал европейский Север, бассейн Белого и Баренцева морей. У России не было Северного флота, и западноевропейские военные моряки бесчинствовали на берегах этих морей в течение двух навигаций – летом 1854 и 1855 гг.

Самым известным событием 1854 г. явилось нападение вражеской эскадры на Соловецкий монастырь. Завершающей самостоятельной операцией английского флагмана «Миранда», участвовавшего в военных действиях у стен монастыря, была попытка захватить Колу – самый северный заштатный городок Архангельской губернии, расположенный за Полярным кругом. Подробности этих событий освещены в источниках, проанализированы и обобщены историками, но документы, составленные учителем Кольского приходского училища А.К. Шешениным, дополняют картину событий в Коле в августе 1854 г. некоторыми новыми красками.

Итак, известно, что английский трехмачтовый винтовой корвет «Миранда» в ночь на 11 августа 1854 г. приблизился к берегу, на котором была расположена Кола, на 200 саженей. В своем ультиматуме капитан потребовал от жителей безусловной сдачи города. Получив отказ, он стандартно, как и у Соловецких островов, отдал приказ об обстреле города, который непрерывно велся в течение 20 часов.

С высадкой десанта у неприятеля ничего не вышло. На помощь инвалидной команде из 77 человек пришли добровольцы из местных жителей (несколько сотен человек), которые ружейным огнем отбросили от берега попытавшийся высадиться с баркаса отряд английских матросов.

Главным результатом бомбардировки явилось почти полное уничтожение города. Враг сжег 92 жилых дома, 4 церковных здания, казенные магазины (склады). В пожаре закончил свою историю деревянный Коль-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19 – 09 – 00128.

ский острог с четырьмя угловыми башнями. В Коле уцелело всего 18 домов. Жители города остались без крова, одежды и пищи¹.

В Коле работало одноклассное приходское училище. Дом, в котором оно помещалось, также сгорел. Без жилья и имущества остался учитель А.К. Шешенин с семьей. Сведения о бедах училища и его педагога от гражданского губернатора дошли до директора училищ Архангельской губернии и, в конечном счете, попали в Министерство народного просвещения. В фонде Департамента народного просвещения сохранилось дело с документами о судьбе училища и его учителя.

В середине сентября 1854 г. в Департамент поступила копия рапорта самого А.К. Шешенина директору училищ Архангельской губернии. Учитель подробно и простодушно изложил своего видение событий. Свое донесение педагог писал в веже, расположенной «в 9 верстах от города по правому берегу реки Туломы за Верхними Мурмашами близ Кротова ручья»². Согласно словарю В.И. Даля, вежа – «намет, шатер, палатка», а в архангельском говоре (напомним, что Кола в то время находилась на северо-западе Архангельской губернии) – «лопарский шалаш, сложенный остро-конечно из жердей и покрытый хворостом, мохом и дерном»³. Появление этого шалаша стало следствием отношения, которое было адресовано А.К. Шешенину Кольским городничим. Последний выполнял предписание гражданского губернатора от 23 июня 1854 г., требовавшее от местных чиновников принять меры «на случай неприятельского покушения на город Колу». В устроенную с этой целью вежу учитель отвез «как училищную библиотеку, так архивные дела и то из училища имущество, которое менее громоздко и не представляло собою остановки или какого-либо препятствия к начатию 1854/1855 учебного года»⁴.

Далее А.К. Шешенин повествовал: «9 августа в 9 часов утра (в понедельник) в виду г. Колы за 5 или за 6 верст под Абрамовою пахтою (скалою) по вскрытии густого тумана вдруг показался неприятельский 16-пушечный пароход, – и, – при посредстве его баркасов, занимавшихся промером фарватера, подвигался вперед». О появлении вражеского корабля учитель, «к крайнему сожалению», узнал только вечером того же дня, потому что находился в своем шалаше с 8 августа, имея «надобность быть здесь и предполагая устроить здесь же некоторое помещение и для сохранения собственности, так как слухи с пришедшею постою в начале августа

---

¹ Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI – XIX вв. Архангельск, 1975. С. 114, 144 – 146.

² Там же. Л. 4.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 175.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 187. ЛЛ. 4 – 4 об.

месяца о бытности неприятеля в деревнях Кольского уезда Кандалакше, Ковде и Керети и о действиях его там убеждали, что он не оставит и г. Колы в спокойствии»¹.

Получив известие о том, что над Колой нависла угроза, А.К. Шешенин поспешил вернуться домой, но ему пришлось идти «пешком, лесом и горами», и он смог добраться туда «не прежде, как в ночное время, и неприятельский пароход стоял тогда близ мыса Елова над караульным домом (что на кладбище) в двух верстах от города». Учитель оправдывался перед начальством: в это время он уже не имел возможности принять мер для сохранения как оставшегося казенного имущества, так и «благоприобретенной собственности», хотя и пытался это сделать. «Предвидя близкую и верную опасность», жители пытались сохранить свои пожитки, а «мужской пол (исключая духовенство) был под оружием, готовый к решительной обороне», – вспоминал педагог, ни на минуту не забывавший о том, что он был, так сказать, «материально ответственным лицом». Последним своим делом «при этой заботливости» он назвал то, что «все находившееся как в училищной комнате, так и в той, которая... была занята» его семейством, было «собрано и перенесено в кладовую, которая и была, кроме большого замка, крепко в дверях заколочена гвоздями на тот конец, если неприятель войдет в город или кто-либо покусится при общей тревоге на воровство»².

10 августа матросы вражеского корабля провели «в промере фарватера». О бомбардировке Колы А.К. Шешенин рассказывает весьма кратко: «11-го в три часа утра после предложения о безусловной сдаче города – вследствие отказа, неприятель открыл огонь, и канонада продолжалась до 10 часов ночи; на следующий день, сделав еще несколько выстрелов на пылающий город, в 10 часов до полудни неприятель удалился». После такого мощного обстрела в удаленной части города, называемым «Верховым», осталось до 20 «деревянных ветхих хижин, между которыми один только новый плановый в 5 окон дом, занятый городническим правлением и уездным врачом». В основной части города сохранились только «три хижины «в разбросанном состоянии». Из казенных зданий не сгорели только каменный дом уездного казначейства и деревянное здание судов – уездного и земского. Деревянный Воскресенский собор, просуществовавший до 170 лет, а значит, построенный в конце XVII в., но еще, по мнению автора, «весьма прочный», а также «старинная деревянная стена острога (в виде крепостных), как казенные, так и частные строения, сожжены до основания, в том числе и соляной магазин; от каменной церкви Благовеще-

---

¹ Там же. Л. 4 об.

² Там же. ЛЛ. 5 – 5 об.

ния... остались одни только стены, также и от колокольни при ней; огонь был так силен, что... самый большой колокол расплавился до половины»¹. В отличие от городских храмов, кладбищенская деревянная Троицкая церковь на небольшом острове близ города сохранилась, зато находившиеся на острове «магазины» – хлебный и винный, а также солдатский караульный дом были сожжены. В хлебном магазине сгорели 11 тысяч пудов муки. Над жителями нависла угроза голода, при этом «помещение стеснительное, не только хижины, но все черные бани и где только можно приютиться от непогоды, полны народа».

В Кольской губе противник занялся грабежом. Английский корабль «увел с собою шхуну кольского купца Мартемьяна Базарного в 84 ластва, а другую наследников купца Ильи Шабунина, обе с грузом, а бывшие там с грузом две ладьи сгорели».

Изложив обстоятельства и итоги нападения, А.К. Шешенин перешел и к личным проблемам: «В таком положении города, не находя помещения для училища и вынужденный терпеть всю крайность бедствия с малолетними детьми, подвергаясь и разорению чрез потерю заготовленной мною провизии для пропитания себя с семейством, также и имущества при ограниченном содержании всего на 120 руб. сер.». Прямо в рапорте учитель перечислил потери сгоревшего училища (тогда он составил и отдельный список утрат). Как уже отмечалось, сам А.К. Шешенин жил в том же сгоревшем наемном доме, в котором размещалось училище. Далее педагог заявил: «В настоящее время, не имея никакой в городе квартиры, за отзывами жителей, что у каждого из них есть свои родственники, кои также нуждаются в приюте, и нижние чины местной инвалидной команды, должны проживать в веже, где помещена библиотека училища, по реке Туломе. Между тем, с 20 августа появляются здесь утренние морозы, для проживания в веже с малолетними детьми очень ощутительные», и еще 17 августа учитель обратился к городничему с просьбой о «приискании» ему «хотя самой скудной комнаты», но ответа так и не получил. «Претерпеваемая крайний недостаток в самом необходимом содержании и не имея для себя никакой возможности для выполнения лежащих на нем обязанностей по званию приходского учителя», он попросил разрешения выехать в Архангельск и денежного пособия для этой поездки, так как в настоящее время не имеет «даже дневного содержания», испытывает бедствие, которое тем тяжелее, что это несчастье должны разделять с ним жена и двое малолетних детей. Он умолял о срочной помощи, пока «не застигли морозы перейти трудный Кольский тракт до распутицы».

---

¹ Там же. Л. 5 об.

После получения известий о пожаре, уничтожившем большую часть Колы, Архангельский военный губернатор предложил местным властям «дела присутственных мест и арестантов перевести в г. Кемь. Об этом г. гражданский губернатор уведомил директора (училищ – Т.Ф.) для зависящего от него распоряжения в отношении подчиненных ему приходского училища и служащих». В Кольском училище, кроме законоучителя из местного духовенства, преподавал единственный педагог, к которому эти приказы и могли относиться, – А.К. Шешенин. Директор предписал учителю, «соображаясь с обстоятельствами и по совещании о том с местными должностными лицами постараться перевезти что можно и что нужнее в г. Кемь, а остальное же имущество сдать по описи для сохранения Кольскому городничему». Ему было предписано явиться в Кемь к штатному смотрителю, от которого ожидать дальнейших распоряжений. Вскоре попечитель Петербургского учебного округа разрешил А.К. Шешенину «заниматься обучением в приходском (младшем – Т.Ф.) классе Кемского училища с производством ему прежнего жалованья впредь до восстановления Кольского приходского училища»¹. Ему обещали выдать вперед жалование за последнюю треть года. В Кемь в 1854 г. действовало уездное трехклассное училище.

Получив рапорт А.К. Шешенина, чиновники Министерства народного просвещения согласились с необходимостью оказать ему помощь. Размер пособия попечитель Петербургского учебного округа 19 октября 1854 г. определил в 100 руб. сер. «из экономической суммы Кемского уездного училища, к которому он ныне прикомандирован»². Эту записку 17 ноября представили в Комитет министров. В качестве обоснования в записке справедливо говорилось, что учитель, занятый «спасением имущества училища, не мог предохранить от гибели своего собственного, лишившись провизии и имущества, всего на 120 руб. сер.»³. По представленному А.К. Шешениным реестру решено было исключить из описи сторевшее имущество Кольского приходского училища на сумму в 97 руб. 78 ½ коп.

Составленный учителем список-реестр помогает представить, как выглядел класс приходского училища, какая в нем стояла мебель, какие использовались пособия. Итак, в пожаре Кольского училища погиб учительский стол, шесть ученических столов со скамейками и треножником и арифметическая доска. Их первоначальная стоимость составляла 21 руб. 91/4 коп., а на ремонт и покраску мебели, используемой с 1840 г., ушло еще 15 руб. В классе стоял «шкаф простого дерева», выкрашенный крас-

---

¹ Там же. ЛЛ. 1 – 2.

²² Там же. ЛЛ. 12 – 12 об.

³ Там же. Л. 13.

ной краской. В шкафу хранилась писчая бумага «№ 1-го 5 дестей и 3 полстопы» на 1 руб. 92 ½ коп., куски мела на 30 коп., «чернильного набора 1 фунт 80 коп., свеч сальных 1 пуд 7 руб., аспидных досок 8 на 4 руб. 48 коп. (аспидные доски – пластины из черного сланца в деревянной рамке; ученики писали на них аспидным грифелем, стирая написанное тряпкой – Т.Ф.)», 6 учебных книг «для распродажи учащимся» на 7 руб. 30 коп., 50 грифелей на 50 коп., «писчие перья 100 штук на 50 коп., два карандаша на 30 коп., перочинный ножичек 75 коп., две бутылки с чернилом на 60 коп., таблицы по методу взаимного обучения чтению 24, письму 11, арифметике 35 – на 3 руб. 19 коп., два указателя для таблицы при обучении чтению, дощечка для уравнивания песку для начинающих писать и рамка со стеклом для расписания учебных предметов – 75 коп.». Кроме того, в классе имелась «географическая карта Европы и картины Земли для наглядности при преподавании физической географии». На столах стояли 6 оловянных чернильниц со стеклянными стаканчиками, цена которых не сохранилась в документах училища¹. Оборудование училища подтверждает, что преподавание в нем велось по классно-урочной системе с использованием и методики взаимного обучения.

7 декабря 1854 г. в журнале Комитета министров появилась запись о том, что император утвердил предложение о пособии А.К. Шешенину. В связи с этим был запрошен и его формулярный список. Оказалось, что учителю Александру Кирилловичу Шешенину было 29 лет. Он происходил из мещан, после окончания Архангельской губернской гимназии был определен учителем в Сумское приходское училище и указом Сената исключен из подушного оклада, а значит, стал разночинцем. В 1848 г. его перевели в Кольское училище. Учитель был женат на некоей Клавдии Львовне, в 1852 г. у него родилась дочь Зинаида. Вторым ребенком, очевидно, был грудным, и в формулярный список сведения о нем еще не попали. К 1854 г. он получил чин 14 класса по Табели о рангах и получал штатное жалование 171 руб. 59 коп. в год², и получение пособия – акта государственной благотворительности – для него скорее всего, было очень важным.

Дальнейшую судьбу учителя и его училища выяснить пока не удалось, но известно, что при помощи населения Архангельской и других губерний жители Колы стали застраиваться на прежнем месте³. Судьба Кольского приходского училища и его педагога лишний раз показывает,

¹ Там же. ЛЛ. 16 – 16 об.

² Там же. ЛЛ. 17 – 18.

³ Фруменков Г.Г. Указ. соч. С. 145.

какую жестокую и бессмысленную войну с мирным населением вела англо-французская эскадра на Русском Севере в годы Крымской войны.

КОНЦЕПЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ КОРАБЕЛЬНОЙ АРТИЛЛЕРИИ В МОРСКИХ СРАЖЕНИЯХ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ ВО ВЗГЛЯДАХ С.О. МАКАРОВА

КИСЛИЦЫН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,
преподаватель кафедры гуманитарных и социаль-
но-экономических дисциплин Балтийского гума-
нитарного института, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: aleks.k.44-40@yandex.ru

На протяжении второй половины XIX в. постоянно росла роль военного флота в жизни общества в ведущих мировых державах. Флот был не только военной силой, главным оружием в борьбе за колонии между великими державами, а также государствами, которые стремились войти в их число, и инструментом давления на более слабые страны. Флот в это время превратился в символ могущества государства. Торжества, связанные со значительными внутренними или внешнеполитическими событиями, такими как коронации новых правителей, подписание соглашений между странами и другие сопровождались парадами эскадр. Ни одно государство, стремившееся занять достойное место на международной арене, не жалело средств на увеличение своей морской силы. Постоянные заказы на новые, более быстроходные и лучше вооруженные корабли обеспечивали рост и развитие связанной с флотом промышленности, ставшей одной из ведущих отраслей промышленного производства.

Главной силой флота данного периода были броненосцы. Эти корабли обладали самым мощным и разнообразным артиллерийским вооружением, были лучше всех других судов защищены броней, и ведущие мировые державы стремились всеми силами совершенствовать этот класс боевых кораблей. Развитие броненосцев во второй половине XIX в. отличалось большим разнообразием, что привело к тому, что поиск оптимальной конструкции кораблей этого класса стал главной дискуссионной проблемой тех лет во флотах всего мира. В конце столетия началось формирование стандартного вида броненосца.

Вместе с кораблями активно совершенствовалась и морская артиллерия, являвшаяся их главным оружием. К концу XIX в. ее производство превратилось в практически самостоятельную отрасль военной промышленности. На вооружении флотов стали появляться скорострельные пушки,

началось внедрение бездымного пороха, благодаря чему значительно улучшились баллистические качества орудий, а пороховой дым перестал мешать ведению продолжительного прицельного огня. Изменялась конструкция снарядов, что позволяло поместить в них больше взрывчатого вещества или повысить их способность пробивать броню. Проводились испытания новых взрывчатых веществ: мелинита (Франция, Россия), лиддита (Великобритания) и др., увеличивавших разрушительное действие снарядов.

Активно совершенствовался наиболее сложный и дорогостоящий элемент вооружения больших бронированных кораблей – крупнокалиберные пушки и башенные установки для них. Сокращалось время заряжания этих орудий, увеличивалась точность и дальность стрельбы, повышалась их прочность и защищенность от огня противника. В данный период впервые начинают появляться башни, управление которыми осуществлялось посредством электрических приборов. Все эти изменения привели к значительному росту боевых возможностей военных кораблей ведущих мировых держав на рубеже XIX – XX вв.

Не менее значительными были и изменения в теории военно-морского дела. Если 1870 – 1880-е гг. характеризовались отсутствием научного подхода в этой области и большим разнообразием идей в кораблестроении, особенно в отношении броненосцев, то к началу 1890-х гг. влияние научно-технического прогресса способствовало значительным изменениям в военно-морской теории и началу ее перехода на научную основу.

В 1870 – 1880-е гг. во флотах ведущих мировых держав уживались две противоположные идеи: артиллерийской дуэли и таранного удара¹. В соответствии с первой строились броненосцы, защищенные очень толстой броней, расположенной на небольшом, составлявшем менее половины корпуса, участке судна, вокруг важнейших его частей, по образу цитадели, тогда как остальная часть корабля, начиная с оконечностей, оставалась без прикрытия. Под влиянием второй идеи броненосцы оснащались тараном, расположенным в носовой части корабля, а броня «цитадели» предназначалась для защиты от огня по носовой части судна, который был наиболее вероятен при нанесении таранного удара. В то же время появилась увлеченность орудиями-монстрами, предназначавшимися для пробития узких участков самой толстой (500 – 600 мм) брони. Масса таких пушек могла достигать 110 тонн, без учета башенных установок и брони.

---

¹ Ропп Т. Создание современного флота: французская военно-морская политика 1871 – 1904. Глава VII. Возрождение французской военно-морской техники [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/ropp/index.html> /

Возникновению и распространению противоречащих друг другу теорий в 1870 – 1880-е гг. способствовало несовершенство корабельной артиллерии того времени. Применение дымного пороха, низкий уровень развития прицельных приспособлений и приборов для определения дальности значительно ограничивали дистанцию ведения огня. Это усугублялось недостатками конструкции снарядов, имевших невысокие баллистические качества, и использованием в них как взрывчатого вещества того же дымного пороха, не обладавшего значительной мощностью. Скорострельность орудий также была достаточно низкой. В особенности это касалось гигантских крупнокалиберных пушек, способных сделать лишь несколько выстрелов в час, а появление в 1880-е гг. на вооружении кораблей малокалиберных (37-мм и 47-мм) орудий, в которых применялся унитарный способ заряжания (патрон), имело весьма ограниченное влияние на флот в целом. В этот период статус артиллерии как главного оружия корабля пошатнулся, уступив место тарану.

Скачок в развитии морской артиллерии конца 1880-х – начала 1890-х гг. привел к возрождению ее статуса как главного оружия корабля¹. Вместе с тем активно совершенствовались технологии производства брони, что привело к повышению ее защитных качеств, в соответствии с возросшим могуществом пушек. Под влиянием угрозы поражения скорострельными пушками небронированных участков судна увеличилась площадь броневой защиты корабля, которая стала составлять около 2/3 поверхности борта. В то же время уменьшилась максимальная толщина брони, а совершенствование технологии ее производства позволило, несмотря на это, обеспечить достаточно высокую степень защиты судна.

Однако постоянное появление технических новшеств и отсутствие возможности испытать их в боевых условиях не позволяло создать полноценную теорию в области морской тактики. В связи с этим в конце XIX в. в западной военно-морской мысли первостепенное значение приобрела разработка более фундаментальной области теории, в которой влияние научно-технического прогресса было меньшим, – морской стратегии.

В начале 1890-х гг. появилась концепция «морской силы», получившая широкое признание в мире. Ее основоположники – американец А.Т. Мэхэн и англичанин Ф.Х. Коломб считали «основные законы морской войны» неизменными независимо от исторического периода² и были

---

¹ Ропп Т. Создание современного флота: французская военно-морская политика 1871 – 1904. Глава XIII. Французская техника и тактика начала 1890-х годов [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/ropp/index.html/>

² Коломб Ф.Г. Морская война. М., 2019. С. 5.

убеждены, что современные представления о войне на море следует выстраивать на основе изучения предшествующего опыта, прежде всего, опыта применения парусного флота¹. Создатели теории «морской силы» считали важнейшей задачей флота в войне установление господства на море путем уничтожения основных сил противника в генеральном сражении, в результате чего победитель получал полную свободу действий. Из этой теории следовало, что решающая роль принадлежит кораблям, сильнейшим в эскадренном сражении, на создании которых необходимо сосредоточить основные усилия государства. В эпоху парусного флота таковыми являлись линейные корабли с наибольшим количеством орудий, а во второй половине XIX в. – броненосцы.

Идеи Мэхэна и Колумба нашли широкую поддержку в передовых державах и странах, желавших потеснить их на мировой арене, и стали той теоретической основой развития, в которой нуждались флоты всего мира. Теория «морской силы» способствовала дальнейшему совершенствованию больших бронированных судов и усилению гонки морских вооружений в конце XIX – начале XX в. При этом морская тактика, вплоть до завершения русско-японской войны, оставалась полем для постоянных и разнообразных дискуссий.

В последнее десятилетие XIX в. общим для передовых держав стал поиск способов наиболее эффективного использования артиллерии и разработка соответствующей этой задаче тактики морских сражений². Несмотря на прогресс материальной части, поражение противника из корабельных пушек оставалось очень сложной задачей, и процент попаданий в боевых условиях был весьма низким. Например, во время испано-американской войны 1898 г., в сражении при Сантьяго, американский флот с дальности 1,8 – 5,5 км выпустил около 6000 снарядов, добившись лишь 130 попаданий (2,2%)³. В то же время, при слабой качке и известной дистанции стрельбы точность огня была достаточно высока⁴.

Малое количество попаданий было следствием того, что корабль являлся качающейся и движущейся платформой, а приборы для определения расстояния до противника «оставляли желать очень многого», кроме того, необходимо было знать скорость и направление движения судов в бою⁵.

---

¹ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660 – 1783. М.; СПб, 2002. С. 12.

² Ропп Т. Создание современного флота: французская военно-морская политика 1871 – 1904. Глава XIII. Французская техника и тактика начала 1890-х годов [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/ropp/index.html> /

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Кладо Н.Л. Современная морская артиллерия. СПб., 1903. С. 5 – 10.

Российская империя, стремившаяся участвовать в борьбе за расширение сфер влияния на равных с мировыми державами, прилагала огромные усилия для развития флота. В 1890-е годы Морское министерство проводило модернизацию материальной части корабельной артиллерии в соответствии с вооружением флотов ведущих мировых держав. В августе 1891 г. российским правительством были приобретены права на производство скорострельных пушек системы французского инженера Канэ, являвшихся в то время одними из лучших в мире¹. Этими орудиями оснащались все русские корабли в конце XIX в. На основе конструкции Канэ в России в 1891 – 1892-х гг. были спроектированы орудия, ставшие главным калибром русских броненосцев и броненосных крейсеров: 12-дюймовая (305-мм) пушка длиной 40 калибров, 10-дюймовая (254-мм) пушка длиной 45 калибров и 8-дюймовая (203-мм) пушка длиной 45 калибров².

Осмысление особенностей применения появившихся на вооружении российских кораблей скорострельных пушек и новых крупнокалиберных артиллерийских систем имело большое значение для развития русского флота на рубеже XIX – XX вв.

Несмотря на приверженность российского флота изучаемого периода, как в техническом, так и в теоретическом отношениях, французскому флоту, развитие русской военно-морской мысли имело свои особенности, проявившиеся в трудах ведущих отечественных теоретиков того времени в области морской тактики.

Одним из основных отечественных теоретиков войны на море на рубеже XIX – XX вв., в представлениях которого ярко выразились передовые идеи о применении корабельной артиллерии в бою, характерные для русской военно-морской мысли того времени, был выдающийся русский флотоводец адмирал Степан Осипович Макаров (1848 – 1904). В 1891 – 1894 гг. он занимал должность главного инспектора морской артиллерии, и под его руководством не только создавалось новое оружие, но и осуществлялся сбор сведений о флотах и военной промышленности ведущих мировых держав. Благодаря этому Макаров был одним из наиболее осведомленных специалистов в русском флоте в области вооружения кораблей, что способствовало разработке им теоретических основ тактики морских сражений. Он стал одним из основоположников научного подхода в морской

---

¹ Кислицын А.В. Приобретение российским правительством зарубежных скорострельных пушек и его значение для перевооружения русского флота в 1890-е гг. // Клио. 2018. № 2. С. 163 – 168.

² Там же.

тактике и внес большой вклад в становление военно-морской науки в России¹.

Рассматривая проблему боевого применения корабельного вооружения, Макаров не отдавал предпочтения ни одному из его видов, будь то пушки, торпеды или таран². Особенностью взглядов Макарова было то, что он не разделял оружие на главное и вспомогательное и утверждал, что необходимо стремиться использовать в сражении весь арсенал корабля в зависимости от ситуации³. Этот принцип лег в основу его концепции сражения на море и представлений о применении корабельного вооружения, в том числе артиллерии. Концепция применения морской артиллерии адмирала Макарова изложена в его основных работах по морской тактике: «Разбор элементов, составляющих боевую силу судов» (1894), «Рассуждения по вопросам морской тактики» (1897) и «Броненосцы или безбронные суда?» (1903).

В вопросе применения артиллерии Макаров утверждал, что вести огонь по противнику, независимо от класса его кораблей, начиная от броненосцев и заканчивая миноносцами, следует, если есть такая возможность, из пушек всех калибров, от больших (305-мм), до самых малых (37-мм)⁴. При этом адмирал отдавал предпочтение 6-дюймовым (152-мм) скорострельным пушкам и придерживался мнения об уязвимости перед ними броненосцев из-за обширных небронированных участков их корпусов⁵. Крупнокалиберную артиллерию Макаров рассматривал лишь как сдерживающий фактор, препятствующий появлению кораблей, неуязвимых для скорострельных пушек, за счет прикрытия всего корпуса слоем относительно тонкой брони.⁶ К наличию тяжелых орудий на корабле он относился как к вынужденной необходимости, полагая возможным ограничиваться только одной такой пушкой, поэтому в его концепции не рассматривался вопрос об особенностях применения крупнокалиберной артиллерии⁷.

Эффективность применения артиллерии в значительной мере зависела от подготовки личного состава флота, что в полной мере осознавалось адмиралом Макаровым. Говоря об обучении стрельбе из корабельных ору-

---

¹ Монаков М.С. Военно-морская наука в России: происхождение, возникновение и становление национальной системы знаний о вооруженной борьбе на море. М., 2011. С. 157.

² Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. СПб., 1904. С. 109 – 150.

³ Там же. С. 177 – 180.

⁴ Макаров С.О. Разбор элементов, составляющих боевую силу судов. СПб., 1894. С. 15.

⁵ Там же. С. 13 – 14.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Там же.

дий, он подчеркивал, что «нельзя жалеть никаких средств к тому, чтобы довести эту часть до возможного совершенства»¹.

В то же время, Макаров не уделял достаточного внимания вопросу дистанции стрельбы в морском сражении. Первоначально, в работе «Разбор элементов, составляющих боевую силу судов», он, не вдаваясь в детали, заявил о спорности вопроса о дистанции. Адмирал не считал его принципиально важным и полагал, что проигрыш в дальности ведения огня может быть компенсирован превосходством в скорости судна, которое позволит более быстроходному кораблю выбирать дистанцию боя. Идея о том, что корабль с большей скоростью хода будет «командовать расстоянием» в сражении была весьма характерна для взглядов Макарова. В дальнейшем, в «Рассуждениях по вопросам морской тактике», он более подробно изложил свои взгляды по проблеме дистанции стрельбы и утверждал, что не существует правил разделения ее на ближнюю и дальнюю дистанции, полагая такое разделение произвольным². Исходя из этого, Макаров, без каких-либо обоснований, сам установил значения дистанций стрельбы в соответствии с собственным критерием, которым были наиболее распространенные в русском флоте того времени углы вертикального наведения орудий: 1° – ближняя, 2,5° – средняя, 5° – дальняя, 10° – очень дальняя и 15° – предельная³.

Адмирал полагал, что в бою следует ограничиться первыми тремя дистанциями. При этом, согласно его теории, «дальняя» дистанция являлась наибольшим расстоянием, на котором имело смысл открывать огонь по кораблям противника, но отнюдь не основной дистанцией сражения, которой соответствовали «средняя» и «ближняя» дистанции⁴.

В результате такого метода разделения, дальность стрельбы для 12-дюймовой пушки в 40 калибров длиной, способной послать снаряд почти на 70 кабельтовых (13 км), выглядела следующим образом: ближняя – 10 кабельтовых (1,85 км), средняя – 22 кабельтовых (4,1 км) и дальняя – 37 кабельтовых (6,85 км)⁵. Для 6-дюймовой пушки Канэ, способной стрелять на 52 кабельтовых (9,63 км), ближняя дистанция оказывалась равной 8 кабельтовым (1,48 км), средняя – 17 кабельтовым (3,15 км), а дальняя – 28 кабельтовым (5,19 км)⁶. «По тому же правилу» 37-мм пушки, стрелявшие на 15 кабельтовых (2,8 км), должны были использоваться на дистан-

---

¹ Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. С. 113.

² Там же. С. 112.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

циях: ближней – 2,25 кабельтовых (416 м), средней – 5,5 кабельтовых (1,2 км), дальней – 9 кабельтовых (1,7 км)¹.

Представленное Макаровым «произвольное подразделение» на дистанции применения артиллерии показывает, что в его теории предполагалось использование, и то очень ограниченное, только около половины реальных возможностей орудий в отношении дальности стрельбы. Несмотря на то, что адмирал правильно утверждал, что современная ему артиллерия способна вести прицельный огонь по противнику с расстояния 50 – 60 кабельтовых², боевое применение корабельных пушек в его концепции ограничивалось дистанцией в пределах 40 кабельтовых, которая должна была сокращаться в ходе сражения.

Стремление Макарова наравне с артиллерией применять в бою торпеды (самодвижущиеся мины Уайтхеда), предельная дальность применения которых в конце XIX в. была менее 15 кабельтовых (2,8 км), при достаточно небольшой точности попадания³, привели к тому, что адмирал рассматривал возможность столкновения с противником на самых малых расстояниях, включая 8 кабельтовых (ок. 1,5 км)⁴. Подобные расстояния в сражении он считал наиболее подходящими для небронированных небольших судов и кораблей, основным оружием которых были торпеды.

Более того, невзирая на все достижения в области вооружения, брони, конструкции кораблей и проч., адмирал всерьез рассматривал таран, как элемент вооружения корабля⁵, стоящий наравне с минами и артиллерией, имеющий свои преимущества, недостатки и особенности применения⁶. Данное отношение к тарану показывает, насколько тесно представления Макарова были привязаны к идеям 1870 – 1880-х гг., при этом оно свидетельствует и о том, что, согласно его теории, сражения между кораблями с использованием пушек и торпед будут происходить на столь близкой дистанции, при которой возможно возникновение условий для применения таранного удара.

К началу XX в. еще более улучшились баллистические качества пушек и снарядов, которые стали эффективнее поражать бронированные цели, увеличились углы вертикального наведения башенных установок (до 35°), в связи с чем дистанция стрельбы из крупнокалиберных орудий пре-

---

¹ Там же.

² Там же. С. 126.

³ Там же. С. 133.

⁴ Там же. С. 135 – 138.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же. С. 142 – 150; Макаров С.О. Разбор элементов, составляющих боевую силу судов. С. 16 – 19.

высила 100 кабельтовых (18,5 км)¹. Скорострельность крупнокалиберных пушек также значительно возросла, достигнув 1 выстрела в минуту. Увеличились и калибры скорострельных пушек, достигнув 7,5 – 8 дюймов (190 – 203 мм), что также значительно повысило их боевые возможности. Однако этот значительный прогресс в корабельной артиллерии не привел к изменению взглядов Макарова на дистанцию морского сражения. В работе «Броненосцы или безбронные суда?» (1903) он лишь незначительно (на 1 – 5 кабельтовых) увеличил прежние значения дистанций стрельбы корабельной артиллерии. Например, для 12-дюймовой пушки в 40 калибров длиной они стали следующими: ближняя дистанция – 11 кабельтовых (1,85 км), средняя – 24 кабельтовых (4,1 км) и дальняя – 42 кабельтовых (6,85 км)². Для других орудий эти значения выросли в тех же пределах. Адмирал по-прежнему считал возможным сражение с противником на самом близком расстоянии.

Представления Макарова о боевом применении корабельной артиллерии не соответствовали условиям морских сражений на рубеже XIX – XX вв. Прогресс в развитии артиллерии достиг такого уровня, что, несмотря на значительное улучшение брони, на дистанции 10 – 15 кабельтовых скорострельные пушки среднего калибра (75 – 203 мм) могли вести плотный прицельный огонь по кораблю противника, независимо от его размеров, и представляли смертельную угрозу даже для хорошо защищенных броненосцев, будучи способными пробивать их броню, за исключением самых толстых ее участков. В данных условиях дистанция становилась одним из важных элементов защиты кораблей. Именно со взглядом на дистанцию стрельбы из современных ему корабельных пушек и была, прежде всего, связана ошибочность теории Макарова.

В конце XIX – начале XX в. артиллерия была главным оружием флота, но адмирал, считавший необходимым применять в бою весь арсенал корабля в равной степени, включая совсем уже архаичный таран, был вынужден занижать возможности пушек. Поэтому в концепции Макарова не ставился вопрос о способах максимального использования потенциала корабельных пушек, тогда как его решение должно было стать одной из ключевых задач отечественной морской тактики того времени. По сути, Макаров пытался развивать в соответствии с прогрессивными изменениями в материальной части флота последнего десятилетия XIX в., представления 1870 – 1880-х гг., от которых к тому времени отказались во флотах ведущих мировых держав.

---

¹ Макаров С.О. Броненосцы или безбронные суда? СПб., 1903. С. 13 – 15.

² Там же. С. 15.

В морских сражениях русско-японской войны расстояние ведения огня колебалось преимущественно в пределах 40 – 20 кабельтовых (7,4 – 3,7 км)¹, в зависимости от погодных условий, что значительно отличалось от представлений Макарова, согласно которым средняя дистанция артиллерийской стрельбы находилась в пределах 24 – 15 кабельтовых (4,5 – 2,8 км) и должна была сокращаться, вплоть до таранного удара. Война также выявила значительное превосходство крупнокалиберных, в особенности 305-мм, орудий над скорострельными пушками средних калибров в способности поражать броненосцы и другие большие корабли.

При этом, несмотря на ее недостатки, концепция Макарова внесла большой вклад в повышение уровня подготовки личного состава флота в стрельбе из корабельных пушек. В ходе русско-японской войны расчеты орудий российских кораблей показали хороший уровень своих навыков. Так, например, в бою в Желтом море 28 июля (10 августа) 1904 г. 305-мм орудия российских броненосцев вели огонь по противнику с дистанции до 88 кабельтовых (около 16,5 км) с достаточно высокой точностью, снаряды падали в пределах 200 м от японских кораблей, что было для того времени весьма впечатляющим результатом². На расстоянии 64 кабельтовых (около 11,9 км) 305-мм пушки сумели попасть во флагманский корабль японского флота, броненосец «Микаса», и пробить его борт³. Особенностью этого боя было активное использование артиллерии на расстоянии 85 – 50 кабельтовых (16 – 9 км), и даже после сближения противников дистанция ведения огня сохранялась в пределах 35 – 22 кабельтовых (6,5 – 4,1 км)⁴. По результатам этого сражения стрельба русских моряков заслужила хорошую оценку за рубежом, благодаря тому, как они применяли тяжелые орудия⁵. Достоинства материальной части и подготовка личного состава в некоторой степени компенсировали недостатки теории, вследствие чего российская корабельная артиллерия соответствовала требованиям времени, однако этого было отнюдь не достаточно для победы в войне.

---

¹ Кэмпбелл Н.Дж.М. Битва при Цусиме» («The battle of Tsushima»). Часть I. Дневной артиллерийский бой. Warship International. 1978. № 3 [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://battleships.spb.ru/Tsusima/Tsusima.html>

² Паркс О. Линкоры Британской империи. Ч. VI. Огневая мощь и скорость. СПб., 2007. С. 7.

³ Там же.

⁴ Черкасов В.Н. Записки артиллерийского офицера броненосца «Пересвет». СПб., 2000. С. 89 – 91.

⁵ Паркс О. Линкоры Британской империи. Ч. VI. Огневая мощь и скорость. СПб., 2007. С. 8.

**ПЕРВЫЙ ЗУБОВРАЧЕБНЫЙ КАБИНЕТ НА КОРАБЛЕ
РОССИЙСКОГО ФЛОТА**

МЕЙЛИХ ИРИНА МИХАЙЛОВНА,

врач-стоматолог ГБУЗ ЛО «Всеволожская клиническая межрайонная больница», Всеволожск, Ленинградская область, Россия;

e-mail: irina.stav11@mail.ru

КОВАЛЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР МЕЧИСЛАВОВИЧ,

доктор медицинских наук, доцент кафедры общей стоматологии Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: vmeda-nio@mail.ru

«Товарищу морского министра.

Представляя Вашему превосходительству составленный по моему приказанию доклад старшего судового врача линкора «Слава» коллежского советника Ипполитова, считаю своей обязанностью доложить, что вполне разделяю соображения сего врача о важности снабжения Отряда <...> самыми необходимыми приборами для оборудования зубоврачебного кабинета в таких размерах, чтоб можно было в плавании оказать действительную, хотя и временную помощь больным, не задаваясь уже капитальным лечением и пломбированием зубов.

04 марта 1908 г.

Командующий Отрядом кораблей для плавания с гардемаринами Контр-адмирал А. Эбергард»¹.

После поражений русско-японской войны, к лету 1906 г., от некогда могучего и славного Русского Императорского Флота, занимавшего третье место в мире по величине и силе, осталась лишь небольшая горстка кораблей, способных выполнять боевые задачи. Необходимо было восстанавливать престиж России, репутацию Русского Флота в международных кругах². Россия мучительно переживала свое поражение, анализировала итоги этой войны. Обсуждение причин поражения широко велось в кабинетах Морского министерства, кают-компаниях и матросских кубриках. Штормы дискуссий выплескивались на страницы Морского сборника. Беспристрастный пересмотр установившейся системы выявил е ветхость, по-

---

¹ РГАВМФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1545. Л. 1.

² Белли В.А. В Российском Императорском флоте. Воспоминания. СПб., 2005.

влекшую колоссальную неподготовленность Флота к боевым действиям¹. Обсуждались слабая техническая оснащенность боевых кораблей, отсталое мышление и профессиональное несовершенство адмиралов, недостатки комплектования личного состава.

Особенно досталось системе воспитания молодых офицеров. Кузница морского офицерства, Морской кадетский корпус, не выдерживала критики. «В минувшую войну мы, главным образом, и поплатились за то, что образование не было на должной высоте...». На первый план в многочисленных выступлениях выдвигалось сравнение с победившей Японией. Курсанты военно-морских училищ Страны восходящего солнца проходили практику на современных боевых судах, и по окончании обучения умело обращались с артиллерийскими и навигационными приборами нового поколения².

В апреле 1906 г. высочайшим указом предписано было курсантов последних курсов Морского кадетского корпуса для получения практических навыков управления, «посылать на четыре месяца во внутреннее и на семь месяцев в заграничное океанское плавание» на современных боевых кораблях, с присвоением звания корабельных гардемарин. Так была начата реформа военно-морского образования в России³.

Для плавания с корабельными гардемаринами был сформирован отдельный отряд судов в составе двух, славных своими подвигами в минувшей войне, эскадренных броненосцев «Цесаревич», «Слава» и крейсера «Богатырь». В августе 1906 г. после пышных проводов отряд судов для плавания с корабельными гардемаринами или «Отряд благих намерений», как его окрестили гардемарины, вышел с Кронштадтского рейда в свое первое заграничное плавание⁴.

На отряд, находившийся под высочайшим покровительством самого императора Николая II, возлагались большие надежды по возрождению Русского флота. Все лучшие достижения военно-морской науки и техники

---

¹ Бубнов М. Порт-Артур (воспоминания о деятельности Первой Тихоокеанской эскадры и морских команд во время осады Порт-Артура в 1904 г. // Морской сборник. 1906. № 6. С. 45; Парфенов, капитан 2 ранга. По вопросам крейсерской войны // Морской сборник. 1906. № 11. С. 20.

² Корнилов, капитан 2 ранга. Некоторые дополнения к статье «О преобразовании Морского кадетского корпуса» // Морской сборник. 1906. № 1. С. 105; Щеглов, лейтенант. Заметки о морских реформах // Морской сборник. 1906. № 2. С. 12; Шульц Г., фон, капитан 2 ранга. К реформе Морского кадетского корпуса // Морской сборник. 1906. № 10. С. 37; Ларионов, подполковник. По поводу реорганизации флота // Морской сборник. 1906. № 11. С. 27.

³ Указ о корабельных гардемаринах // ПСЗ-3. СПб., 1908. Т. 26. № 27559.

⁴ Белли В.А. Указ. соч. С. 121.

того времени собирались при его создании. Корабли, входившие в его состав, оснащались навигационными и артиллерийскими приборами и аппаратами в соответствии с последними достижениями технического прогресса. Также тщательно подбирался и офицерский состав, подавляющее большинство которого составили участники сражений Порт-Артура и Цусимы¹.

Именно эти обстоятельства способствовали продвижению основной идеи создателей зубоврачебного кабинета, первого руководителя курса зубных болезней Императорской Военно-медицинской академии доктора медицины Петра Федоровича Федорова и его ученика, морского врача Николая Александровича Новикова. Организация лечения зубов на корабле, вдали от берега. Идея была смелая, новая, проходящая пока только обкатку на флоте самой передовой в военном оснащении страны, Германии.

Новый вид оказания медицинской стоматологической помощи по достоинству был оценен российскими морскими врачами, ежедневно сталкивавшимися с проблемой необходимости неотложного лечения зубов личному составу в условиях открытого моря, во время стоянки в пустынных бухтах. Огромная польза нововведения была признана и командованием флота. Военно-морская служба проходила порой в исключительных, по своей продолжительности и пребыванию в море, условиях. «Настоятельная необходимость зубоврачебного кабинета чувствуется ежедневно, ввиду большого процента больных зубами, имеющиеся же средства на судах недостаточны и примитивны», замечает один из морских врачей².

Необходимо отметить, что обучение в Морском Кадетском корпусе начиналось с детского возраста, туда поступали мальчики в возрасте 14 лет. В этом военно-учебном заведении они проходили обучение в течение 5 – 6 лет, проживая на казарменном положении. Учеба считалась престижной, родители тратили немалые деньги на подготовку к поступлению. Вместе с тем, состояние зубов воспитанников оставляло быть лучшим. По результатам осмотра зубного врача О.Э. Клингельгефера в 1909 г., 97% учащихся Морского и 1-го кадетского корпусов имели больные зубы. «Почти все воспитанники вступают в учебное заведение с испорченными уже и неисправленными зубами...»³.

Вообще, вопрос оказания зубоврачебной помощи детям школьного возраста неоднократно поднимался зубоврачебным сообществом и в Рос-

---

¹ Там же. С. 116.

² РГАВМФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1545. Л. 3.

³ Клингельгефер О.Э. О зубоврачевании в кадетских корпусах в связи с постановлением 5 Международного зубоврачебного съезда в Берлине // Зубоврачебное дело. 1909. № 12. С. 609.

сии, и за рубежом. Так, еще в 1904 г. на заключение Ученого комитета Министерства народного просвещения было подано ходатайство Третьего Всероссийского одонтологического съезда об учреждении штатных должностей зубных врачей при средних учебных заведениях.

Организации и развитию школьной стоматологии была посвящена работа Пятого Международного зубоврачебного съезда в Берлине в 1909 г. Необходимость организации зубоврачебной помощи в средних учебных заведениях тесно связывалась с сохранением здоровья нации, профилактикой таких грозных заболеваний, как туберкулез. Однако, несмотря на многочисленные выступления и обращения медицинской общественности, вопрос организации школьной стоматологии оставался открытым¹.

С назначением в 1908 г. старшим врачом линкора «Цесаревич» Н.А. Новикова начались преобразования в медицинской части Отряда по плаванию с корабельными гардемаринами. Николай Александрович Новиков отличался неутомимым характером. Окончивший в 1890 г. Императорскую Военно-медицинскую академию в степени «лекарь с отличием», он поступает на службу в Военное ведомство в 56-й резервный пехотный батальон, позже переименованный в 176-й пехотный резервный Холмский полк. 2 июня 1891 г. Н.А. Новиков, Высочайшим приказом по Морскому ведомству за № 524, переведен младшим судовым врачом в 5-ый флотский экипаж.

В октябре того же года для прохождения переподготовки Николай Александрович приказом по Морскому ведомству № 106 назначен младшим ординатором Кронштадтского морского госпиталя. Именно там и пересеклись пути основоположника российской военной стоматологии, доктора медицины Петра Федоровича Федорова и Николая Александровича Новикова, будущего пионера зубоврачебного дела на Российском военноморском флоте, ставшего устройтелем первого штатного зуболечебного кабинета на корабле, а в то время младшего ординатора Кронштадтского морского госпиталя².

Профессиональная и педагогическая деятельность доктора медицины П.Ф. Федорова была тесно связана с Кронштадтским морским госпиталем, при котором функционировала школа морских фельдшеров, где Петр Федорович в 1890 – 1892 гг. преподавал хирургические болезни. Помимо лекций по хирургии для фельдшеров, увлеченный зубоврачеванием П.Ф. Федоров обучал молодых врачей госпиталя искусству удаления зубов, приемам «зубных операций», читал «научные беседы на тему «Основ-

---

¹ Из заседаний Военно-медицинского Ученого комитета // Военно-медицинский журнал. 1904. № 2. С. 451; Клингельгефер О.Э. Указ. соч. С. 609.

² РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 559. ЛЛ. 1 – 6.

ные принципы зубо врачевания»¹. Заражая своим энтузиазмом в деле лечения зубов, Федоров воспитал целую плеяду преданных учеников, в дальнейшем пионеров зубо врачевного дела.

С апреля 1893 г. началась нелегкая корабельная служба морского врача Новикова. Броненосец береговой обороны «Первенец», крейсер 1 ранга «Адмирал Нахимов», канонерская лодка «Гремящий», канонерская лодка «Память Азова», вновь «Адмирал Нахимов», крейсер 2 ранга «Крейсер», канонерская лодка «Отважный», броненосец «Адмирал Ушаков», крейсер «Генерал-адмирал». Семь лет непрерывного участия в кампаниях, плаваниях во внутренних и заграничных водах, и в том числе в научной экспедиции по изучению Байкальского озера с апреля по октябрь 1900 г., с единственным отпуском в четыре месяца с октября 1897 по февраль 1898 г. для, наконец-то, устройства личного счастья, Николай Александрович женился.

В 1900 г. приказом главного командира № 745 Н.А. Новиков переведен в Учебно-минный отряд, подразделение новое, изучающее азы минного дела, авангардного направления в корабельных науках. Начинается тесное сотрудничество Н.А. Новикова с Николаевским Морским госпиталем в Кронштадте, которое продолжается и далее, с переходом Николая Александровича старшим морским врачом в 5 флотский экипаж².

В этот период Н.А. Новиков всецело посвящает себя постижению мастерства в искусстве зубо врачевания. Итогом становятся написанные Н.А. Новиковым и изданные в 1907 г. Николаевским Морским госпиталем в Кронштадте, «Краткие заметки по болезням зубов и их извлечению». В «Заметках», предназначавшихся для подготовки среднего медицинского персонала – фельдшеров, Н.А. Новиков знакомит читателя со всеми современными, для той эпохи, методиками лечения зубов, излагает свой подход к выбору методов лечения.

Анализируя «Заметки», можно сделать вывод, что Н.А. Новиков приобрел значительный опыт в зубо врачевании, выработал собственное суждение на дальнейшие пути развития зубо врачевного дела на флоте и в армии. «Болезни зубов широко распространены <...> поступающие в ряды армии и флота страдают этими заболеваниями <...>». Оказание зубо врачевной помощи должно стать повседневной реальностью, «самым заурядным явлением» и во флотской и в армейской среде, пишет Николай Александрович. И продолжает, «лечение зубов отнимает у врача много времени и труда, особенно в госпитальной практике <...>», и именно поэтому он видит необходимость в обучении основам зубо врачевания среднего меди-

¹ Чепик Г.С. Военная стоматология Российской Империи. СПб., 2013. С. 245.

² РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 559. ЛЛ. 1 – 6.

цинского персонала, фельдшеров, первых помощников врача в госпитале, в полку и на корабле¹.

Определившись в 1908 г. в отряд для плавания с корабельными гардемаринами судовым врачом, видя необходимость в оказании стоматологической помощи обучающимся в Морском кадетском корпусе гардемаринам, Н.А. Новиков поднимает вопрос об организации зубоврачебного кабинета на корабле.

Вопрос обсуждается среди врачебного состава и командования отряда. На стол командующего отрядом ложится рапорт старшего врача флагманского линкора «Слава» Ипполитова с прошением об устройстве на одном из кораблей отряда зубоврачебного кабинета, «ввиду большого процента больных зубами». С резолюцией командира Отряда контр-адмирала А. Эбергарда «вполне разделяю эти пожелания и признаю их огромную пользу», рапорт поступает в Морское министерство. Важную инициативу вполне поддержало и высшее командование флота. «Прошу Вашего отзыва, чтобы отдать соответствующие распоряжения», – обращается Товарищ морского министра контр-адмирал М. Бострем к Главному медицинскому инспектору флота лейб-хирургу В. Кудрину².

Следует сказать, что инициатива создания на корабле первого штатного зубоврачебного кабинета осуществлялась при прямой поддержке приват-доцента курса зубных болезней Императорской Военно-Медицинской академии Петра Федоровича Федорова.

Так, Петр Федорович лично, 4 апреля 1908 г., выбирает и заказывает оборудование, инструментарий и стоматологические материалы для будущего кабинета в фирме «К. Аш и сыновья» в Петербурге: «Бормашина с прямым наконечником, разъединительным суставом и прямоугольным наконечником и 24 бора, 5 пар щипцов Аш, 2 козьи ножки, 1 шприц для воды, 1 шприц для впрыскивания кокаина, 1 пинцет, 1 зеркало, 1 спиртовая лампочка, 4 экскаватора двусторонние, 3 инструмента для снятия зубных отложений, ... 2 порц. дентина “Флаттерс”, 4 порц. цемента “Горвард”» и т.д. Всего оборудования и материалов для зубоврачебного кабинета было закуплено и оплачено по счету Морским министерством на сумму 230 рублей. 6 августа 1908 г. оборудование и инструментарий кабинета были внесены в инвентарную книгу Медицинской инспекции Кронштадтского порта. К октябрю 1908 г. зубоврачебный кабинет был укомплектован всем необходимым оборудованием, инструментарием и материалами, при-

---

¹ Новиков Н.А. Краткие заметки по болезням зубов и их извлечению. Кронштадт, 1907. С. 105; Чепик Г.С. Указ. соч. С. 245.

² РГАВМФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1545. ЛЛ. 1 – 3.

нят и устроен на линейном корабле «Цесаревич» старшим врачом Николаем Александровичем Новиковым¹.

В октябре 1908 г. начался очередной учебный заграничный поход Отряда для плавания с корабельными гардемаринами уже с открытым для приема больных, на флагманском корабле «Цесаревич», зубоврачебным кабинетом. Стоматологическую помощь в кабинете оказывал старший врач Первого Балтийского флотского экипажа Николай Александрович Новиков².

Первого октября 1908 г. отряд вышел из Либавы, первым пунктом остановки был Плимут, затем Виго. Отряд шел, огибая побережье Европы. Гардемарины впервые на практике познакомились со службой и бытом на боевых кораблях. На морском просторе проводились шлюпочные учения и стрельбы.

Рассказывая об этом заграничном походе, невозможно не упомянуть о героическом участии отряда в ликвидации последствий землетрясения в итальянском городе Мессина в декабре 1908 г. В ночь на 15 декабря корабли отряда стояли вблизи итальянского берега, при поступлении сигнала о помощи, русские моряки первыми пришли на выручку жителям Мессины. Город пребывал в шоковом состоянии. Среди горожан было большое количество пострадавших с тяжелыми телесными повреждениями, вызванных обрушением зданий. Врачи отряда развернули в городе перевязочные пункты, где оказывали раненым медицинскую помощь.

Героические действия отряда по высвобождению пострадавших из завалов, оказанию раненым первой медицинской помощи, организации пунктов питания, выдачи воды и продовольствия навсегда остались в памяти итальянцев. В 1910 г. правительство Италии наградило Российский флот Большой Золотой медалью, а экипаж отряда для плавания с корабельными гардемаринами орденами и медалями «В память бедствия, постигшего Мессину и Калабрию». Император Николай II при награждении обратился к командующему отрядом контр-адмиралу В.И. Литвинову со словами: «Вы, адмирал, со своими моряками, в несколько дней сделали больше, чем все мои дипломаты за все мое царствование...». Утраченный в русско-японскую войну престиж Русского императорского флота был восстановлен в глазах жителей европейского сообщества³.

К сожалению, пока не найдено каких-либо отчетных данных о деятельности первого зубоврачебного кабинета на линейном корабле «Цесаревич». К сказанному можно добавить, что идея организации зубоврачеб-

¹ Там же. ЛЛ. 4 – 7.

² Там же. ЛЛ. 8 – 9.

³ Белли В.А. Указ. соч. С. 180; РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3120.

ной помощи на корабле, вызвав одобрение флотского начальства, послужила примером и открыла путь к созданию зубоврачебных кабинетов в целом ряде военно-образовательных учреждений Российской империи. Так, в сентябре 1908 г. открылся зубоврачебный кабинет в лазарете Морского кадетского корпуса, который до июня 1909 г. имел статус нештатного и существовал на «лазаретные деньги», а с принятием высочайшего постановления от 22 июня 1909 г. он, в числе зубоврачебных кабинетов еще 22 Кадетских корпусов, получил статус штатного, «с выделением казенных сумм на содержание и наем зубного врача по 360 руб. в год»¹.

Таким образом, было положено начало важнейшему направлению в военной стоматологии, оказание стоматологической помощи на кораблях. Цель этого направления, приблизить квалифицированные виды стоматологической помощи к корабельному и войсковому звену, была полностью реализована уже советскими военными стоматологами.

АДМИРАЛТЕЙСКИЙ СУДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД В ПРОИЗВОДСТВЕ КРУПНОКАЛИБЕРНЫХ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ БАШЕННЫХ УСТАНОВОК ДЛЯ ФЛОТА В 1913 – 1917 ГГ.

ВИНОГРАДОВ СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ,
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института Российской
истории Российской академии наук, Москва,
Россия;

e-mail: sergei101000@mail.ru

В начале XX столетия основными производителями башенных артиллерийских установок для флота и береговой обороны в России являлись три предприятия – частные Металлический и Путиловский заводы, а также казенный Обуховский завод Морского ведомства. Помимо них, первые шаги на этом поприще делал завод Общества Николаевских заводов и верфей (ОНЗиВ), которому в 1899 г. были заказаны две 12-дм 2-орудийные установки для броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Наиболее крупным и подготовленным предприятием была Компания Санкт-Петербургского Металлического завода (ПМЗ) – ее завод в Петербурге в 1887 – 1910 гг. изготовил для флота 74 установки для орудий калибром 6 – 12 дм (Обуховский и Путиловский совокупно – 55). Фактически, ПМЗ располагал наличными возможностями башенного

---

¹ Клингельгефер О.Э. Указ. соч. С. 609.

производства мирового уровня и обладал не только развитыми промышленными мощностями, но и передовыми инженерно-конструкторскими кадрами, создававшими достаточно совершенные проекты корабельных башенных установок.

Однако именно эта его особенность со временем начала вызывать явное беспокойство руководителей Морского ведомства, поскольку ставила последнюю в достаточно сильную зависимость от сметных исчислений завода. Не располагая сколько-нибудь успешным аналогичным подконтрольным казне предприятием, ведомство порой с немалым трудом шло на удовлетворение ценовых запросов ПМЗ.

Ситуация в целом оставалась терпимой до середины 1900-х гг., пока не возникла потребность перехода к постройке линейных кораблей (линкоров) нового типа – дредноутов. Помимо того, что производство башен для каждого из них предстояло не только кратно увеличить – с обычных двух до четырех, новые установки требовалось выполнять на качественно новом технологическом уровне: более энерговооруженные, структурно и механически комплексные, технологически более совершенные и материалоемкие. К тому же в установках нового поколения помещалось на 50% большее число орудий (три вместо двух), также нового, на треть более мощного типа.

Уже при постройке первой серии дредноутов (4 единицы типа «Севастополь») рост уровня затрат не замедлил проявиться. Так, если последние 2-орудийные 12-дм установки для линкора-дредноута «Андрей Первозванный» были заказаны ПМЗ в 1904 г. по 375 000 руб. за каждую (без стоимости брони и пушек), то новые 3-орудийные для «Севастополя» в 1910 г. – уже за 1 175 000 руб., т.е. более чем в 3 раза дороже. Таким образом, рост расходов на одну установку при том же калибре орудий (хотя и новой модели) составил более 200%. При этом потонная стоимость установок, без орудий и брони, увеличилась с 1675 до 3036 руб., т.е. на 80%¹.

Наметившуюся ценовую коллизию постарались принципиально разрешить с переходом в начале 1910-х гг. к башенным установкам для новых 14-дм орудий в 52 калибра длиной, предназначенных для крейсеров-сверхдредноутов типа «Измаил» и береговой обороны на Балтике. В октябре 1911 г. Главное управление кораблестроения (ГУК) Морского министерства объявило о конкурсе на новые 3-орудийные установки для будущих «измаилов». Участвовать в конкурсе проектов выразили желание казенный Обуховский сталелитейный завод, частные ОПЗ, ОНЗиВ и ПМЗ,

---

¹ Дукельский А.Г. Исторический очерк развития проектирования и изготовления башенных установок в России, 1886 – 1917 гг. М., 1931. С. 221, 250, 300.

а также иностранные фирмы – британская «Виккерс» (Vickers Ltd.) и французская «Сен-Шамон» (Companie Forges et Acieries de la Marine et de Homescourt, или FAMH).

5 марта 1913 г. подвели итоги конкурса. Проекты ОНЗиВ, компаний «Сен-Шамон» и «Виккерс» были отклонены из-за необеспеченности скорости стрельбы. Лучшим из остальных признали проект ПМЗ. Ему, согласно конкурсным правилам, должно было быть отдано предпочтение при заказе башен для первого броненосного крейсера, и теперь требовалось согласовать цену заказа. Следует отметить, что при составлении «Программы усиленного судостроения 1912 – 1916 гг.», которой предусматривалось создание 4 линейных крейсеров, ее сметными исчислениями цена одной установки без брони и орудий определялась для двух первых кораблей в 1 700 000 руб., для двух остальных в 1 615 000 руб.¹ Неприятной новостью для Морского министерства стало то, что ПМЗ представил тщательно аргументированные расчеты, согласно которым стоимость одной установки равнялась 2 160 000 руб. Это почти на 30% превосходило сметные предположения по уже вотирированной в 1912 г. и утвержденной царем программе².

Вопрос цены предстоящего заказа традиционно рассматривался и утверждался Совецанием по судостроению. Входящие в его состав представители Госконтроля и Министерства финансов на совещании 2 апреля 1913 г. объявили цену завода чрезмерной. После месячной серии консультаций, взаимных упреков и уступок сошлись на 1 970 000 руб. за установку, для чего морякам пришлось пойти на отказ или понижение ряда технических требований. 31 мая 1913 г. ПМЗ получил наряд на 4 3-орудийных установки для головного «Измаила»³.

Эта история оставила ощутимый осадок. Было ясно, что подобные ситуации неизбежны и в последующем, а их успешное разрешение в желательном для флота ключе всегда будет находиться под вопросом. «Программа усиленного судостроения 1912 – 1916 гг.» (Малая судостроительная программа) являлась только частью последовательно проводимого в жизнь «Закона о Флоте» (Большая программа). Согласно нему, помимо уже находящихся в постройке 12 дредноутов, до 1930 г. предстояло ввести в строй еще 28 линкоров и 8 линейных крейсеров⁴. Причем учитывая твердо отстаиваемый Морским Генеральным штабом

---

¹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 107. Л. 19.

² Отчет Государственного контролера за 1913 г. СПб., 1914. С. 66.

³ РГАВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 477. Л. 106.

⁴ Закон об Императорском Российском флоте и программа усиленного судостроения (проект). СПб., 1911. С. 59.

(МГШ) принцип вооружения каждого корабля не менее чем 12 крупнокалиберными артиллерийскими системами, на вооружение новых кораблей должно было пойти еще 432 орудия. При размещении в 3-орудийных башнях для них требовалось 144 установки и Морскому министерству, возможно, предстояло при выдаче заказов на них сражаться с отечественными частными производителями, которые задавали в этом деле тон, буквально за каждую тысячу рублей. Это не должно было стать системой.

Исход «битвы цен» между ПМЗ и Морским министерством привел последнее к ясному пониманию новой реальности. Стало очевидно, что в данном сегменте морских вооружений, как и в прочих отраслях – производстве орудий, брони, турбин, снарядов – министерству необходимо собственное, полностью ему подконтрольное, мощное и современное производство, способное стать проводником и опорой взглядов на цену орудийных установок. Весной 1913 г. видение вопроса полностью сформировалось.

Роль будущего башенного гиганта отводилась Адмиралтейскому судостроительному заводу (АСЗ), который прежде вообще никогда изготовлением орудийных установок не занимался. Однако резоны в пользу именно этого решения имелись веские. Адмиралтейский завод на двух своих стапелях на Галерном острове выполнял сборку боевых кораблей любых размеров. В 1909 – 1911 гг. здесь были исполнены корпуса линкоров «Полтава» и «Гангут» (длина 180 м). С начала 1913 гг. на обоих реконструированных (удлиненных, укрепленных, оснащенных новыми огромными башенными кранами) стапелях развернулась постройка корпусов гигантских линейных крейсеров «Бородино» и «Наварин» (длина 225 м). Рядом с Галерным островом, выше по течению Невы, находились два принадлежавших городу островка – так называемые Сальные (Большой и Малый) буяны¹, их общая площадь составляла 12 044 кв. саж. (54,6 га). Здесь-то и было решено воздвигнуть новый современный завод крупнокалиберных башенных установок. Земля островов, стоимостью соответственно 891 720 и 101 013 руб. подлежала выкупу Морским министерством у города².

Согласно идее данной комбинации, воздвигнутый под боком у АСЗ новый башенный завод должен был снабжать установками не только

---

¹ Буян (старорусск.) – синоним термина «остров». В середине XVIII в. на островах был воздвигнут комплекс провиантских складов для армии, на которых, в том числе, хранились запасы сала, послужившие установлению их обиходного названия. Со временем оно трансформировалось в официальное топографическое наименование.

² Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая. 1912 – 1913 гг. СПб., 1913. Т. IV (№№ 526 – 637). К № 536. С. 3.

корабли, сооружаемые на Галерном острове, но и напротив него на правом берегу Невы на Балтийском заводе¹. Пояснилось, что «АСЗ, изготавливая башни и строя в то же время корпуса судов, для которых эти башни предназначаются, будет иметь <...> выгодное преимущество в том отношении, что доставка и пригонка всех составных частей башен не потребует ни особого времени, ни особых затрат на перевозку их»². После застройки Буянов башенной инфраструктурой на левом берегу Невы образовывалась сплошная промзона военного кораблестроения – Галерный остров (стапеля), цеха башенного отдела и, наконец, мощности Франко-Русского завода, традиционного контрагента АСЗ по части котлов, турбин и вспомогательных механизмов. Малые стапеля и цеха расположенного рядом, но еще выше по течению Невы Нового Адмиралтейства предполагалось перепрофилировать под мало- и среднетоннажное судостроение и судоремонт.

Еще до подведения итогов конкурса на лучший проект 3-орудийной 14-дм башни его французский участник – компания «Сен-Шамон» 2 января 1913 г. сообщила через своего представителя в Петербурге Ф.Л. Радлова, что «согласна изготовить означенные башни в России в требуемый запросом 3-летний срок»³. Теперь один из ведущих оборонных концернов союзной Франции предполагалось привлечь, не много не мало, к созданию крупнейшего и современного производства башенных установок для линкоров, линейных крейсеров и береговой обороны на русском казенном предприятии. В апреле 1913 г. начальник Адмиралтейского судостроительного завода генерал-майор А.И. Моисеев срочно выехал во Францию для обсуждения условий с компанией «Сен-Шамон» относительно ее участия в предстоящем деле. 4 (17 мая) 1913 г. он заключил с директором-распорядителем фирмы Т. Лауреном предварительный договор⁴.

Это был комплексный план. Во-первых, французы принимали на себя обязательство «сообщать Адмиралтейскому заводу по его требованию, имеемые у них опытные и теоретические данные и весь другой материал по вопросам связанным как с изготовлением башен, так и с оборудованием на территории Адмиралтейского завода мастерских для башенного

---

¹ В 1909 – 1911 гг. осуществил сборку и спуск на воду двух идентичных «Полтаве» и «Гангуту» дредноутов «Севастополь» и «Петропавловск»; на их стапельных местах с марта 1913 г. была начата постройка серийных с «Наварином» и «Бородино» крейсеров-сверхдредноутов «Измаил» и «Кинбурн».

² Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая. 1912 – 1913 гг. Т. IV (№№ 526 – 637). К № 536. С. 4.

³ РГАВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 312. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 319. ЛЛ. 389, 404.

производства». Во-вторых, фирма по требованию АСЗ обещала выполнять «проверку расчетов и теоретических соображений Адмиралтейского завода по различным вопросам сооружения башен». Затем, руководство компании обязывалось знакомить инженеров АСЗ со всеми аспектами башенного производства на своих заводах во Франции¹. И, наконец, «Сен-Шамон» существеннейшим образом участвовала в исполнении Адмиралтейским заводом его первого заказа на 14-дм 3-орудийные установки для одного линейного крейсера. Речь шла не более и не менее как об изготовлении всей наиболее сложной механической и электротехнической начинки башен². Все это должно было изготовляться на заводах «Сен-Шамон» во Франции и морем доставляться в Петербург на будущий башенный завод АСЗ.

Этот контракт должен был принести «Сен-Шамон» 1 362 500 руб. Компания изготовляла для башен русского линейного крейсера все необходимое, кроме крупных клепаных конструкций (стол установки, подбашенное и перегрузочное отделения, подачная труба, вращающиеся платформы в погребах). Для сборки башен фирма обязывалась командировать за свой счет инженера и двух мастеров³.

При принципиальной предрешенности организации башенного производства на АСЗ и уже свершившемся приискании консультанта, следовало решить главный вопрос – о выделении средств, которые сделают весь проект жизнеспособным. Большим плюсом для движения вопроса являлся тот факт, что Дума в этот период уже обсуждала выделение очередных кредитов на развитие судостроительных мощностей АСЗ (удлинение достроечного бассейна, учитывая непрерывно возрастающие габариты линейных судов, постройку и оборудование новых судостроительных цехов и административных зданий, достроечный плавкран грузоподъемностью 200 т и пр.), на что запрашивалось около 5 млн. руб. Уточненное представление Морского министерства в Думу, куда был добавлен раздел со сметными исчислениями на башенный завод (2,3 млн. руб.) было внесено 22 мая 1913 г.⁴

13 июля 1913 г. решение Думы об отпуске кредитов на переоборудование Адмиралтейского завода было утверждено царем и обрело силу закона. Всего в рамках новых ассигнований АСЗ было

---

¹ Там же. ЛЛ. 390, 391.

² Там же. ЛЛ. 400, 401, 402.

³ Там же. ЛЛ. 405, 406.

⁴ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая. 1912 – 1913 гг. Т. IV (№№ 526 – 637). К № 536. С. 1, 4.

отпущено 7 292 790 руб., из них 2 300 550 руб. на создание мощностей башенного отдела¹.

19 июля были распределены заказы на 14-дм установки для «измаилов». Для головного корабля был избран Металлический завод, наряды еще на два комплекта достались ОСЗ и ОНЗиВ. Для четвертого линейного крейсера «Наварин» было решено привлечь Адмиралтейский завод². Официальная выдача ему наряда за № 7172 на общую сумму 7 000 000 руб. последовала 13 сентября³.

Таким образом, на Адмиралтейский завод, никогда прежде не занимавшийся постройкой башенных орудийных установок даже небольших калибров, не располагавший для этого ни кадрами, ни опытом, ни соответствующими мощностями, возлагалась сложнейшая задача по изготовлению 14-дм 3-орудийных установок для сверхдредноута, ни в России, ни в мире никем еще не строившихся. Единственной возможностью успешной реализации данного амбициозного начинания было создание этих установок по частям другими, компетентными на данном поприще предприятиями, и сборка их на борту «Наварина» под формальной маркой АСЗ.

Комбинация особенно и не замалчивалась. Как отмечалось выше, на роль поставщика башенных механизмов и электротехнических устройств была намечена французская «Сен-Шамон», клепаные конструкции предполагалось поручить Путиловскому заводу. Броня и пушки традиционно поставлялись от казны (Ижорский и Обуховский заводы). На долю Адмиралтейского завода оставалась координация всех работ и тщательная фиксация обретаемого опыта.

Будущее развитие АСЗ превращением его в флагман отечественного морского башенностроения дополнялось созданием специального «Проекционного башенного бюро Главного управления кораблестроения при Адмиралтейском судостроительном заводе». Оно должно было стать ведущим госучреждением по разработке проектов установок крупнокалиберных орудий для линкоров, линейных крейсеров и береговой обороны. По мере его комплектования, разворачивались работы по проектированию башенных установок. Первой крупной разработкой стало проектирование 2-орудийных 14-дм башенных установок для Морской крепости Императора Петра Великого в Ревеле (ныне Таллин). Проект был датирован 23 августа 1913 г.⁴ и, после экспертизы ГУК, 4 октября передан

---

¹ Доклад по Морскому министерству за 1913 г. СПб., 1914. С. 127.

² РГАВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 319. Л. 105.

³ Там же. Л. 376.

⁴ Там же. Ф. 876. Оп. 199. Д. 9. ЛЛ. 1 – 15.

субподрядчику – «АО Metallургических, механических и судостроительных заводов Бекер и Ко» в Ревеле для изготовления клепаных конструкций башен¹. Сам наряд Адмиралтейскому заводу на изготовление 4 2-орудийных 14-дм башенных установок для Ревельской крепости «со станками и всеми приводами» на сумму 6 508 000 руб. (по 1 627 000 за башню) последовал 30 октября 1913 г.²

Осенью 1913 г. ситуация с привлечением «Сен-Шамон» для всех ближайших построек башенных установок АСЗ, как то предусматривалось предварительным контрактом от 4/17 мая 1913 г., уже существенно поменялась. По свидетельству А.И. Моисеева, «при ведении Адмиралтейским заводом дальнейших переговоров с заводом Сен-Шамон по вопросу об изготовлении последним механических частей башен, постепенно стало выясняться, что Сен-Шамон считает для себя невыгодным выполнение механической части башен по цене, указанной им в предварительном соглашении, а также не может удовлетворить в смысле сроков поставки. Окончательно этот вопрос был выяснен лишь 18 ноября 1913 г.»³. Таким образом, с конца осени 1913 г. французы от материальной части дела самоустранились.

Вследствие отказа «Сан-Шамон» от исполнения комплектующих башен «Наварина», с фирмой было выработано новое соглашение – только на техническое консультирование при их проектировании. Следующая компания сумма снижалась более чем в 8 раз – с 1 360 000 до 160 000 руб.⁴ Чем не пример государственного «радения»? Окончательно договор Адмиралтейского завода с «Сен-Шамон» на новых условиях был подписан 7 февраля 1914 г.⁵

С начала 1914 г. начались подготовительные работы по возведению цехов башенного отдела АСЗ на Сальных Буянах. Проект разрабатывал Путиловский завод, за год до этого закончивший постройку собственного нового башенного цеха и обладавший в этой области значительным опытом⁶. В основу всех предположений по размерам и оборудованию нового производства на Адмиралтейском заводе была принята возможность одновременного изготовления двух комплектов корабельных

---

¹ Там же. Ф. 401. Оп. 2. Д. 319. Л. 302.

² ЦГИА СПб. Ф. 1434. Оп. 1. Д. 277. Л. 87.

³ Там же. Д. 1832. Л. 46.

⁴ Отчет Государственного контролера за 1913 г. СПб., 1914. С. 67.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1434. Оп. 1. Д. 1867. Л. 20.

⁶ См. подробн.: Виноградов С.Е. «Надо было одновременно и исполнять заказ, и заканчивать мастерскую...». Производство башенных установок для флота на Путиловском заводе в 1909 – 1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2020. № 9. С. 48 – 55.

3-орудийных башен для 16-дм орудий, считая по четыре башни в комплексе¹.

Проект был готов к концу 1913 г. Башенный отдел планировался в составе сборочного цеха размерами 138 х 30 х 15 м (от пола до нижней точки крана), котельного размерами 138 х 22 х 15 м и механического размерами 125 х 35 х 15 м. Крановое оборудование включало два крана по 100 т в нижнем уровне и два крана в 20 и 10 т в верхнем уровне в сборочном цехе, один 30-тонный и два 5-тонных консольных крана в механическом, а также 30-тонный и 20-тонный мостовые краны в котельном цехе².

В начале мая 1914 г. в возводимом здании сборочного цеха начались работы по постройке кессона для сборки башен с нижней частью – круглого колодца диаметром 11,8 м и глубиной 8 м.³ Сооружение было сдано осенью 1914 г. До начала войны были выведены фундаменты зданий цехов на высоту пола первого этажа, изготовлены и доставлены на строительство металлические конструкции колонн, балок, подкрановых путей, фермы для крыши, конструкции оконных проемов⁴.

Изготовление оборудования для башенного завода АСЗ, активно начатое в первой половине 1914 г., после начала войны замедлилось. Тем не менее, отдельные поставки были выполнены достаточно успешно. «АО Машиностроительного завода Герлях и Пульст» в Варшаве было заказано Адмиралтейским заводом 5 особо габаритных станков для расточки башенных погонів. Поскольку флот в ходе продолжавшейся войны придавал особое значение развитию береговой обороны на Балтике, первые два готовых расточных станка из всех пяти были сразу по их готовности и окончанию испытаний в июне и августе 1915 г. отправлены в Ревель (Таллин)⁵.

Успешно развивалась деятельность Артиллерийского технического бюро АСЗ, разрабатывавшего с 1913 г. проекты орудийных установок. После завершения в августе 1913 г. проектных работ по береговым 14-дм 2-орудийным установкам ему была поручена весьма крупная и ответственная работа – проектирование 2-х, 3-х и 4-орудийных установок для 16-дм орудий в 45 калибров. Этими огромными 110-тонными пушками, производство которых также еще только предстояло освоить, было предположено вооружать перспективные линкоры, подлежащие

---

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1434. Оп. 1. Д. 1827. Л. 95.

² Там же. Л. 113.

³ Там же. Л. 14.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 441. Оп. 1. Д. 44. Л. 92.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1434. Оп. 1. Д. 1840. Л 6, 61, 111.

закладке осенью – зимой 1914/1915 гг.¹ Примечательно, что сами эти линкоры также проектировались в Техническом проекционном бюро Адмиралтейского завода².

Работы по 16-дм башням начались в феврале 1914 г. сразу по нескольким направлениям: проектировались 2-, 3- и 4-орудийные установки (последним МГШ на первых порах отдавал предпочтение). В июне 1914 г. работы по проектированию 16-дм установок были приостановлены до получения точных данных по 16-дм/45-калиберному орудию и его станку, опытные образцы которых были уже заказаны и начаты изготовлением. В августе в связи с остановкой проектирования, вызванной началом войны, остаток средств на содержание Артиллерийского бюро был ГУКом отозван, и конструкторские работы по 16-дм установке на АСЗ больше не возобновлялись³.

События Первой Мировой войны, смены власти, последовавшей опустошительной Гражданской войны, разрухи и затянувшейся на десятилетие паузы в строительстве флота поставили крест на создании на АСЗ крупного производства артиллерийских башен. На построенных в 1914 г. фундаментах цехов предполагавшегося башенного отдела в 1937 – 1938 гг. были возведены по новому проекту для Адмиралтейского завода три новых судостроительных цеха, работающие и поныне⁴.

Подводя итог деятельности Морского министерства по установлению на Адмиралтейском заводе башенного производства в 1913 – 1917 гг., можно признать, что в последнее десятилетие Российской империи именно данный сюжет отличался наибольшей масштабностью из всего ряда попыток по модернизации отечественного башенностроения. С нуля создавалось важнейшее оборонное производство самого современного типа. Новый башенный завод АСЗ должен был увенчать формирование крупнейшего кластера военного кораблестроения в устье Невы. Причем башенный отдел АСЗ планировался не только как производственный, но и как ведущий в отрасли проектно-конструкторский центр, а в плане формирования цен на продукцию военного кораблестроения должен был выступать в качестве подконтрольного казне «регулятора стоимости»

---

¹ См. подробн.: Виноградов С.Е. Последние исполины Российского Императорского флота: Линейные корабли с 16-дм артиллерией в программах развития флота, 1914 – 1917 гг. СПб., 1999. С. 130 – 172.

² ЦГИА СПб. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 3523. Л. 12; Маслов А.И. Автобиография // ЦВММ. Рукописный фонд. Ед. хр. № 22356. С. 3.

³ ЦГИА СПб. Ф. 1434. Оп. 1. Д. 1828. Л. 1.

⁴ Терлецкий К.Ф. Краткая история Ленинградского судостроительного завода им. Марти. Рукопись. Л., 1949. С. 19 // Архив ПО «Адмиралтейские верфи».

башенных установок, до сих пор зачастую служившей предметом картельного сговора частных поставщиков.

**ДОМА ПРИЗРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ИНВАЛИДОВ НИЖНИХ
ЧИНОВ ПО СВЕДЕНИЯМ «ОБЩЕСТВА ПОВСЕМЕСТНОЙ
ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШИМ НА ВОЙНЕ СОЛДАТАМ И ИХ
СЕМЬЯМ»¹**

РОГУШИНА ЛЮДМИЛА ГЕННАДЬЕВНА,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
русской истории (XIX – XXI вв.) РГПУ им.
А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: lgrogushina@herzen.spb.ru

Система помощи пострадавшим от военных действий начала складываться в Российской империи с начала XIX века. Важным этапом в ее формировании является конец XIX – начало XX века. В этот период она оформляется окончательно, в том числе законодательно. Так, в 1912 году выходит закон, который гарантировал поддержку солдатам и их родственникам². Важным рубежом в развитии помощи пострадавшим нижним чинам и их семьям стала русско-японская война. До войны помощью пострадавшим нижним чинам занимались Александровский комитет о раненых, а также специальные государственные учреждения попечения, например, показательная Чесменская богадельня. После русско-японской войны было создано «Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям». Устав общества был зарегистрирован 23 января 1906 года³. Общество со своего основания было под покровительством императора, и в 1909 году получило статус общества «на особых основаниях». Во второй редакции Устава общество приняло поправку, в соответствии с которой расширяло свою деятельность и занималось не только пострадавшими в ходе русско-японской войны, но солдатами и их семьями, пострадавшими в период любой мобилизации, т.е. войны. Общество повсеместной помощи очень быстро становится крупнейшей организацией, оказывающей помощь нижним чинам в стране. Одной из важных его задач было

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19 – 09 – 00128.

² ПСЗ-3. Пг., 1915. Т. 22. Отд. 1. № 37507.

³ Устав Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, утв. 23 января 1906 г. СПб., 1907. С. 3 – 9.

оказание различных видов помощи на местах проживания солдат. Для этого при Центральном правлении был создан Центральный комитет местных отделов, который, в свою очередь, развил широкую деятельность по образованию региональных отделов. К 1909 году отделы были образованы в 65 губерниях и областях. В период Первой мировой войны местные отделы и попечительства действовали уже в 94 губерниях и областях¹. Центральный комитет практически в обязательном порядке призывал губернаторов или вице-губернаторов найти и назначить Уполномоченных и при их помощи создавать отделы.

С началом Первой мировой войны деятельность общества должна была активизироваться. Но это происходит не везде, часть региональных отделов (Вятский, Подольский отдел и т.д.) наоборот начинают сворачивать свою деятельность, так как образовалось достаточно много общественных организаций, специализирующихся на различных видах помощи пострадавшим от войны, что привело к сокращению членов и пожертвований в давно работающих обществах. Такое положение не устраивало власть, и она всячески пытается реанимировать деятельность общества и его местных отделов. Это связано с тем, что власть часто использовала общество для проведения необходимых государству мероприятий, которые спускались для исполнения как обязательные.

Так, Общество повсеместной помощи в обязательном порядке должно было заниматься сбором статистических данных для того, чтобы выявить проблемы оказания помощи пострадавшим от войны на местах. Власть почитала очень удобным организовать сбор статистических данных через Общество повсеместной помощи по причине большого количества региональных отделов и вовлечение в их деятельность губернаторов и вице-губернаторов. В 1915 году Общество повсеместной помощи получает задание от МВД собрать по всей стране при помощи местных отделов сведения о домах призрения для детей-сирот и инвалидов – нижних чинов, открытых различными благотворительными организациями². Из Центрального правления (Центральный комитете по организации местных отделов) было отправлено в местные отделы общества отношение от 11 ноября 1915 г. за № 1176, предписывающее срочно собирать сведения³.

Первоначально отделы собирали и отправляли сведения в свободной форме. Но позднее Центральный комитет разработал шаблоны специальных анкет, они весьма наглядно показывают, что именно интересовало Центральное правление общества и МВД. Было разработано два шаблона

---

¹ РГИА. Ф.1360. Оп. 1. Д. 48. Л. 20.

² Там же. Д. 58. Л. 1.

³ Там же. ЛЛ. 9 – 9 об.

анкеты: 1 – программа по детскому признанию из 18 вопросов; и 2 – программа по признанию инвалидов из 19 вопросов¹. Что же более всего интересовало власть? Часть вопросов обеих анкет совпадают. Это такие вопросы, как: местонахождение, наименование учреждения (дом признания, приют, ясли для детей, богадельня для увечных – сведения подавались о любом виде учреждения); списки детей или инвалидов с увечьями (в списке детей обязательно указывались полные сироты или отсутствие кого-либо из родителей, или наличие обоих родителей с причинами нахождения в учреждении); постоянно или нет призреваемые находятся в учреждении, есть ли собственное здание и земля, кто заведует учреждением, кто помощники, есть ли врачи, сколько стоит содержание одного призреваемого, из каких источников получают средства, какое питание получают призреваемые. Отдельно стоит вопрос о возможном трудоустройстве, по возможности для инвалидов, и для детей-выпускников учреждения. Интересно, что общим вопросом также является вопрос о том, чему обучались призреваемые: это касается обучения грамотности, а также ремеслам, промыслам и профессиональным знаниям². Отдельный вопрос посвящен возможности обучения и применения сельскохозяйственного труда. Он также является общим. По-видимому, это связано с тем, что большинство призреваемых происходило из крестьянского сословия и, по возможности, было важно не отрывать их от основного занятия. В дальнейшем Обществу повсеместной помощи было поручено организовать в регионах земледельческие приюты для детей.

К общим относится вопрос о том, на сколько человек рассчитано благотворительное заведение, и вопрос о том, какие пайки и пособия получают призреваемые от других учреждений. Отдельно по детским заведениям задавался вопрос о типе приюта: смешанный или отдельно для мальчиков или девочек, вопрос о профессиональном обучении по половому признаку. Обучаются ли девочки рукоделию (какому) и домоводству. Где обучаются грамотности и до какого возраста содержаться в заведении.

Для инвалидов был обязателен вопрос о характере увечья, более подробно опрашивались о врачебном наблюдении и в меньшей степени об уровне грамотности³.

Анкеты носят очень подробный характер. Была отпечатана форма, которая рассылалась по отделам и требовала досконального заполнения. Очень любопытны отзывы на заполнение анкет из местных отделов. Несмотря на обязательную отправку сведений, поставляли их далеко не все.

---

¹ Там же. ЛЛ. 12 – 12 об.

² Там же. ЛЛ. 8 – 8 об.; 9 – 9 об.; 19 – 19 об.; 20 – 20 об.

³ Там же. ЛЛ. 12, 14, 20.

Сведения отправили примерно 36% региональных отделов, хотя возможно часть отправленных анкет просто не сохранились. Центральный Комитет по работе с местными отделами не один раз запрашивал сведения у регионов в приказном порядке, но далеко не всегда получали ответ. Сведения подавались за 1914 – 1915 гг. в течение всего 1916 г. Из присланных сведений только немногим больше 50% – это заполненные формы анкеты, остальные ответы содержат сообщения либо о желании в дальнейшем открыть благотворительное заведение, либо о сложностях при возможном открытии его¹. Подавляющее большинство анкет заполнялось по домам призрения или приютам для детей. При этом, сведения по домам призрения для инвалидов подали всего 3 региональных отдела; большинство заявило о невозможности открытия заведения для инвалидов². Это: 1. Созданный Земским союзом дом призрения инвалидов без конечностей или с серьезными травмам рук и ног в Ростове-на-Дону³; 2. Дом для слепых и глухих инвалидов в Климовском уезде (не указано, какая организация содержит)⁴; 3. Созданный за счет учреждения Мелкого кредита при участии Всероссийского союза городов приют для увечных воинов в Нахичевани⁵. Наиболее полные сведения были поданы по приюту в Нахичевани. Из них мы узнаем, что на февраль 1916 года в приюте, рассчитанном на 50 человек, призревало 42 воина. Призреваемые находились в приюте постоянно, обучались грамоте (русскому языку, арифметике, закону божию), а также сапожному, столярному и шапочному делу. На содержание одного призреваемого уходило 22 – 23 рубля месяц⁶. Часто отсутствие домов инвалидов в ответах со стороны благотворительных организаций мотивировалось отсутствием средств и тем, что инвалидные дома не входят в круг обязанностей данной общественной организации. Так ответили Романовский Комитет, Алексеевский Комитет, Татьянинский Комитет.

Местные отделы Общества повсеместной помощи солдатам и их семьям в подавляющем большинстве заявляли о том, что собственных приютов и домов призрения они не имеют⁷.

По детскому призрению было подано 43 анкеты, которые заполнялись по домам призрения, приютам, убежищам и яслям. Территориальный охват поставляемых сведений достаточно широкий: от Кронштадта до Якутии.

---

¹ Процент определен автором, исходя из наличия анкет.

² РГИА. Ф. 1360. Оп. 1. Д. 58. ЛЛ. 16, 36.

³ Там же. ЛЛ. 19 – 21 об.

⁴ Там же. Л. 37 об.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 12 об.

⁷ Там же. ЛЛ. 8, 36, 43, 45, 50, 55, 59, 64, 74, 81.

Большое количество анкет было заполнено на юге страны и в Белоруссии¹. При этом часть ответов содержит сведения не о вновь созданных приютах, а о существовавших до войны, в которые просто добавляли нуждающихся детей. В большинстве приюты носят смешанный характер. Из 43 анкет видно, что только для девочек работало 5 приютов, для мальчиков – 7, остальные были смешанными; в 4 анкетах подали сведения о созданных и действующих яслях; двух – о приютах для девочек, существующих при монастырях (Тифлис, Ростов-на-Дону)². В целом, в соответствии с собранными обществом сведениями по призрению детей в 1914 – 1916 гг. сложилась следующая ситуация. В Новгородсиверске Черниговской губернии в 1914 г. на 37 детей нижних чинов, призванных в армию, Комитетом Красного креста и на его средства (ежегодно 220 руб.) создан смешанный приют, работающий в наемном помещении. Дети обучались грамоте у приходящего учителя Шоха, 8 поступили в начальное училище. Ремеслу не обучались, но обучались ручному труду: плетению корзин, сумок из шпагата, а также вышиванию. Возраст, до которого дети находились в приюте, не определен. В год на приют израсходовано 2549 руб. 70 коп. (из них: от Благотворительного Комитета 850 руб., остальное от Красного креста)³. В Вольске в 1916 г. региональным отделом Общества повсеместной помощи солдатам и их семьям создан приют для 25 девочек, который готов принять еще 10 детей⁴. Там же в 1915 г. Комитетом Вольской учительской организации созданы ясли для детей воинов. Посещали 20 детей, готовы были принять еще от 5 до 10 детей. При бесплатной квартире на содержание яслей уходило 2520 руб. в год⁵. В Вольском уезде, в селе Царевеище Романовский Комитет и уездное земство организовали смешанный приют для круглых сирот сельского населения и детей увечных воинов, который может содержать от 25 до 30 детей. Здание собственное, мальчики обучались столярному делу. Девочки домоводству и швейно-портновскому делу. Для приюта строилось дополнительное каменное здание, рассчитанное еще на 40 человек. В здании предполагалось также разместить ремесленные мастерские⁶. В Вольске Кресто-Воздвиженское братство создало учебно-заработный дом и школу для 45 мальчиков (среди них 2 беженца), на содержание которых уходит 3542 руб. 82 коп. в год⁷.

---

¹ Там же. ЛЛ. 1, 3, 5, 17, 19 об., 59, 71.

² Там же. Л. 32.

³ Там же. ЛЛ. 2, 68 – 71 об.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же Л. 4.

⁶ Там же. ЛЛ. 5 – 5 об.

⁷ Там же. Л. 6.

В Ростове-на-Дону на средства Союза городов работал приют смешанного типа, в котором постоянно содержалось 22 ребенка от 6 до 16 лет. Из них всего 3 круглых сироты. Дети обучались письму и чтению, работали в огороде. На ребенка уходило в месяц 15 рублей¹. Там же на средства Александровского благотворительного общества (членские взносы, пожертвования) создано смешанное убежище, в котором находились 28 девочек (от 6 до 17 лет) и 20 мальчиков (от 10 до 18 лет). Дети должны были содержаться в убежище до 15 лет, но круглые сироты оставались и в более старшем возрасте. Мальчики обучались сапожному делу, картонажному делу; девочки и мальчики чулочно-вязальному плетению. Девочки обучались кулинарии и изящному рукоделию. Содержалось убежище членскими взносами, пожертвованиями частных лиц, устройствами различных увеселений и за счет города². В Ростове-на-Дону действовал смешанный приют ведомства императрицы Марии. Приют имел свой дом, участок, школу. Средства получал от процента по доходному дому. Приют смешанный, содержалось 45 девочек от 6 до 20 лет и 17 мальчиков от 5 до 15 лет. Также ведомство императрицы Марии содержало ремесленное училище для мальчиков. В нем обучалось 26 детей от 13 до 17 лет, из них 9 сирот. Обучались слесарно-токарному, столярному делу. Училище занималось трудоустройством выпускников³. В Ростове-на-Дону также образован временный приют для девочек в имении княгини Г. Николаевой. В приюте находилось 8 девочек от 6 до 14 лет. Никакого обучения там не проводилось⁴.

Романовский комитет и местное земство в Климовичах, в усадьбе Тимонова, создали низшую ремесленную школу для 16 мальчиков 13 – 16 лет. Учились столярному ремеслу; земледелием, несмотря на имеющийся участок не занимались. На содержание школы уходило 1760 руб. в год⁵. Также Романовский комитет организовал и содержал детский приют смешанного типа в селе Бельковичи Могилевской губернии. В приюте было 8 детей, которые обучались в ЦПШ вместе с местными детьми, а также дополнительно в собственном учебном классе. Обучаюсь слесарному, кузнечному, корзинному ремеслу. При приюте был земельный участок и скотный двор, на которых также работали дети. Интересно, что при приюте был собственный фельдшер. На содержание каждого ребенка, находящегося в приюте до 17 лет, шло от 7 до 10 руб.⁶ Также в селе Горки Мо-

---

¹ Там же. ЛЛ. 9 – 9 об.

² Там же. ЛЛ. 10 – 11.

³ Там же. ЛЛ. 16 – 16 об.

⁴ Там же. ЛЛ. 1, 18 об.

⁵ Там же. Л. 27.

⁶ Там же. ЛЛ. 30 – 31 об.

гилевской губернии Романовской комитет планировал в 1916 г. открыть смешанный приют для сирот и полусирот.

В Ставрополе по инициативе и на средства ставропольского общества содействия воспитанию и защиты детей был создан приют смешанного типа, в котором содержалось 6 детей от 2 до 19 лет. Приют содержался на членские взносы, дотации от города (500 руб.) и дотации от земства (500 руб.). При приюте была своя начальная школа. Особенностью этого заведения было наличие профессиональной школы по шитью белья и платья. Изделия воспитанников реализовывались, деньги шли на приют. Выпускники трудоустраивались приютом¹. В Дорогобужском уезде Смоленской губернии крестьянами сел Желоух и Лядница для детей мобилизованных на время полевых работ матерей были образованы два приюта-ясли. Для этих яслей были отведены бесплатные помещения, но дети находились на собственном содержании². Сочинский комитет общественной помощи жертвам войны при содействии Кавказской комиссии и городского управления на время войны (после окончания предполагалось закрытие) образовал приют смешанного типа. В нем находилось 13 детей, списки которых не были представлены в сведениях. Дети обучались грамоте в Сочинском училище, но не обучались никаким ремеслам. В городе Сигнах Тифлисской губернии при Бодбийском монастыре Св. Нины открыт приют для 30 девочек в возрасте от 3,5 до 10 лет. В приют для обучения по курсу начальной школы приглашена учительница с оплатой 300 руб. в год. Девочек обучали рукоделию, старшие дети работали в переплетной мастерской, убирали комнаты. Также все дети ухаживали за растениями в монастырском саду. На содержание одного ребенка уходило 12 – 15 рублей³. В Аулеатенском уезде не было создано приютов, но детей-сирот призванных на войну призревали по месту жительства, определив к местным жителям с платою за содержание с одеждой, по 120 руб. в год в городе и 100 руб. в селах⁴. В городе Андижан Ферганской области Елизаветинским комитетом созданы были ясли – дневной приют для солдатских детей. Приют ежедневно посещали 40 – 45 детей обоего пола от 1,5 до 8 лет. Состав детей был не постоянным. Детей приводили рано утром, и они находились в яслях до 7 вечера. Это исключительно дети призванных воинов бедного состояния, чьи матери занимались поденной работой и которым было не с кем оставить детей. В яслях дети получали белье, платье и обувь. По достижению 7 лет обучались началам грамоты. Девочек обучали рукоделию,

---

¹ Там же. ЛЛ. 3 – 35.

² Там же. Л. 43.

³ Там же. ЛЛ. 65 – 66.

⁴ Там же. Л. 50.

все дети работали в огороде. Елизаветинский комитет выдавал 20 коп. на ребенка в день¹.

Очень пространные сведения о положении нуждающихся детей в целом пришли из Якутского отдела общества. К началу войны в Якутии было два приюта, которые относились к ведомству императрицы Марии и Ольгинскому комитету. В приютах на 1915 г. призревалося 27 детей, из которых 13 – дети сельского населения, остальные инородцы. В большинстве сироты и полусироты. Детей призванных на войну и пострадавших на ней практически нет. Так как всего мобилизовано по набору 315 человек. Раненых на войне на всю область было всего 25 человек, и при этом ранения в основном легкие. Сведений об убитых и осиротелых семьях нет. Потому специальных приютов для детей, призванных на войну нет. Существующие приюты с большим трудом справляются с проблемой повальной бедности в области и, следовательно, с большим количеством нуждающихся в призрении детей².

В Каргополе в уже имеющийся приют смешанного типа, который содержала городская управа с началом войны, на заседании Городской думы, было решено добавить 10 вакансий для сирот пострадавших на войне солдат. Эти дети обеспечивались финансово Благотворительным комитетом Каргополя из расчета 9 рублей в месяц на ребенка. Приют находился в собственном здании, дети не обучались никаким ремеслам, но по выпуску из заведения при наличии стипендии отправлялись в фельдшерскую школу для получения профессии. На 1916 год в приюте было всего 3 сироты призванных воинов³. В Летичевском уезде Подольской губернии местный отдел Общества повсеместной помощи солдатам и их семьям отчитался за два приюта. Первый – Войтовацкий сельский приют Мариинского ведомства для престарелых и увечных членов общества, в котором также призревались нуждающиеся дети увечных воинов. Приют был рассчитан на содержание до 50 человек. На 1916 год в нем находилось 2 старухи, 9 мальчиков до 12 лет и 7 девочек до 12 лет. Из них 4 ребенка – дети увечных воинов. Приют обходился в 300 руб. в год (70 руб. на человека). Существовал приют на средства крестьянской общины 1-го Мирowego участка, пособие от земства и частные пожертвования. Второй приют открыт при Головчинецком монастыре в 1915 году для 10 девочек-сирот пострадавших на войне воинов. Содержался за счет монастыря. Сколько уходит на содержание не сообщалось⁴. В Чистопольском уезде на 1916 год открыт при

---

¹ Там же. ЛЛ. 57 – 58.

² Там же. ЛЛ. 59 – 62 об.

³ Там же. ЛЛ. 74 – 77.

⁴ Там же. ЛЛ. 77 – 77 об.

Успенском монастыре приют для девочек – дочерей призванных на войну и беженцев. Содержался на средства Романовского комитета. В приюте находилось 25 дочерей призванных на войну и 2 сироты-беженки. Годовой расчет на каждую девочку примерно 150 руб. При этом мальчики мобилизованных солдат и беженцы призывались в Залесском сиротском приюте в селе Кривозерки также на деньги Романовского комитета и уездного земства. Здесь находилось 13 сыновей воинов из крестьянского сословия и 2 мальчика-беженца. Расход на содержание также 150 руб. на ребенка¹. В Задонске за счет местного комитета Красного креста создан приют для 30 детей (возраст от 2 до 16 лет) смешанного типа. Приют занимал свой дом, имел врача, прислугу. Дети обеспечивались «здоровым» пятиразовым столом, бельем и платьем. Дети школьного возраста учились в городском училище². В Киевской губернии Каневского уезда в селе Степанцы содержался сельский приют Мариинского ведомства смешанного типа, рассчитанный на 50 питомцев от 4 до 14 лет. В нем обучались первоначальной грамоте и сельскому хозяйству. Старшие дети посещали 2-х классное училище. У приюта было собственное здание и участок, на котором работали дети. Приют содержали девять волостей 1-го Мирowego участка, земство, а также капитан-полковник Иосиф Понятовский.

Таким образом, из поданных местными отела Общества повсеместной помощи солдатам и их семьям сведений по детскому призрению можно сделать следующие выводы. Все благотворительные заведения призывают детей крестьянского сословия или инородцев. В заведения принимали детей призванных или пострадавших на войне нижних чинов, детей беженцев, а также просто нуждающихся детей в данном регионе. Это могли быть полные сироты, полусироты, имеющие только мать, бабуку, деда, тетку, реже только отца, также были подкидыши (одна 19 лет, 3 ребенка без фамилий). Практически все дети не получали пособие от казны (не более 1–2 человек на приют, но по большей части пособия нет). Большинство приютов носили постоянный характер. Максимальное число детей, призываемых в приюте: 47 – 50. При этом в домах инвалидов для увечных воинов содержалось до 100 человек. В среднем в приютах содержалось от 10 до 25 детей. Дети чаще всего жили в приюте; только в 4-х заведениях дети находились днем. Возраст призываемых детей от 1,5 до 19 лет, вернее до 17; 18 и 19 лет – сироты, которым в прямом смысле было некуда идти, и они до какого-либо разрешения проблемы находились в приютах. В яслях-приютах содержались дети от 1,5 до 7 лет. Большинство детей школьного возраста так или иначе обучались грамоте. Это мог быть приглашенный за

---

¹ Там же. ЛЛ. 82– 82 об.

² Там же. Л. 80.

жалованье учитель, своя школа, обучение в ЦПШ, городском училище, ремесленном училище. Не обучали грамоте только в 3 приютах. Во всех заведениях девочки обучались домоводству, реже рукоделию и крайне редко кулинарии и профессиональному шитью. Один приют имел свои профессиональные классы для шитья «утонченных» изделий. Мальчики обучались различным видам ремесла: переплетному, столярному, слесарному, кузнечному, шапочному, плетению корзин и т.д. Интересным представляется, что, несмотря на принадлежность к крестьянскому сословию, как правило, дети не обучались навыкам сельскохозяйственного труда. Только 6 приютов заявили о разных формах приучения детей к работе на земле. Это при наличии своего участка или хозяйства, работа в огороде, в саду или даже на скотном дворе. Подобные приюты были созданы в основном на юге страны (Ставропольская губерния, Подольская губерния, Ферганская область, Ростов-на-Дону, Киевская губерния), а также Могилевская губерния. С помещением для приютов решалось по-разному. Это могло быть собственное здание, наем, пожертвованное здание, помещение при монастыре, квартира или усадьба жертвователя, здание, принадлежащие городу. Дальнейшим трудоустройством выпускников пытались заниматься всего 5 приютов. Большинство на этот вопрос отвечало, что еще рано заниматься этой проблемой, но в дальнейшем такая возможность предполагается. Это связано с тем, что ряд приютов был открыт в 1914 и 1915 гг., и они содержали детей младшего и школьного среднего возраста. В среднем на одного ребенка в приюте расходовалось от 12 до 14 рублей в год, на содержание приюта в целом от 2520 до 3542 рублей в год¹. В организации и содержании приютов во время Первой мировой войны принимали участие различные государственные и общественные структуры. Местные отделы Общества повсеместной помощи образовали только 2 приюта. В роли организаторов выступали: Мариинское ведомство, Красный крест, Романовский комитет, Ольгинский комитет, Елизаветинский комитет, Всероссийский союз городов, губернское и уездное земство, городские управления, Кавказская комиссия, а также региональные благотворительные общества.

В результате на основе огромной проведенной Обществом повсеместной помощи работы по сбору сведений о призрении инвалидов и детей было выявлено следующее. На местах государственно-общественные и общественные благотворительные организации гораздо чаще занимались призрением детей, чем инвалидов и увечных воинов, что возможно объяснить большим развитием именно этого направления благотворительной дея-

---

¹ Там же. ЛЛ. 7, 15 об., 31, 37, 42, 49, 57 об., 66, 69 об., 73.

тельности в целом, и большим вниманием к положению пострадавших детей, как к более перспективным будущим гражданам. В период сбора сведений среди регионов выявился формальный подход к поручениям со стороны власти. Достаточно большое число регионов давали обычную отписку, в которой отчитывались существующими до войны благотворительными заведениями. В организации и деятельности приютов был выявлен ряд проблем. Их организация проходила хаотично, средств катастрофически не хватало. Однако после обращения со стороны государства и Общества повсеместной помощи солдатам и их семьям, в регионах быстрее начали находить средства как для призрения детей, так и для инвалидов. Также следует отметить, что в подавляющем большинстве своем пострадавшие не получали положенных им пособий и пайков от казны. Была выявлена проблема и того, что находящихся в приютах детей, относящихся к крестьянскому сословию, не приучали к сельскохозяйственному труду, что было, по мнению власти, необходимо. В результате следующим поручением Обществу повсеместной помощи солдатам и их семьям стали организация помощи и контроля над созданием именно земледельческих приютов.

СУДЬБА ПРИСТАВА 1-ГО УЧАСТКА ВЫБОРГСКОЙ ЧАСТИ К.И. ШЕЛЬКИНГА В 1914 – 1917 ГГ.

РУМЯНЦЕВ АНДРЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,
кандидат исторических наук, главный архивист ЦГИА СПб, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: rumyantzev@mail.ru

Как известно, один из эпицентров Февральской революции находился на Выборгской стороне, где уже 23 февраля 1917 г. на улицы вышли текстильщицы бумагопрядильной фабрики «Невка» и Сампсониевской бумагопрядильни под лозунгом «Хлеба!» Их делегатки отправились по другим заводам и вовлекли в забастовку около 30 тысяч человек, которое к вечеру выросло до 90 тысяч человек¹. Несмотря на то, что события первых дней революции на рабочих окраинах трактовались чинами столичной полиции как заурядные явления того времени, вполне контролируемые властями, уже 25 февраля революционное движение достигло центра города. Требования хлеба сменились политическими лозунгами, которые активно внед-

---

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 24. Д. 3. Л. 71.

рялись левыми партиями¹. Свидетельством тому является знаменитая прокламация Петербургского комитета РСДРП(б) от 25 февраля 1917 г., призывавшая рабочих встать под красные знамена революции и свергнуть монархию². Символом неспособности полиции поддерживать порядок стало избиение рабочими на Литейном мосту по пути в центр столицы полицмейстера 5-го отделения, полковника М.П. Шалфеева³.

В те февральские дни большое значение приобретали отдельные личности, занимавшие те или иные полицейские посты. Одним из таких являлся пристав 1-го участка Выборгской части, полковник Ксаверий Игнатьевич Шелькинг.

Происходивший из потомственных дворян Виленской губернии, сын отставного полковника римско-католического вероисповедания, К.И. Шелькинг родился 3 декабря 1851 г. По окончании Полоцкой военной гимназии в 1870 г. он поступил на службу, а в качестве выпускника Московского пехотного юнкерского училища в чине прапорщика в 1872 г. зачислен в 4-й пехотный Копорский полк. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., дослужился в 1881 г. до чина штабс-капитана. С 1889 по 1895 гг. находился в запасе в чине капитана, в 1895 – 1897 гг. в отставке⁴.

В органах столичного правопорядка К.И. Шелькинг сделал быструю карьеру. Поступив на службу в столичную полицию в 1898 г. в качестве старшего помощника пристава 2-го участка Коломенской части⁵, в 1900 г. он уже был назначен приставом 1-го участка Выборгской части⁶. В 1902 г. К.И. Шелькинг был произведен в подполковники, а в 1912 г. – в полковни-

---

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 34. Ч. 57. Л. 19; Материалы допроса бывшего начальника Петроградского военного округа, генерал-лейтенанта С.С. Хабалова 22 марта 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П.Е. Щеголева. Л., 1924. Т. 1. С. 182 – 184 (далее – ПЦР); Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 61 – 62.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 341. Ч. 58. Л. 44.

³ См. подробн.: Николаев А.Б. Кровавый Февраль 1917 года в Петрограде: против мифов революции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 4. С. 62; Румянцев А.Г. События 25 февраля 1917 года на Литейном мосту // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб., 2016. С. 14 – 20.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1396. ЛЛ. 21, 280 об.; Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 марта 1914 г. СПб., 1914. С. 1100; Русский инвалид. 1915. 11 сентября.

⁵ Адресная книга города Санкт-Петербурга на 1898. СПб., 1897. Отдел I. Стб. 238.

⁶ Весь Петербург на 1901 г. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1901. Отдел I. Стб. 267.

ки¹. Его непосредственным начальником являлся упоминавшийся полковник М.П. Шалфеев, полицмейстер 5-го отделения, в состав которого входила вся Выборгская сторона, Лесной, Охтинский и Полюстровский пригородные участки столицы².

Жена К.И. Шелькинга, Констанция Федоровна Шелькинг, урожденная Мартини³, род. в 1878 г., евангелическо-лютеранского вероисповедания⁴. 17 декабря 1914 г. окончила курсы сестер милосердия военного времени при Клиническом институте великой княгини Елены Павловны⁵. По прошению от 28 ноября 1914 г. была прикомандирована в число сестер милосердия Общины Св. Евгении⁶. 27 января 1915 г. по прошению начальника Павловского военного училища, генерал-лейтенанта И.И. Вальберга жена пристава 1-го участка Выборгской части была прикомандирована к офицерскому лазарету для ухода за ранеными⁷. В семье имелось двое детей, Георгий, 1902 года рождения, и Лидия, 1905 года рождения, как и мать, крещенные по лютеранскому обряду⁸. Вплоть до 1917 г. семья проживала в здании 1-го участка Выборгской части по Тихвинской ул., 12, занимая квартиру № 37⁹. Данная квартира, а также квартиры 22 и 36 арендовались Управлением градоначальства и столичной полиции для участкового управления и жилья пристава у тамошней домовладелицы, жены петербургского мещанина Е.Л. Брунс за 2500 руб. в год с отоплением за ее счет¹⁰. Подобные условия бытования чинов полицейского участка не были исключением: таким же образом Управление петроградского градоначальства и столичной полиции арендовало квартиры 1, 2 и 12 для размещения чинов полиции и пристава 2-го участка Выборгской части по Б. Сампсониевскому пр., д. 62 у тамошнего владельца, потомственного почетного гражданина Н.А. Ушакова за 2100 руб. в год без отопления¹¹.

Первый участок Выборгской части являлся рабочей окраиной с деревянными одноэтажными домами. Он был ограничен р. Невой, Большой и Малой Охтами и Полюстровским участком. Граница, отделявшая его от

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1396. Л. 285.

² Весь Петроград на 1917. Адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг, 1917. Отдел I. Стб. 246.

³ ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 13314. Л. 2.

⁴ Там же. Ф. 202. Оп. 4. Д. 168. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. ЛЛ. 5 – 6.

⁸ Там же. Ф. 268. Оп. 1. Д. 13314. ЛЛ. 2 – 3.

⁹ Там же. Ф. 202. Оп. 4. Д. 168. Л. 2; Весь Петроград на 1917. Адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг., 1917. Отдел III. С. 760.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 1867. ЛЛ. 45 – 46.

¹¹ Там же. Д. 2371. ЛЛ. 7 – 7 об.

2-го участка, проходила по линии Финляндской железной дороги, включая Финляндский вокзал и товарную станцию, и далее по Чугунной ул. и Лаботорному шоссе. Здесь располагались Петроградский арсенал, Петроградский металлический завод, механический завод общества «Феникс», снаряжательный отдел Петроградского патронного завода, а также небезызвестные «Кресты» и Петроградская женская тюрьма¹.

Первый участок Выборгской части, наполненный многочисленными предприятиями и заселенный почти исключительно рабочими, в плане благоустройства находился на положении городского пригорода². Местное представительство в городском управлении составляли лишь двое гласных, статский советник В.И. Крестин и инженер-технолог В.Л. Стырикович³, что было явно недостаточно для быстрорастущего района. Для удовлетворения нужд жителей Выборгской стороны требовалось построить мост от Флюгова пер. на Петроградскую сторону, и усилить трамвайное сообщение. На тот момент имелась лишь трамвайная линия, связывающая Большой Сампсониевский пр. с Политехническим институтом и строилась линия к больнице Петра Великого в Полюстрово. Также требовалось замостить все улицы и провести электрическое освещение. Не менее важной являлась потребность в централизованном водоснабжении и канализации, фактическое отсутствие которых приводило к вспышкам эпидемий холеры⁴.

Как и вся столица, в первой половине июля 1914 г. 1-й участок Выборгской части был охвачен массовыми забастовками рабочих⁵. Уже 4 июля 1914 г. К.И. Шелькинг рапортовал и.о. петербургского градоначальника, генерал-майору О.И. Вендорфу, что в течение дня бастовало 3850 рабочих С.-Петербургского металлического завода, 2500 рабочих Меднопрокатного и трубного завода, бывш. Розенкранц, 625 рабочих машиностроительного завода «Феникс» и ряда других предприятий⁶. 7 июля 1914 г. на Безбородкинском пр. рабочими было опрокинуто 8 трамвайных вагонов, а у дома № 17 за баррикадой забастовщики запели революционные песни. Когда полицейские потребовали прекратить пение, в них полетели камни, причем рабочие и жители окрестных домов забросали не толь-

---

¹ Там же. Оп. 18. Д. 406. Л. 14.

² Там же. ЛЛ. 12 – 13.

³ Список гласных Петроградской городской думы, избранных в 1916 году на срок до 1922 года // Известия Петроградской городской думы. 1916. № 8. С. 3.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 406. ЛЛ. 12 – 13.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 61. Ч. 2. Лит А. Т. 3. ЛЛ. 39 – 40; ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 199. ЛЛ. 34 – 35.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. ЛЛ. 18 – 18 об.

ко пеший наряд, но и прибывшую конную полицию¹. На следующий день, 8 июля 1914 г. рабочие Металлического завода, соединившись с рабочими табачной фабрики «Гаванера» и другими предприятиями, в количестве не менее 4 тыс. чел, вышли на Тимофеевскую ул. с пением революционных песен, но были рассеяны нарядом полиции и казаков. Не обошлось и без опрокидывания трамваев². Как сообщал и.о. пристава А.Л. Татищев в своем рапорте О.И. Вендорфу от 7 июля 1914 г., в случае остановки рабочими участка трамвайного движения на подмогу вагоновожатым приставом выслались городовые, «и движение не прерывалось». Аналогичным образом городовыми были предотвращены попытки закрытия рабочими торговых заведений на Безбородкинском пр.³

Несмотря на то, что волнения рабочих продолжались вплоть до 17 июля 1914 г.⁴, что выражалось также в закрытии ими мелких торговых предприятий типа булочных, снятии с заводов других рабочих и пр.⁵, в 1-м участке Выборгской части они имели заметно менее выраженный характер, чем в соседнем, 2-м участке. По словам тамошнего пристава П.Г. Зарембского, обыватели окрестили их «выборгской революцией», когда «рабочие массы в течение почти трех недель осаждали участок, строили на улицах баррикады и вступали с чинами полиции в перестрелки»⁶. Подобный вывод подтверждается и списками пострадавших чинов полиции, поступивших в Канцелярию петербургского градоначальника: из 10 околоточных надзирателей и 90 городовых Выборгской стороны пострадало 9 околоточных надзирателей и 38 городовых, из которых лишь четверо служили в 1-м участке Выборгской части⁷.

Большинство предприятий Выборгской стороны возобновили работу 16 июля 1914 г.⁸ Прекращение забастовок было вызвано локаутом и почти совпало с началом Первой мировой войны⁹. Уже 15 июля 1914 г. в Петербурге начались манифестации в поддержку Сербии, которые сливались с антинемецкими лозунгами¹⁰. Об изменении общественных настроений по-

---

¹ Там же. ЛЛ. 21 – 21 об.; Пролетарская революция. 1924. № 7 (30). С. 43 – 44; Лурье М. Июльские баррикады 1914 года в Петербурге // Борьба классов. 1935. № 7 – 8. С. 125.

² ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. ЛЛ. 19 – 19 об.

³ Там же. ЛЛ. 20 – 20 об.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Там же. ЛЛ. 20 – 21 об.

⁶ Там же. Оп. 18. Д. 270. ЛЛ. 29 – 29 об.

⁷ Там же. Оп. 17. Д. 199. ЛЛ. 167 – 171.

⁸ Газета-Копейка. 1914. 16 июля. С. 4.

⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 61. Ч. 2. Лит. А. Т. 3. Л. 98; РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 668. ЛЛ. 266 – 269; ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 199. ЛЛ. 40 – 40 об.

¹⁰ Речь. 1914. 16 июля. С. 3.

сле объявления войны свидетельствуют рапорты полицейских чинов. Так, по словам полицмейстера 2-го отделения Г.Н. Григорьева «все резко изменилось и та же толпа, которая накануне ходила с красными флагами и кричала «Долой Самодержавие! – шла с Царскими портретами и пела «Боже Царя храни» и устраивала овации не только воинским, но и полицейским чинам, в которых она накануне бросала камни»¹.

Действительно, на фоне патриотического подъема в начале Первой мировой войны острота социальных противоречий в обществе снизилась. Аресты, мобилизация на фронт привели к снижению числа забастовок и влияния левых партий. Численность левых партий заметно снизилась: так, к ноябрю 1914 г. количество членов партии большевиков сократилось в Петрограде с 5 тыс. до 100 – 120 человек². Антивоенные настроения не выходили за пределы тесного круга подпольных организаций и связанных с ними рабочих. Несмотря на то, что на Выборгской стороне представители левых партий сохранили свое влияние³, в большей мере это касалось предприятий 2-го участка Выборгской части, где полицией уже в ноябре 1914 г. обнаруживались прокламации от имени Петербургского комитета РСДРП(б), призывавшие рабочих выйти на митинги протеста по поводу ареста пяти депутатов социал-демократической фракции Государственной думы в связи с их участием в конференции большевиков в Озерках 2 – 4 ноября 1914 г.⁴

В течение 1915 года в 1-м участке Выборгской части активно строились оборонные предприятия: были открыты трубочный завод Акционерного общества «Промет», завод Товарищества обработки волокна «Величко и Ко», пулелитейная мастерская завода «Феникс», мастерская по изготовлению ручных гранат при граммофонной фабрике⁵.

В 1915 году в 1-м участке Выборгской части проживало 50419 человек, в т.ч. 11071 ребенка моложе 15 лет, составлявших 22% от общего числа жителей. По уровню смертности участок находился на 38-м месте среди

---

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 270. Л. 32.

² Соболев Г.Л. Пролетарский авангард в 1917 году: Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993. С. 23.

³ Выборгская сторона. Из истории борьбы рабочего класса за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник статей и воспоминаний. Л., 1957. С. 14 – 15; Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 г. – июнь 1918 г.). М., 2015. С. 70 – 74.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 341. ЛЛ. 175 – 176.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 406. Л. 14.

всех районов города (27,5 на 1000 чел.), а уровень заболеваемости составлял 208,1 чел. на 10000 чел. – 36-й показатель среди всех участков¹.

Рост числа оборонных предприятий и увеличение числа рабочих спровоцировало острейший жилищный кризис. В течение года население будоражили слухи о полном прекращении подвоза муки, мяса и круп, о необходимости удержания разменной монеты². Все эти меры составляли обычные будни полиции участка, в которые также входила регистрация беженцев и содействие им в поступлении на местные заводы.

Из пояснительной записки пристава полковника К.И. Шелькинга следует, что тяжелые условия жизни вызывали забастовки экономического характера³. 10 июля 1915 г. бастовало 50 рабочих трубочного завода Акционерного общества «Промет» (Тихвинская ул., 13), требуя оплаты работы в день забастовки 2 июля того же года⁴.

В августе 1915 г. по участку прокатились волнения в связи с «разменным кризисом» и отсутствием у населения серебряной монеты. Вопрос был решен при содействии пристава К.И. Шелькинга 19 августа 1915 г., когда непосредственно в здании полицейского участка счетчиками Государственного банка был организован обмен мелкой монеты для местных обывателей⁵.

Волнения населения в связи с «разменным кризисом» совпали с однодневной политической забастовкой 18 августа 1915 г., в которой со стороны 1-го участка Выборгской части участвовало 907 рабочих трубочного и механического заводов акционерного общества «Промет», и 1400 рабочих машиностроительного завода «Феникс» (Полюстровская наб., д. 2). Волнения были вызваны в связи с расстрелом рабочих мануфактуры Коншиных в Костроме 5 июня 1915 г., так, что на предприятиях столицы в период 17 – 19 августа 1915 г. бастовало 19 заводов и около 17 тыс. человек⁶.

При этом к забастовке не присоединились рабочие Петроградского металлического завода, находившиеся на оборонческих позициях. Как следует из сообщения управляющего Компанией И.П. Панкова на общем собрании механической группы Общества заводчиков и фабрикантов 19 августа 1915 г. под председательством Э.Л. Нобеля, рабочие предприятия «выбрали особую комиссию, которую они назвали верховной; назначение этой комиссии – руководить всеми рабочими с тем, чтобы не допускать за-

¹ Краткий свод статистических данных по гор. Петрограду за 1915 год. Пг., 1915. Общий свод данных за 1915 год. С. IV, VI; Таблицы. С. 2, 11.

² ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 406. ЛЛ. 11 – 13.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Оп. 17. Д. 213. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 25.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1058. ЛЛ. 43 – 46.

бастовок, никаких выходов, противодействовать сокращению мелкой монеты и всеми мерами содействовать довести войну до конца». По свидетельству И.Л. Панкова рабочие сообщили о своем постановлении через депутацию члену Государственной думы А.Ф. Керенскому, который поддержал это начинание. Комиссия рабочих-оборонцев пыталась войти в контакт с рабочими других заводов, но встретила яростное сопротивление местных агитаторов¹. Вскоре ее деятельность угасла, поскольку в начале сентября 1915 г. по случаю закрытия Государственной думы 3 сентября 1915 г. бастовали уже все 7000 рабочих Петроградского металлического завода, к которым полностью присоединились машиностроительный завод «Феникс» (1000 человек) и табачная фабрика «Гаванера» на Безбородкинском пр., д. 10 (340 человек)². В сентябре – октябре 1915 г. бастовали рабочие Петроградского металлического завода и заводов Акционерного общества «Промет»³.

Наиболее серьезной стала забастовка 19 – 26 октября 1915 г. 1900 рабочих на машиностроительном заводе «Феникс», закончившаяся избиением и отстранением от должности по требованию рабочих мастера Драголюба Груича⁴. Действия администрации предприятия по расчету забастовщиков и отдаче 600 из них в солдаты вызвали ряд митингов и забастовок на крупнейших предприятиях столицы по призыву Петербургского комитета РСДРП к всеобщей политической стачке, «братанию и привлечению на свою сторону солдат и всего народа», а также экономическими лозунгами повышения заработной платы и 8-часового рабочего дня⁵. Уже 23 – 24 октября 1915 г. 600 забастовщиков были вновь приняты на работу, за исключением нескольких агитаторов, переданных в Петроградское охранное отделение⁶. Как видно, администрация предприятия частично была вынуждена пойти на уступки рабочим, и такой пример не был единичным. Как сообщал старшему фабричному инспектору Петроградской губернии М.М. Семенову и.д. фабричного инспектора 14-го участка Петроградской губернии М. Шарамков 1 октября 1915 г. накануне 600 забастовщиков трубного завода акционерного общества «Промет» добились от администрации восстановления 6 рабочих, ранее уволенных за участие в забастовках⁷.

---

¹ Там же. Ф. 150. Оп. 1. Д. 673. ЛЛ. 31 – 34.

² Там же. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1058. ЛЛ. 61 – 63.

³ ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 809. ЛЛ. 117 об. – 118; Ф. 569. Оп. 17. Д. 185. Л. 26.

⁴ Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 809. ЛЛ. 103 об. – 104.

⁵ Там же. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. ЛЛ. 159 – 159 об.

⁶ Там же. ЛЛ. 27 – 27 об.

⁷ Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 809. Л. 91.

Как видно, в течение 1915 г. рабочими участка выдвигались, преимущественно, требования экономического характера, не перераставшие в политические. Исключение составляли однодневная политическая забастовка 18 августа 1915 г., а также сходка 1200 рабочих трубочного завода Акционерного общества «Промет», попытавшихся 3 декабря 1915 г. пройти по Тихвинской и Симбирской ул. с пением революционных песен и разошедшихся по требованию наряда полиции¹.

Причинами усиления забастовочной активности являлось ухудшения материального положения рабочих в условиях Первой мировой войны и агитация левых партий. Рост оборонной промышленности и несколько волн мобилизации в условиях «великого отступления» 1915 г. привели к изменению социального состава рабочих. Из пояснительной записки старшего фабричного инспектора Петроградской губернии М.М. Семенова к сводному отчету в Министерство торговли и промышленности за 1915 г. отмечалось, что на промышленных предприятиях столицы, подчиненных надзору фабричной инспекции, число малолетних выросло с 2077 до 3029 человек, т.е. на 45,8%, число подростков – с 16534 до 21562, т.е. на 30%, женщин – с 56207 до 78544, т.е. на 39,7%. Активное использование женского труда было связано, по словам старшего фабричного инспектора Петроградской губернии М.М. Семенова, с предпочтениями заводоуправлений «как более дешевого по сравнению с мужским трудом, да к тому же женщины представляются более спокойным элементом и менее настойчивым при предъявлении тех или иных претензий»². Активное участие подростков и женщин-работниц в волнениях по случаю «разменного кризиса» и в дальнейших событиях, вплоть до Февральской революции, показали иллюзорность подобных представлений администрации предприятий. Куда ближе к истине была лаконичная формулировка К.И. Шелькинга, что на предприятия участка «ввиду спешности заказов набираются разные лица без разбора», что приводит к постоянным волнениям³.

1916 год начался на Выборгской стороне политическими забастовками в память годовщины «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г.⁴ Пристав 1-го участка Выборгской части сообщил 9 января 1916 г. петроградскому градоначальнику, князю А.Н. Оболенскому, что инициаторами забастовки стали 7068 рабочих Петроградского металлического завода, прошедшие по Тимофеевской ул. к Безбородкинскому пр. с пением революционных песен и тремя красными флагами. На Безбородкинском пр. к ним

---

¹ Там же. Оп. 17. Д. 213. ЛЛ. 28 – 28 об.

² РГИА. Ф. 23. Оп. 19. Д. 38. ЛЛ. 11 – 12.

³ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 28 об.; РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1059. Л. 91.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 931. Л. 2.

присоединилось 2007 рабочих машиностроительного завода «Феникс» и 3670 рабочих меднопрокатного и трубного завода, бывш. Розенкранц. Толпа рабочих предполагала соединиться с другими рабочими в районе Финляндского вокзала, но была разогнана нарядом полиции 5-й роты и 5-го отделения конной стражи, а также взводом жандармов. В тот же время полиция рассеяла толпу из 100 – 150 человек рабочей молодежи, которая стремилась к Финляндскому вокзалу¹. Волнения продолжались до 25 – 26 января 1916 г. и были прекращены под угрозой локаута со стороны владельцев предприятий².

Тем не менее, забастовки рабочих не имели такого размаха, как в соседнем, 2-м участке Выборгской части, который в докладе начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева министру внутренних дел А.Н. Хвостову характеризовался как район с «особой повышенной настроением»³.

В авангарде рабочего движения в 1-м участке Выборгской части шли рабочие Петроградского металлического завода, которые 4 февраля 1916 г. начали забастовку, предъявив требование о прибавке им 10 коп. в час. Заводоуправление отказалось и пригрозило увольнениями. На следующий день К.И. Шелькинг рапортовал петроградского градоначальнику, князю А.Н. Оболенскому, что рабочие отвергли предложение своих же выборных в Военно-промышленный комитет, объявивших собравшимся, «что теперь забастовка и вообще забастовки устраивать не время, и забастовку следует ликвидировать»⁴. Через несколько дней, 10 февраля 1916 г. на заводе была организована итальянская забастовка в качестве протеста против якобы поступившего в Государственному думу законопроекта о переводе всех рабочих на положение военнообязанных. Однако администрации удалось погасить конфликт, избежав столкновений и репрессивных мер⁵.

Аналогичные волнения рабочих Металлического завода и машиностроительного завода «Феникс» по экономическим причинам рабочих наблюдались в марте и мае 1916 г.⁶, в июне 1916 г. к ним присоединились рабочие трубного завода Акционерного общества «Промет» и фабрики Русского акционерного общества граммофонов⁷.

---

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. ЛЛ. 32 – 32 об.

² Там же. Л. 30.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 158. ЛЛ. 25 – 27.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. ЛЛ. 34 – 34 об.

⁵ Там же. ЛЛ. 35 – 35 об.

⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 61. Ч. 2. Лит. А. Т. 3. Л. 98; ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. ЛЛ. 36 – 36 об., 40 – 40 об.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. ЛЛ. 41 – 41 об.

Рабочие 1-го участка Выборгской части приняли участие в октябрьской стачке 1916 г. Уже 13 октября 1916 г. 2000 рабочих машиностроительного завода «Феникс» по Полюстровской наб. устроили во дворе собрание для обсуждения вопроса по поводу дороговизны жизни. После вмешательства администрации завода и чина фабрично-заводской полиции около 300 рабочих с песнями направились по Симбирской ул., но были рассеяны нарядом полиции¹. На следующий день, 14 октября 1916 г. по призыву районного комитета РСДРП(б) по Выборгской стороне прокатилась волна рабочих митингов, которые на предприятиях 2-го участка Выборгской части 17 – 18 октября 1916 г. переросли в братание рабочих с военнослужащими 181-го пехотного запасного полка, разогнавших полицейский наряд². Утром 19 октября 1916 г. забастовало 2200 человек машиностроительного завода «Феникс» и 260 человек электромеханического завода «Электромеханика», которые, оставив работу, разошлись по домам. Волнения протекали по инициативе рабочих 2-го участка Выборгской части, призывавших к забастовке. Так, в тот же день 19 октября 1916 г. около 5 часов дня на Боткинской ул. собралась толпа из 250 человек рабочей молодежи 2-го участка Выборгской части и направилась на Нижегородскую улицу, но была разогнана полуротой казаков, вызванных по приказу полицмейстера М.П. Шалфеева. Почти через час, в 5 ч. 50 минут оставили работу рабочие Металлического завода, часть из них пыталась пройти по Безбородкинскому пр. с пением революционных песен, но были разогнаны нарядом полиции³. Забастовка на Выборгской стороне продолжалась до 20 октября, когда была прекращена решением Петербургского комитета РСДРП(б)⁴.

В начале 1917 г. в память событий Кровавого воскресенья предприятия 1-го участка Выборгской части вновь участвовали в забастовках. Митинговали 3700 рабочих Акционерного общества механических и трубочных заводов «Промет», 3000 рабочих механического завода «Феникс», 2900 рабочих Петроградского арсенала, 350 рабочих сигаретной фабрики «Гаванера»⁵. К концу января 1917 г. в связи с обострением продовольственного кризиса на Выборгской стороне начались волнения на экономической почве, с целью предупреждения которых приказом петроградского градоначальника А.П. Балка с 28 января 1917 г. запрещалась выпечка сдо-

---

¹ Там же. ЛЛ. 43 – 43 об.

² Там же. ЛЛ. 131, 134.

³ Там же. ЛЛ. 42 – 42 об.

⁴ Там же. ЛЛ. 128, 135 – 136; Выборгская сторона. С. 15 – 17.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 126. Д. 62. Лит. А. ЛЛ. 58 – 59.

бы, куличей, булок, пирогов и тортов для увеличения выпечки булочниками белого хлеба¹.

К сожалению, реконструировать картину событий Февраля 1917 г. в 1-м участке Выборгской части довольно сложно, поскольку К.И. Шелькинг не был арестован и не оставил после себя признательных показаний, в отличие от своего коллеги, пристава 2-го участка Выборгской части П.Г. Зарембского². Известно лишь, что непосредственно наличные силы полиции 1-го участка Выборгской части в начале февраля 1917 г., как докладывал полицмейстер 5-го отделения М.П. Шалфеев петроградскому градоначальнику А.П. Балку, составляли 8 полицейских надзирателей и 48 городских, при наличии одной вакансии надзирателя и 21 вакансий городских. Требовалось добавить 1 полицейского надзирателя, учредить 6 суточных постов, а три существующих поста обратить в суточные³.

Можно лишь предположить, что К.И. Шелькинг с присущей ему энергией взялся за выполнение вышестоящих распоряжений, поступивших в связи с грядущим открытием пятой сессии IV Государственной думы 14 февраля 1917 г. и агитацией рабочих со стороны рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета во главе с К.А. Гвоздевым. 8 февраля 1917 г. вышло воззвание командующего войсками Петроградского военного округа, генерал-лейтенанта С.С. Хабалова «Рабочие Петрограда!», призывавшее к неучастию в митингах в связи с открытием сессии Государственной думы под страхом расправы⁴. В тот же день на совещании по вопросу о мерах к охранению порядка и спокойствия в столице в дни 10 – 14 февраля 1917 г. под председательством петроградского градоначальника А.П. Балка для усиления 5-го полицейского отделения, куда входил и 1-й участок Выборгской части, выделялись: сотня казаков, находившаяся в Михайловском артиллерийском училище, по взводу казаков, передававшихся в распоряжение приставов двух участков Выборгской части, и 50 нижних чинов от резерва полиции для установки заграждений на Б. Сампсониевском пр. В ведение М.П. Шалфеева поступали воинские разъезды, которые несли службу в районе 5-го отделения. Непосредственно на 14 февраля полицмейстеру 5-го отделения дополнительно передавались 1½ сотни казаков в Михайловском артиллерийском училище, сотня казаков в Новочеркасских казармах, полсотни казаков в управление 1-го участка Выборгской части. Отдельно на Александровском и Охтинском мостах и на переходах через Неву от Тихвинской ул. до Воскресен-

---

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 531. Л. 16.

² Там же. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 144.

³ Там же. Ф. 569. Оп. 10. Д. 265. Л. 201.

⁴ Там же. Оп. 17. Д. 199. Л. 347.

ской наб., от Тимофеевской ул. на Смольную наб., от Ириновского вокзала на Пальменбахскую ул., от Перевозной ул. на Малой Охте на Калашниковский пр. по правую сторону Невы должны были быть установлены усиленные полицейские посты, для содействия которым выделялись кавалерийские части¹. Для усиления наличного состава полиции Выборгской части каждому из двух участковых приставов передавалась половина 5-й роты столичной полиции². Подобные меры позволили удержать ситуацию под контролем, поскольку на территории 1-го участка Выборгской части 14 – 15 февраля 1917 г. бастовало 6500 рабочих Петроградского металлического завода, 3000 рабочих машиностроительного завода «Феникс», 3000 рабочих трубного завода акционерного общества «Промет»³.

23 февраля 1917 г. особых столкновений в районе участка не происходило, полиция себя довольно пассивно, при том, что уже на следующий день колонны демонстрантов прошли по Безбородкинскому пр. и Симбирской ул., на Тихвинской ул. к ним присоединились рабочие снаряжательного отдела Петроградского патронного завода и завода «Промет». Уже к вечеру 25 февраля 1917 г. большая часть Выборгской части оказалась в руках восставших⁴. Отсутствие среди арестованных чинов лично К.И. Шелькинга и его ближайших подчиненных позволяет предположить, что, он, в отличие от пристава 2-го участка Выборгской части П.Г. Зарембского⁵ не потерял управление и в течение 27 февраля 1917 г. дал команду чинам участка разойтись, а сам участок в тот же день был разгромлен восставшими.

16 апреля 1917 г. К.И. Шелькинг был официально уволен от должности участкового пристава⁶. Сами участковые управления были ликвидированы постановлением Временного правительства «Об устройстве милиции городов Петрограда, Москвы, Киева и Одессы» от 12 июля 1917 г. согласно постановлению Временного правительства «Об учреждении милиции» от 17 апреля 1917 г.⁷ Перебравшись с семьей на Новосильцевскую ул., д. 12 в Лесном участке, бывший пристав 27 июня 1917 г. подал рапорт на имя начальника штаба главнокомандующего Петроградским военным округом, полковника Ф.И. Балабина об увольнении от службы в чине генерал-майора с мундиром и пенсией и выделением пенсии из эмеритальной кас-

¹ ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. ЛЛ. 190 – 191.

² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 4. Д. 1. ЛЛ. 17–18.

³ ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 203; Выборгская сторона. С. 19 – 21.

⁴ Выборгская сторона. С. 22 – 25.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 144. Л. 26.

⁶ Там же. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1396. Л. 285.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. 1917. 3 мая. № 97. Ст. 537; Вестник Временного правительства. 1917. 13 июля.

сы Военного сухопутного ведомства. Таковая пенсия была ему назначена 19 сентября 1917 г.¹

Вскоре он умер, и вдова К.Ф. Шелькинг с дочерью Лидией перебрались на жительство в гостиницу «Регина» по наб. р. Мойки, д. 61. 12 октября 1917 г. жена покойного пристава подала прошение в Петроградскую дворянскую опеку от 12 октября 1917 г. об установлении опекуна над малолетней дочерью². 16 октября 1917 г. Дворянская опека приняла положительное решение, и вдова оставалась опекуной вплоть до 20 февраля 1919 г.³

Как видно, судьба К.И. Шелькинга в годы Первой мировой войны оказалась нетипичной, по крайней мере, для полицейских чинов окраин столицы, управление которыми с конца 1915 г. фактически перешло к органам правопорядка. Старый служака, ровесник своего непосредственного начальника, М.П. Шалфеева, при подавлении рабочих забастовок он вел себя довольно активно, не перекладывая ответственность на своих помощников.

При этом, предпринимаемые К.И. Шелькингом меры как по наведению порядка, так и по ликвидации острых моментов, таких как «разменный кризис», смогли лишь отсрочить на некоторое время нараставший социально-политический кризис. В отличие от П.Г. Зарембского, остро ощущавшего нарастание комплекса проблем, что весьма эмоционально отражалась в его рапортах петроградскому градоначальнику, К.И. Шелькинг предпочитал по старинке их игнорировать, а его рапорты весьма лаконичны и заканчиваются трафаретной фразой об отсутствии серьезных происшествий.

Думается, однако, что далеко не все чины полиции 1-го участка Выборгской части разделяли политические воззрения своего начальника. Среди полицейских накануне Февральской революции росла апатичность и аполитичность, набирали силу либеральные или даже радикальные настроения. За исключением отдельных оставшихся верными «старому режиму» чинов, таких как К.И. Шелькинг, значительная часть полицейских тяготилась своим положением, многие служители правопорядка были вынуждены трудиться за «кусочек хлеба» без социальных гарантий, явственно ощущая на себе негативное отношение общества⁴. Это позволяет лиш-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1396. Л. 285.

² Там же. Ф. 268. Оп. 1. Д. 13314. Л. 1.

³ Там же. Л. 4.

⁴ См. подробн.: Николаев А.Б. «Под красным флагом»: петроградская полиция в дни Февральской революции // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Сб. докл. СПб., 2012. С. 38 – 50; его же. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Фев-

ний раз уточнить тезис о том, что полиция являлась исключительно «темной, реакционной силой», верной существовавшему режиму¹. В итоге, аполитичность и пассивность, равно как и выявившаяся еще в ходе июльских событий 1914 г. неспособность полиции без содействия воинских частей подавить народные волнения, привели к быстрым успехам восставших на Выборгской стороне в дни Февральской революции. Аполитичность и пассивность чинов правопорядка, равно как и выявившаяся еще в ходе июльских событий 1914 г. неспособность полиции без содействия воинских частей подавить народные волнения, привели к быстрым успехам восставших на Выборгской стороне в дни Февральской революции, а отдельные «старые слуги режима», такие как К.И. Шелькинг и М.П. Шалфеев, оказались бессильны.

СКЛАДЫВАНИЕ ГРУППИРОВОК В ШТАБЕ КОМАНДУЮЩЕГО БАЛТИЙСКИМ ФЛОТОМ (МАЙ – ИЮЛЬ 1915 Г.)

БАЖАНОВ ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
русской истории (XIX – XXI вв.) института
истории и социальных наук РГПУ им.
А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: dbazhanov@herzen.spb.ru

Функционирование штаба Балтийского флота как органа управления флотом применительно к событиям Первой мировой войны оказывалось объектом исследования. Впервые внимание на него было обращено участниками событий при подготовке работ в рамках деятельности Морской исторической комиссии по исследованию и использованию опыта войны на море 1914 – 1918 гг.² Однако важной чертой большинства работ этого пе-

---

ральской революции // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. Boston; Leiden, 2012. Vol. 5. P. 1 – 32.

¹ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде / Отв. ред. А.Л. Фрайман. Л., 1967. Кн. 1. С.65, 77; Минц И.И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 472; Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России / Отв. ред. В.Я. Лаверычев. М., 1982. С. 164, 179. См. обзор отечественной историографии на данную тему: Николаев А.Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции. Р. 2 – 5.

² Ралль Ю. О плавающих штабах // *Морской сборник*. 1923. № 12. С. 36 – 40; Петров М.А. Два боя. Л., 1926. С. 31 – 38; Борьба флота против берега в мировую войну. В

риода было умаление роли собственно штаба в разработке и принятии решений и преувеличение роли личности командующего. Особенно ярко эта особенность проявлялась при рассмотрении начального этапа войны, связанного с командованием адмирала Н.О. Эссена. В послевоенной литературе советские историки практически исключили штаб из поля своего зрения¹. Современные военно-морские историки больше заняты обобщающими наблюдениями механизмов принятия стратегических решений на высшем уровне – Ставки верховного командования и ее Морского управления (штаба), Морского генерального штаба².

Примером обращения к работе штаба флота стали исследования, затрагивавшие проблему отношения командования флотом к политическому строю, к монархии и императору в первые дни революции 1917 г. О роли штабных офицеров в принятии решений специалисты упоминали при упоминании так называемой «группы Черкасского – Ренгартена». Она сыграла неформальную роль как при смене командующего Балтийским флотом в сентябре 1916 г.³

Однако причины, мотивы и обстоятельства складывания группировок, в том числе и упомянутой выше, остались вне поля зрения. Настоящая статья и претендует на рассмотрение этих событий.

Структура и деятельность штаба командующего флотом Балтийского моря к началу Первой мировой войны определялась «Положением о штабе» от 12 мая 1914 г.⁴ Руководил его работой начальник. Он должен был

---

4 тт. / Под ред. Б.Б. Жерве. Л., 1927 – 1928; Лемишевский П.В. Боевые действия на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2005.

¹ См. подробн.: Тарасов В.В. Борьба Балтийского флота против немцев в 1914 – 1918 гг. М., 1941; Флот в первой мировой войне / Под ред. Н.Б. Павловича. М., 1964. Т. 1. Действия русского флота.

² Козлов Д.Ю. «...Центр тяжести оперативной работы должен непременно лежать в Морском штабе Его Величества...» Военно-морское управление при Верховном главнокомандующем и Морской штаб Ставки в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.) // Военно-исторический журнал. 2005. № 12. С. 35 – 40; Козлов Д.Ю. Во главе действующего флота. Система управления морскими силами России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2013; Назаренко К.Б. «Мозг» флота России. От Цусимы до Первой мировой войны. СПб., 2006.

³ Дрезен А.К. Армия и флот в Февральской революции // Красная летопись. 1932. № 1 – 2. С. 22 – 68; Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966; Емелин А.Ю., Козюренко К.Л. К истории назначения вице-адмирала А.И. Непенина командующим Балтийским флотом (по письмам и дневникам) // Кортник. Флот. История. Люди. Вып. 1. СПб., 2003. С. 40 – 53; Смолин А.В. «Морской заговор» – факты и вымысел // Проблемы новейшей истории России. СПб., 2005. С. 99 – 125; его же. Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012.

⁴ Указатель правительственных распоряжений по Морскому ведомству за 1914 год. СПб., 1915. С. 549.

координировать работу его оперативной и распорядительной частей, возглавляемых флаг-капитанами. Офицеры оперативной части занимались разработкой планов действий, вопросами мобилизации флота, подготовки планов учений. Главной функцией распорядительной части были вопросы кадровые, т.е. связанные с пополнениями, назначениями и переводами офицерского и рядового личного состава Балтийского флота. Также в штаб входили отделы флагманских специалистов: артиллерийский, минный, штурманский, интендантский, санитарный, аудиторский, кораблестроительный, подводного плавания. По оценке С.Н. Тимирева, занимавшего в 1915 – 1916 гг. должность флаг-капитана по распорядительной части, «качественно Штаб был составлен прекрасно. Все флагманские чины были по справедливости лучшими представителями Действующего флота – каждый по своей специальности»¹.

В то же время не только принятие окончательных общих решений, но и разбор ряда более частных вопросов оставался на начальном этапе войны непосредственно в руках Н.О. Эссена. Можно согласиться с мнением Д.Ю. Козлова, что это стало следствием «функционального статуса» командующих, выразившегося в «совмещении ими задач управления оперативно-стратегическим объединением с одной стороны и функций непосредственного вождения флота (эскадры) в бою, то есть, по существу, деятельность в роли командира тактического звена»². Полагаем, что эта двойственность сохранялась из опыта прошлых войн, в том числе русско-японской.

Поэтому, несмотря на высокий уровень многих офицеров, такой подход затруднял работу штаба. С.Н. Тимирев охарактеризовал положение так: «работа штаба, составленного из выдающихся офицеров, проникнутых желанием выполнить максимум работы, шла бессистемно, нервно, несогласованно <...> офицеры, прежде всего перегруженные работой, часто вторгались в чужую область, от чего происходили споры и пререкания. Личная инициатива слишком преобладала, и объединение работы происходило лишь на почве личных отношений»³. В то же время контроль со стороны командующего, а также безусловный авторитет Эссена в офицерской среде препятствовали явной «борьбе честолюбий».

Скоропостижная и неожиданная смерть командующего флотом 7 мая 1915 г., неизбежно ставившая вопрос о преемнике, нарушила и хрупкое равновесие в штабе. Старший лейтенант И.И. Ренгартен, в то время второй

---

¹ Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 14.

² Козлов Д.Ю. Во главе действующего флота. Система управления морскими силами России накануне и в годы Первой мировой войны. С. 128.

³ Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. С. 14.

флагманский минный офицер штаба, отметил в дневнике в день похорон командующего: «На корабле масса разговоров: кто? Миллион предположений, называют возможных кандидатов, мелькают имена, от которых делается тошно <...> Вероятными казались – Кербер и Канин»¹. Таким образом, автор полагал, что выбор мог быть произведен между начальником штаба вице-адмиралом Л.Б. Кербером и начальником Минной обороны флота Балтийского моря вице-адмиралом В.А. Каниным.

О мотивах выбора императором последнего весьма информированный начальник военно-морского управления при главнокомандующем армиями Северного фронта капитана II ранга В.М. Альтфатер сообщал в частном письме капитану I ранга А.В. Колчаку, флаг-капитану по оперативной части штаба флота: «Я лично думаю, что в Ставке <...> решили сами[,] и при решении сыграла роль 1) фамилия и 2) старшинство»². Последний мотив, однако, не являлся значимым, т.к. к моменту смерти Н.О. Эссена старшим являлся именно Кербер. Лишь высочайшим приказом № 1416 от 14 мая 1915 г., которым Канин назначался командующим Балтийским флотом, он получил и старшинство. Что касается фамилии, то, возможно, речь шла о подозрении со стороны военного губернатора Кронштадта Р.Н. Вирена О.Б. Кербера, брата начальника штаба, в шпионаже в пользу Германии. На этом основании, ставшем, по утверждению исследователя Г.А. Копытова результатом интриги, в мае 1915 г. О.Б. Керберу было предложено покинуть Кронштадт³. Можно утверждать, что речь в этом случае шла о субъективных предпочтениях ответственных за назначение.

Предпочтение В.А. Канина вызвало недовольство части штабных офицеров, став основой для их дальнейшей консолидации. Речь идет о тех, кто служил под началом Л.Б. Кербера и тесно с ним сотрудничал осенью 1914 г. при разработке планов минных постановок на Балтике. Недовольство новым назначением выразил в дневнике И.И. Ренгартен⁴. Схожие чувства испытал капитан II ранга князь М.Б. Черкасский, помощник флаг-капитана по оперативной части. Он так охарактеризовал свой настрой в письме от 22 мая к своему другу и единомышленнику, давнему сослуживцу лейтенанту Ф.Ю. Довконтю, являвшемуся тогда офицером для делопроизводства и поручений при штабе Северо-Западного фронта: «Дорогой Федя, прости что не писал тебе ни слова, но должен сказать, что со смерти Адмирала, т.е. с 7-го мая и до сего дня находился в неустойчивом душевном равновесии. Сперва я был выбит из колеи величиной потери, потом

---

¹ РГАВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 156.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.

³ Копытов Г.А. Путь к забвению // История Петербурга. 2012. № 2 (66). С. 48.

⁴ РГАВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 157.

выбором Канина...»¹. Поэтому так называемую «группу Черкасского – Ренгартена» на данном этапе можно охарактеризовать как «группу Кербера».

Своим возможным оппонентом представитель этой группы князь М.Б. Черкасский видел своего формально непосредственного начальника, А.В. Колчака. У него были основания полагать, что Колчак не был заинтересован в продвижении Л.Б. Кербера по службе. Причиной разногласий был сам характер функционирования штаба флота при прежнем командующем. С.Н. Тимирев вспоминал: «Его (Л.Б. Кербера – Д.Б.) непосредственный сотрудник и помощник <...> А.В. Колчак <...> не признавал никакого начальника кроме Эссена, которому он всегда непосредственно докладывал. На этой почве у Колчака с Кербером всегда выходили конфликты, причем Эссен, уважавший и ценивший их, пожалуй, одинаково, совершенно неожиданно оказывался в роли примирителя обоих своих горячих и неуступчивых помощников»². Д.Ю. Козлов, указывая на особую роль «начоперов» как на Балтике, так и на Черном море, связанную с большой административной нагрузкой начальников штабов, выделял «ревнивое отношение» последних к попыткам взаимодействовать с командующими напрямую³.

Действительно, А.В. Колчак проявлял интерес к этому вопросу и имел свою позицию, о чем косвенно свидетельствует приводившееся выше письмо В.М. Альтфатера. Альтфатер с самого начала сообщал о своих предпочтениях: «Нового командующего я глубоко уважаю и твердо верю, что он справится с задачей». Далее он еще раз повторил свою мысль: «я лично вполне приветствую назначение Канина и считаю, что это решение правильное»⁴. Вряд ли он так явно высказался, если бы не знал точки зрения своего корреспондента.

Однако некоторые офицеры штаба Балтийского флота были убеждены, что роль А.В. Колчака в событиях, освещаемых в письме В.М. Альтфатера, гораздо более активная. В упоминавшемся письме князя М.Б. Черкасского от 22 мая есть характерная строка, что он «выбит из колеи» не только смертью Н.О. Эссена и выбором В.А. Канина, но и «торжеством АВК[,] съевшего Кербера и устроившего ему Минную оборону»⁵. Можно констатировать, что Черкасский и Ф.Ю. Довконт воспринимали

---

¹ Там же. Ф. 760. Оп. 1. Д. 14. Л. 38.

² Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. С. 14.

³ Козлов Д.Ю. Во главе действующего флота. Система управления морскими силами России накануне и в годы Первой мировой войны. С. 124.

⁴ РГАВМФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. ЛЛ. 2, 4.

⁵ Там же. Ф. 760. Оп. 1. Д. 14. Л. 38.

назначение командующим начальника Минной обороны как результат интриг А.В. Колчака.

В то же время можно сделать вывод, что Канин на посту командующего был для них не желателен и представлялся препятствием в дальнейшей работе в штабе. Это могло быть связано как со взглядами нового командующего на своих помощников, так и с предполагаемым ими продвижением Колчака. Сам Черкасский представил это так: «После всего этого я собираюсь уйти из штаба, так как я был здесь постольку, поскольку влиял на покойного. Теперь же все сведется к протискиванию бумаг и т.п.»¹. Автор предполагал в дальнейшем перейти вслед за Л.Б. Кербером в штаб Минной обороны флота Балтийского моря. Его место, в свою очередь, должен был занять флаг-офицер штаба начальника отряда заградителей старший лейтенант барон Н.А. Типольт. Завершался абзац фразой: «Какая вакханалия творится после смерти, описывать не буду, если свидимся – расскажу»².

Однако предполагаемая «чистка» штаба обошла эту группу стороной. Самому Довконту это вряд ли грозило, т.к. он был прикомандирован к штабу Север-Западного фронта. Что касается М.Б. Черкасского, оцененного современником как «в высшей степени образованный морской офицер <...> прекрасный кабинетный работник и добросовестный систематизатор», то адекватной ему замены В.А. Канин, по-видимому, не видел. Аналогичную важную роль для работы штаба играл И.И. Ренгартен, который «с осени 1914 г. играл ведущую роль в организации радиоразведки на театре, весьма преуспел в этом деле и завоевал заслуженную репутацию главного специалиста по германскому флоту»³. В письме Ф.Ю. Довконту от 29 июня М.Б. Черкасский сообщил: «Выяснил окончательно – остался на прежнем месте». Вице-адмирал Л.Б. Кербер, получил несколько более престижное назначение. 27 июня он занял должность начальника эскадры линейных кораблей, включавшей в себя обе бригады⁴. А.В. Колчак, повышения которого, по-видимому, опасались, также сохранил свою должность.

Представляется, что новый командующий сделал попытку сохранить баланс в штабе флота, в то же время пополнив его своими ставленниками. Первым из них можно считать командира линейного корабля «Гангут»

¹ Там же. Л. 38 об.

² Там же.

³ Козлов Д.Ю. Во главе действующего флота. Система управления морскими силами России накануне и в годы Первой мировой войны. С. 117. См. подробн.: Партала М.А. Разведывательные органы Балтийского флота в Первую мировую войну. Вопросы организации // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2007. № 8. С. 328 – 330.

⁴ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 25. Л. 322.

Н.М. Григорова, назначенного начальником штаба с производством в контр-адмиралы. Другим стал Н.А. Типольт, имевший, по мнению М.Б. Черкасского, влияние на В.А. Канина. Он получил должность старшего флаг-офицера оперативной части. Можно предположить, что переводимые командующим в состав штаба офицеры должны были по его замыслу стать его опорой.

Однако добиться этого В.А. Канину не удалось. Это можно объяснить весьма разными функциональными обязанностями начальника штаба и флаг-офицера, что создавало в их деятельности мало «точек пересечения». Кроме того, в отличие от «группы Черкасского – Ренгартена», Григоров и Типольт относились к разным поколениям и не имели опыта совместной службы. В конечном счете, складывания альтернативной группировки в штабе флота не произошло. Н.А. Типольт наладил контакты со своими новыми сослуживцами и стал выступать в некоторых вопросах проводником их идей. М.Б. Черкасский сообщал Ф.Ю. Довконту 20 июля: «Теперь я при помощи Типольта <...> начинаю проводить в жизнь план тактического обучения флота. <...> И твоя записка о боевом строе флота, и мои заметки о приказаниях для боя, пошли через Типольта в оборот». И далее прибавлял без ложной скромности: «Сакович, Ренгартен и Типольт работают много, и если прибавить еще меня, то, собственно говоря, мы, 4 младотурка – ведем оперативное отделение»¹. Показательно, что Черкасский кроме Типольта назвал еще и лейтенанта А.А. Саковича, ставшего в мае 1915 г. флаг-офицером оперативной части штаба и работавшего в тесной связи с И.И. Ренгартеном, систематизируя получаемые разведывательные данные. Это дает возможность предполагать, что «группа Черкасского – Ренгартена» расширилась.

Что касается Н.М. Григорова, то он летом стал раздражителем и для названных выше офицеров, и для А.В. Колчака. На первый план участники событий выдвигали субъективный фактор. Стиль работы последнего не устраивал многих в штабе. С.Н. Тимирев, например, вспоминал: «Прекрасный, образованный и с большим штабным опытом офицер, Григоров, к сожалению, обладал одним крупным недостатком – он был страшный “тугодум” <...> он не мог принять решения, не обдумав, не “обмозговав” всесторонне всех деталей <...> Особенно трудно было привыкнуть к Григорову после Эссена и Кербера»². М.Б. Черкасский в июльском письме аттестовал его еще более едко: «Григоров – “каменный гость” и медлителен, вечно спокоен, чрезмерно рассудителен (вовсе нет порывов) и потому тор-

---

¹ Там же. Ф. 760. Оп. 1. Д. 14. Л. 43.

² Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. С. 26.

мозит то, что можно было бы быстро провести в жизнь»¹. Полагаем, что был и объективный фактор. Благодаря фигуре Н.М. Григорова новый командующий оберегал себя от прежних «порывов» и «влияний» штаба, стараясь сохранить за собой право принятия решений. Штаб должен был более соответствовать своей основной задаче – разработке и систематизации данных для этого. Видимо, А.В. Колчак это тоже быстро осознал, становясь там нечастым гостем. М.Б. Черкасский прямо сообщал, что тот «не выносит “Кречета” (штабного корабля – Д.Б.) и потому старается улизнуть с него <...> вот уже около недели мы переписываемся с ним радио-“волной”, он в Моонзунде, а я в Ревеле и Гельсингфорсе. Почему со мной, а не с Григоровым, да потому, что оба друг на друга косятся»².

Ситуация осложнялась еще и тем обстоятельством, что сам В.А. Канин оказывался зависимой от Штаба верховного главнокомандующего фигурой. Добиться для Балтийского флота разрешения на более активные действия летом 1915 г. он не смог. Это было подтверждено совещанием под председательством великого князя Николая Николаевича в июле 1915 г. и директивой командующего Северным фронтом генерала от инфантерии Н.В. Рузского от 8 августа³. Нацеливание флота на оборону столицы от потенциального прорыва противника к Петрограду, тактика «бережения» крупных кораблей проявили себя при обороне Рижского залива в июле – августе 1915 г. Именно в этот период критическое отношение к новому командующему со стороны «группы Черкасского – Ренгартена» стало нарастать, что проявилось в личной переписке. Так стал формироваться образ флегматичного, пассивного командующего. Это мнение будет укрепляться и спустя год позиция этих офицеров сыграет некоторую роль в замене В.А. Канина на А.И. Непенина.

Таким образом, можно констатировать, что процесс формирования неформальных группировок в штабе Балтийского флота был связан с двумя взаимосвязанными обстоятельствами – смертью Н.О. Эссена и назначением на должность В.А. Канина. Благодаря первому из них штабные офицеры лишились высшего авторитета и арбитра в решении вопросов. Благодаря второму – появилась группа недовольных, считавших этот выбор необоснованным и видевшая преемником Эссена Л.Б. Кербера. Ее основой являлись офицеры оперативной части – князь М.Б. Черкасский, И.И. Ренгартен.

---

¹ РГАВМФ. Ф. 760. Оп. 1. Д. 14. Л. 43.

² Там же.

³ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 60. ЛЛ. 26 – 26 об. См. подробн.: Козлов Д.Ю. Нарушение морских коммуникаций: проблемы и пути их решения по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914 – 1917 гг.): Дис. ... д. ист. н. М., 2015. С. 265 – 267.

Их потенциальным соперником мог стать флаг-капитан по оперативной части штаба А.В. Колчак. Он интересовался ходом событий, имел основания ратовать за Канина, был связан доверительными отношениями с весьма информированным и влиятельным в Морском генеральном штабе В.М. Альтфатером. Однако назначение на должность начальника штаба Н.М. Григорова привело к некоторой изоляции Колчака. Влиять на нового командующего напрямую он не мог, а к конструктивному сотрудничеству со своими подчиненными по оперативной части, по-видимому, не стремился.

Наконец, третья группировка могла сложиться из ставленников В.А. Канина. Однако их положение, отсутствие хорошего личного знакомства, опыта совместной службы не позволяли стать полноценной опорой нового командующего. Скорее, представитель этой потенциальной группы барон Н.А. Типольт сблизился с группой оперативных офицеров, с которыми он работал над планом учений летом 1915 г. По-видимому, также в этот период к ней примкнул А.А. Сакович.

Важной объединявшей причиной относившихся к этой группировке, по-видимому, было отрицательное отношение штабных офицеров к весу и роли В.А. Канина в Ставке, к невозможности добиться от него того, что они считали «активностью флота». Стремление командующего и начальника штаба флота вести работу штаба более системно воспринимались как флегматичность и неготовность прислушиваться к инициативе, граничащие с безынициативностью. Постепенно через своих знакомых в МГШ, Морском штабе Ставки это мнение штабные офицеры распространяли все более широко, способствуя росту недоверия к В.А. Канину и, отчасти, приближая этим его отставку.

**ДЕЛО ГРОДНЕНСКОГО ГУБЕРНСКОГО ОБЫВАТЕЛЬСКОГО
КОМИТЕТА (ОСЕНЬ 1915 – ОСЕНЬ 1917 ГГ.)¹**

ЗЛАТИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: zlatinamariaal@herzen.spb.ru

Все более увеличивающееся в ходе Первой мировой войны в геометрической прогрессии количество пострадавших от боевых действий, в том числе беженцев и высленцев, привело к тому, что с не меньшей скоростью стали образовываться с целью оказания им помощи новые благотворительные общества. Некоторые из них открылись уже после того, как государство взяло на себя большую часть финансовой помощи, оказываемой означенным организациям в форме выдачи денежных средств через Особое совещание по делам беженцев. Но отнюдь не все подобные благотворительные учреждения действительно работали в пользу жертв войны, некоторые скорее работали на себя. Не всегда удавалось обнаружить подобных предприимчивых дельцов, но, если и вскрывались такие махинации, разбирательство их дел затягивалось, тем более, что нередко замешаны были и представители власти. Замечу, что фактов о доведении до наказания виновных в правонарушениях по делу нецелевого расходования средств так и не было выявлено, хотя планы совершить подобное имели место.

Исследователи, занимающиеся изучением истории благотворительности с точки зрения анализа деятельности различных филантропических обществ и государственных учреждений, оказывающих помощь нуждающимся², в основном, акцент делают на рассмотрении процесса создания и дальнейшего функционирования подобных организаций. Ими исследуются проблемы, с которыми такие учреждения сталкиваются при стремлении

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19 – 09 – 00128.

² См., напр.: Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 2014; Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы первой мировой войны. 1914 – 1917 гг.: Дис. ... к. ист. н. М., 2005.

реализовать благородную цель – содействовать жертвам войны¹. Вопросам нецелевого расходования средств и иным противоправным деяниям, которые вполне могли иметь место в работе благотворительных организаций, в историографии пока уделяют меньшее внимание, чем другим темам из данной проблематики.

Автор статьи уже несколько раз обращалась к исследованию подобных сюжетов. Были опубликованы статьи, в которых рассматривалось выявление правонарушений в работе государственных² и общественных³ организаций помощи жертвам войны. Теперь посмотрим, как обстояло дело с данной проблемой среди учреждений, в создании которых принимали участие как общественные деятели, так и представители местных властей.

В данном случае наглядным примером может послужить дело Гродненского губернского обывательского комитета. Устав общества был утвержден 12 сентября 1915 года⁴. Отметим, что к тому времени уже начало свою работу Особое совещание по устройству беженцев, созданное, согласно Положению об обеспечении нужд беженцев от 30 августа 1915 года, в том числе, чтобы организовывать и регулировать выдачу из казны государственных средств подобным учреждениям помощи жертвам войны. Свое первое заседание Особое совещание провело 10 сентября 1915 года, на нем же было принято решение об образовании при Совещании Комиссии по распределению кредитов⁵ для рассмотрения вопросов об утверждении или отклонении ходатайств об ассигновании денег на нужды беженцев, затем принятое решение должны были утвердить на общих собраниях Особого совещания.

Вернемся к Гродненскому губернскому обывательскому комитету. Согласно ст. 5 его Устава, в задачи Комитета входило: собирание сведений о нуждах населения и о лицах, лишенных крова, средств к жизни, нужда-

---

¹ См., напр.: Грицаева А.Н. Благотворительность в России в годы первой мировой войны (1914 - февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: Дис. ... к. ист. н. М., 2008; Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914 – 1922 гг.). Екатеринбург; Челябинск, 2021; Gatrell P. A whole empire walking: Refugees in Russia during World war I. Bloomington; Indianapolis, 1999.

² Златина М.А. «Северопомощь» и «Дело о лошадях». Темная сторона организации помощи жертвам войны. // Петербургские военно-исторические чтения. СПб., 2021. С. 103 – 110.

³ Златина М.А. Дело «Родины»: благотворительные организации помощи жертвам войны и проблема контроля за расходованием выделенных им средств (осень – зима 1915 г.) // Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории. Сборник научных и учебно-методических трудов. СПб., 2021. С. 166 – 174.

⁴ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 2. Л. 625 об.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 5.

ющихся в труде и помощи; оказание нуждающимся, в то числе семьям призванных на войну, помощи посредством организации работ, доставлением средств к жизни, санитарных мероприятий, устройства дешевых столовых, чайных, приютов, госпиталей; организация при эвакуации общих установлений, санитарной помощи. Организация попечения над больными и ранеными. Собираение и распределение пожертвований и добровольных складок деньгами и натурой, испрошение у правительства материальной помощи¹.

В состав правления Комитета вошли: председатель – граф Ч.В. Красицкий, члены – кн. Л.В. Лыщинский-Троекуров, кн. К.С. Святополк-Четвертинский (казначей), П.Д. Тарасович (секретарь)². Заявлялось, что членами Комитета были депутаты Государственной думы от Гродненской губернии (Ф.И. Лошкейт (беспартийный)³, А.А. Ознобишин (националист)⁴, П.Д. Песляк (прогрессивный националист)⁵, В.Ф. Сидорук (балашевец)⁶, Т.Я. Тарасевич (прогрессивный националист)⁷)⁸.

26 марта 1916 года вышеупомянутый Гродненский губернский обывательский комитет на очередном заседании Комиссии по распределению кредитов, отпускаемых на нужды беженцев, действовавшей при Особом совещании по устройству беженцев, подал на утверждение смету на март 1916 г. на сумму 291.590 рублей⁹. Затем, после личных переговоров председателя правления Комитета гр. Ч.В. Красицкого с управляющим делами Особого совещания А.Н. Неверовым, запрашиваемая сумма была уменьшена до 67.156 руб.¹⁰

Однако при рассмотрении Комиссией по распределению кредитов сметы вскрылось, что русские члены названного комитета, в том числе члены Государственной думы, не только недовольны работой оною, но открыто заявляют о нарушениях устава членами Правления комитета, нецелевом расходовании средств и вообще неправильном ведении дел. Как представитель этой недовольной группы Ф.И. Лошкейт заявил, что от своего имени и от имени членов Государственной думы по той же Гроднен-

---

¹ Там же. Д. 2. ЛЛ. 625 об. – 626.

² Там же. Л. 626.

³ Николаев А.Б. Лошкейт Федор Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 333.

⁴ Николаев А.Б. Ознобишин Алексей Александрович // Там же. С. 425.

⁵ Николаев А.Б. Песляк Павел Демьянович // Там же. С. 454.

⁶ Николаев А.Б. Сидорук Василий Филиппович // Там же. С. 558.

⁷ Николаев А.Б. Тарасевич Тимофей Яковлевич // Там же. С. 605.

⁸ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 426, 627.

⁹ Там же. ЛЛ. 426 об., 623 об., 626.

¹⁰ Там же. ЛЛ. 426 об., 626 об.

ской губернии, он просит Кредитную комиссию не ассигновать ничего по данной смете Гродненскому комитету, пока она не ознакомится с деятельностью последнего¹.

Комиссия по распределению кредитов приняла решение образовать специальную Подкомиссию для подробного изучения обстоятельств дела. В состав Подкомиссии вошли: члены Государственного совета В.И. Карпачев (правая группа)², депутаты Государственной думы Я.С. Гарусевич, Н.Д. Крупенский (фракция Центра)³, представитель Министерства финансов И.К. Христофоров и представитель от Отдела по устройству беженцев при МВД И.Ф. Цызырев⁴.

29 марта 1916 г. состоялось первое заседание Подкомиссии в означенном составе, на нем И.Ф. Цызырев ознакомил присутствующих с положением дел в Гродненском обывательском комитете согласно данным, имеющимся в Отделе по устройству беженцев при МВД. Было еще раз озвучено, что по смете, поданной Комитетом на март 1916 г., организация запрашивала сумму в 313.590 руб. За исключением из этой суммы 22 тыс. руб., получаемых ежемесячно от Татьянинского комитета, выходило, что на март просили 291.590 руб.⁵

И, согласно заявленной смете, из этой суммы расходы на администрацию Комитета составляли 140.490 руб. при 150.100 руб. на предполагаемую помощь беженцам. Причем из административных расходов своей преувеличенностью обращали на себя внимание следующие пункты. Например, жалование и суточные 14 уполномоченных по 350 руб., итого – 4900 руб.; жалование и суточные 12 старшим инструкторам по 200 руб. – 2400 руб. На разъезд уполномоченным и старшим инструкторам по 100 руб. на 26 лиц – 2600 руб. На их же обмундирование – 1600 руб. По той же схеме рассчитывали расходы на 200 инструкторов и 500 проводников. На содержание 26 канцелярий выделялось по 200 руб. на каждую и т.д.⁶

При переговорах по данной смете гр. Ч.В. Красицкого с управляющим делами Особого совещания по устройству беженцев А.Н. Неверовым вышли на обсуждение размеров расхода Гродненским комитетом средств за предыдущий период (с сентября 1915 по февраль 1916 г.). Была названа

---

¹ Там же. ЛЛ. 426 об., 623 об.

² Карпачев Владимир Иванович // Государственный совет Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 112.

³ Николаев А.Б. Крупенский (Крупенский 2-й) Николай Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 300.

⁴ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 623 об. – 624.

⁵ Там же. Л. 626.

⁶ Там же.

сумма в 67.165 руб. Но и из нее на помощь беженцам приходилось всего 27.340 руб., а остальные 30.816 руб. были отданы на администрацию, де-лопроизводство и т.п. То есть расходы на администрацию равнялись, были даже чуть больше расходов на беженцев¹.

Затем было озвучено письмо главноуполномоченного по устройству беженцев в Сибири и Оренбургской губернии генерал-майора П.П. Мейера от 14 февраля 1916 г. о том, что в Челябинске появились три лица, именовавшие себя уполномоченными по устройству беженцев Гродненского обывательского комитета, одетые в военно-походную форму. Они заявляли, что их задача – регистрация всех беженцев Гродненской губернии и соединение их в группы для облегчения обратного движения на родину. При этом один из трех (якобы старший уполномоченный, дворянин Евгений Свионтецкий) и двое других (младшие уполномоченные, студенты Александр Циопа и Роман Тимофейчук) пояснили, что получают от этого комитета жалование, первый – 300 руб. в мес., два других – по 135 рублей. Это не считая оплаты разъездов, на которые Свионтецкому выдано 2 тыс. руб. Кроме того, они заявили администрации гостиницы, в которую заселились, что как уполномоченные подлежат освобождению от платы за номера. П.П. Мейер, ввиду того, что все беженцы в указанном районе уже были зарегистрированы и новая регистрация за казенный счет, тем более такая дорогая, не нужна, подчеркнув, что перемещение уже осевших беженцев по усмотрению многочисленных организаций не допустимо, предложил этим уполномоченным прекратить свою деятельность в его районе и уехать из него².

При дальнейшем освещении деятельности Гродненского обывательского комитета Н.Д. Крупенский заявил, что, по дошедшим до него от членов Государственной думы сведениям, этот Комитет вообще неизвестно от кого получил свои полномочия, отступает в своей работе от устава и заботится, главным образом, о беженцах – поляках. Заседания Комитета и принимаемые им решения происходят без надлежащего осведомления всех членов, так что никто из заявленных в его составе членов Государственной думы от Гродненской губернии не считает возможным брать на себя ответственность за его действия³.

Ввиду открывшихся обстоятельств решено было провести еще одно заседание Подкомиссии, 31 марта 1916 г. На нем предстояло заслушать заявления депутатов Государственной думы от Гродненской губернии.

---

¹ Там же. Л. 626 об.

² Там же. ЛЛ. 626 об. – 627.

³ Там же. Л. 627.

На второе заседание пришли депутаты Государственной думы Ф.И. Лошкейт, А.А. Ознобишин, П.Д. Песляк, В.Ф. Сидорук и Т.Я. Тарасевич. Они подтвердили, что не все члены Думы были приглашены на первое организационное заседание Гродненского комитета в Петрограде, поэтому точных сведений о порядке его образования у них нет. Заседания комитета происходили нередко в тайне, без предварительного уведомления всех членов Комитета, даже если на них рассматриваются сметы и отчетности на крупные суммы. Никто из членов Государственной думы не мог в точности указать, в чем именно выражается деятельность Комитета в деле оказания помощи беженцам¹.

При этом, по имеющимся у думцев данным, беженцы Гродненской губернии даже не были осведомлены об открытии и местонахождении данного Комитета, а потому были лишены возможности обращаться в него за помощью. Приглашенные депутаты зачитали Подкомиссии письма от беженцев из Гродненской губернии, пришедшие на их имя, в которых вынужденные мигранты жаловались на свое бедственное положение – голод, холод и болезни – во время передвижения, при незнании, к кому обратиться за содействием². И это при заботе членов Гродненского комитета об обмундировании своих агентов. Выходило так, что скорее внимание в работе Комитета было обращено на организацию администрации с большим асигнованием на ее нужды, чем собственно на помощь самим беженцам.

Все вышеизложенное стало причиной выхода к марту 1916 года членов Государственной думы от Гродненской губернии из состава Гродненского обывательского комитета, в который они и изначально входили лишь формально.

В подтверждение сказанному депутатами И.Ф. Цызырев доложил Подкомиссии замечания по поводу предоставленного Отделу по устройству беженцев отчета о расходовании Гродненским комитетом средств за период с 1 октября 1915 по 1 февраля 1916 г. В этом отчете постатейно не указано, на что именно были потрачены выданные правительством авансы, кроме того, израсходованные средства к тому времени так и не были оправданы соответствующими документами. Количество затрат на администрацию с каждым месяцем возрастало, а размеры помощи беженцам оставались почти без изменений. На период с 1 октября по 1 февраля расходы на администрацию составили 29.328 руб., на беженцев же за весь тот же период пошло 27.190 руб. При этом на 1 октября 1915 г. организация состояла из 7 уполномоченных и 35 инструкторов, к концу же отчетного

---

¹ Там же. ЛЛ. 627 – 628.

² Там же. ЛЛ. 627 об.

периода – 1 февраля 1916 г. – их число увеличилось до 42 инструкторов, а по смете на март 1916 г. – их уже 80¹.

Ознакомившись со всеми изложенными данными, Подкомиссия пришла к выводу, что деятельность Гродненского обывательского комитета сводилась к производству своих организационных расходов, не соответствующих помощи, оказываемой беженцам. Поэтому Подкомиссией было принято решение: 1. Немедленно прекратить деятельность Гродненского обывательского комитета; 2. Назначить ревизию всех дел Комитета и произведенных им расходов; 3. Дело помощи беженцам Гродненской губернии передать другой соответствующей организации².

Однако, прежде чем окончательно принимать столь радикальную резолюцию, постановили для воссоздания всей полноты картины произошедшего выслушать и другую сторону. 1 апреля 1916 г. было проведено еще одно заседание Подкомиссии, на которое пригласили членов Правления Гродненского обывательского комитета. Пришли: председатель гр. Ч.В. Красицкий, члены – кн. Л.В. Лыщинский-Троекуров, кн. К.С. Святополк-Четвертинский (казначей), П.Д. Тарасович (секретарь).

Они заявили, что Комитет был открыт гродненским губернатором Вадимом Николаевичем Шебеко, в состав вошли все те лица, которые были на открытии первого заседания, а остальные вслед кооптированы. Деятельность Комитета состояла в раздаче беженцам белья и одежды на сумму в 1.200.000 руб., полученных от «Северопомощи». Также было открыто одно убежище в Петрограде на деньги Татьянинского комитета. Кроме того, Комитет занимался регистрацией беженцев, организацией партий для посадки на поезда, отправив таким образом ок. 70 тыс. вынужденных мигрантов. Им было роздано до 80 тыс. руб., полученных, опять же, от Татьянинского комитета. Жалобы же крестьян были вызваны якобы тем, что беженцы не отличали их агентов от агентов Центрального польского комитета³.

Изложенные объяснения членов Правления комитета не изменили уже сложившееся мнение по поводу данного учреждения у членов Подкомиссии. Они вновь убедились в нецелесообразности его деятельности, сводившейся к организационным планам и связанным с ними расходам, не имеющим никакого отношения к помощи беженцам. В лучшем случае агенты брали на себя обязанности тех организаций, которые выдавали им деньги и одежду, белье для раздачи беженцам. Ничего из заявленного в уставе Комитета к тому моменту так и не было реализовано. Поэтому вме-

---

¹ Там же. ЛЛ. 628 – 628 об.

² Там же. Л. 629.

³ Там же. ЛЛ. 629 – 629 об.

сто запрашиваемого на март аванса в размере 291.590 руб., затем уменьшенного до 67.165 руб., Подкомиссия постановила утвердить принятое на предыдущем заседании от 31 марта 1916 г. заключение о прекращении деятельности Гродненского обывательского комитета¹.

Принятая резолюция была озвучена на заседании Комиссии по распределению кредитов 2 апреля 1916 г. Однако в ходе обсуждения постановления Подкомиссии польские общественные деятели – депутат Государственной думы Я.С. Гарусевич (Польское коло)² и представитель польской общественной благотворительной организации В.Ф. Грабский – уточнили, что решение о закрытии Гродненского обывательского комитета подлежит разрешению министра внутренних дел, а никак не Кредитной комиссии при Особом совещании по устройству беженцев. Единственное, что можно сделать до завершения полномасштабной ревизии и принятия решения МВД, это прекратить выдачу средств Комитету и сообщить о том же Татьянинскому комитету и другим учреждениям, оказывавшим ему помощь. В такой формулировке и было принято постановление Комиссии по распределению кредитов. При особом мнении – немедленно закрыть данное учреждение – остался лишь член Государственной думы Н.Д. Крупенский³.

Однако, несмотря на вскрывшиеся факты нецелевого расходования средств и малой эффективности работы Гродненского обывательского комитета, МВД не спешило решать вопрос о дальнейшей судьбе данного учреждения, в свое время открытого гродненским губернатором В.Н. Шебеко, имевшего связи, как потом выяснилось, с местным отделением Татьянинского комитета и с местными общественными деятелями. Лишь девять месяцев спустя, в январе 1917 г. МВД создало Ликвидационную комиссию во главе с гродненским губернатором А.Н. Крейтоном, сменившем на этом посту В.Н. Шебеко в марте 1916 г. Именно новому губернатору было поручено провести процедуру упразднения и передачи дел Гродненского обывательского комитета в связи с обнаруженными злоупотреблениями и ненадлежащей деятельностью (точнее, ее отсутствием) со стороны означенного учреждения⁴.

Впрочем, и А.Н. Крейтон не спешил выполнить это поручение. Когда 26 мая 1917 г. на очередном заседании Особого совещания по устройству беженцев вновь вспомнили об этом Гродненском комитете, было доложе-

---

¹ Там же. ЛЛ. 629 – 630.

² Николаев А.Б., Постников Н.Д. Гарусевич Ян Семенович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 122.

³ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 630 – 630 об.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 731; Д. 9. Л. 56.

но, что Ликвидационная комиссия вместо того, чтобы завершить свою работу, 24 апреля 1917 г. предоставила в Особое совещание свои соображения о том, что ряд учреждений этого Комитета можно сохранить. Даже испрашивали кредиты на дальнейшее ведение дела, поддержание и продление его существования, вместо того, чтобы завершить ликвидацию. После дискуссии о том, что делать с Гродненским обывательским комитетом и кому при его окончательном упразднении передать дела, было принято решение ускорить окончание работы Ликвидационной комиссии, в случае необходимости сменив ее состав. А вопрос о дальнейшем назначении имущества и учреждений бывшего Гродненского обывательского комитета обсудить позднее¹.

На следующем заседании Особого совещания, 22 июня 1917 г. было доложено о том, как продвигалась работа Ликвидационной комиссии. Выяснилось, что состав сменили, новым главой назначили члена Совета министра внутренних дел В.А. Смирнова, который приступил 29 мая к исполнению поручения. Однако, когда комиссия 30 мая явилась в помещения этого бывшего Комитета, оказалось, что все дела и материалы вывезены в Гродненское отделение Татьянинского комитета. Почему это произошло, никто сначала не мог объяснить, ссылались на распоряжение Председателя Особого совещания В.П. Энгельгардта, хотя такого указания не было, о чем В.А. Смирнов был поставлен в известность. При следующем посещении Комиссией помещения Комитета 3 июня 1917 г. дела оказались уже на месте, но без описей и не сшитыми, в беспорядке, так что приступить к их приему было невозможно. Были вызваны специалисты от военного ведомства, чтобы привести дела в порядок. На это ушло девять дней, следующее заседание было назначено на 12 июня². Однако за несколько дней до него, 10 июня, бывший глава бывшего Гродненского обывательского комитета гр. Ч.В. Красицкий подал заявление на имя председателя Особого совещания, в котором заявлял, что он собирается возбуждать уголовное дело против В.А. Смирнова и Ф.И. Лошкейта по обвинению в клевете и потому просит отстранить их от участия в ликвидации учреждения. Тем более, что расформирование должно быть проведено, согласно ст. 13 Устава Комитета, самим гр. Ч.В. Красицким. А.Н. Крейтон же заявил, что он не может передать дела В.А. Смирнову, в виду просьбы Красицкого о приостановки передачи дел из-за возможного возбуждения уголовного дела³.

В ходе обсуждения на заседании Особого совещания вновь вскрывшихся обстоятельств дела прозвучали и заявления о том, что Крейтон

---

¹ Там же. Д. 9. ЛЛ. 56 – 57.

² Там же. ЛЛ. 61 – 62 об.

³ Там же. ЛЛ. 62 – 62 об., 64 – 64 об.

вполне закончил свою работу, и то, что Смирнов ничего не делал, и то, что дела ушли в Гродненское отделение Татьянинского комитета, потому что они и раньше сотрудничали с этим Обывательским комитетом. В ответ сообщалось, что даже приступить к делам не получалось, так как доступа нет, а в итоге еще и выяснилось, что часть документов неизвестно где и кому роздана. Выслушав все эти объяснения, Особое совещание постановило поручить Ликвидационной комиссии во главе со В.А. Смирновым закончить свою работу в кратчайшие сроки и предоставить итоговый доклад Особому совещанию. Имущество же бывшего Гродненского обывательского комитета передать населению Гродненской губернии¹.

Отчитаться о проделанной работе В.А. Смирнову удалось лишь на заседании Особого совещания 6 сентября 1917 г. На нем он сообщил, что Ликвидационная комиссия закончила свою деятельность, имущество, бывшее в распоряжении Гродненского комитета – убежище, 3 склада в Петрограде, Москве и Смоленске – было принято на баланс. Все это решено было передать Земскому союзу, чтобы он совместно с Союзом городов использовал полученное имущество в своих целях, а что останется, распределит между беднейшими беженцами из Гродненской губернии. Бюро труда, регистрации и справок были переданы в ведение Гродненского отделения Татьянинского комитета².

Таким образом, можно констатировать, что Особому совещанию по устройству беженцев периодически удавалось выявлять нарушения в работе как государственных, так и общественных и общественно-государственных организаций помощи жертвам войны. Основными методами обнаружения противоправных деяний, которые преимущественно касались вопросов нецелевого расходования средств и невыполнения обязательств, прописанных в уставах учреждений, были ревизии Отдела по устройству беженцев и информирование о подобных инцидентах со стороны общественных деятелей. Однако сложности заключались не только или не столько в раскрытии подобных нарушений, сколько в привлечении к ответственности за них, в проблеме организовать ликвидацию подобных «проштрафившихся» учреждений. В итоге дело при обнаруженных правонарушениях приходилось передавать в ведение МВД, там, тем более, если втянуты были представители власти или заинтересованные общественные деятели, процедуру рассмотрения затягивали, бумаги теряли. И хотя в результате нарушителей расформировывали, на это уходило слишком много времени, да и к реальной уголовной ответственности так никого и не привлекли.

---

¹ Там же. ЛЛ. 64 об. – 65.

² Там же. ЛЛ. 86 – 86 об.

«БЕЖЕНСКИЕ ВЫСТАВКИ» ТАТЬЯНИНСКОГО КОМИТЕТА.

ВАСИЛЬЕВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ,
магистрант II курса кафедры русской истории
(XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герце-
на; Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: invasiliev95@gmail.com

Научный руководитель:
Златина Мария Александровна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН
РГПУ им. А.И. Герцена; Санкт-Петербург,
Россия;
e-mail: zlatinamariaal@herzen.spb.ru

Как и всякий масштабный боевой конфликт, Первая мировая война породила множество социальных проблем, одной из которых стало массовое беженство. Российская империя остро столкнулась с этой проблемой вследствие ряда поражений как в первый год войны, так и в особенности в середине 1915 г., когда русская армия отступала на протяжении практически трех месяцев и потеряла значительные территории, такие как Царство Польское, Литва и проч.¹, что привело к бегству внутрь страны миллионов жителей западных регионов империи. Для решения беженского вопроса еще в сентябре 1914 г. был учрежден «Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий» (Татьянинский комитет), ставший ведущим органом в области оказания помощи беженцам. За годы войны Комитет провел ряд мероприятий по решению беженского вопроса, такие как снабжение беженцев питанием, одеждой и пособиями, организация обучения детей беженцев и помощь с трудоустройством, а также проведение всеобщей регистрации беженцев. Наряду с оказанием помощи беженцам Татьянинский комитет проводил также множество благотворительных мероприятий как с целью сбора средств на нужды беженцев, так и с целью распространения информации о проблеме беженства и о деятельности самого Комитета. В ряду таких мероприятий выделяются беженские выставки, т.е. выставки изделий, выполненных беженцами разных национальностей и возрастов. Целью данной статьи является определение роли бежен-

---

¹ Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 450.

ских выставок в благотворительной политике Комитета и выявление их значения для решения некоторых аспектов беженского вопроса.

Для начала необходимо сказать, что беженские выставки характерны для 1916 – 1917 гг., т.е. тех лет, когда поток беженцев прекратился, а сами беженцы адаптировались к новым местам жительства внутри России. Беженцы помещались в учреждения жилищной помощи (т.е. бараки, общежития, приюты и т.д.) Татьянинского или других комитетов¹. Мужчины выселялись из приютов после устройства на работу, а дети и ухаживающие за детьми матери продолжали в них жить. Соответственно, «беженские выставки» устраивались на базе различных учреждений как жилищной, так и учебной помощи, т.е. на базе приютов, общежитий, школ, мастерских и проч.

Применительно к выставкам Татьянинского комитета необходимо сказать следующее: беженские выставки устраивались в самых разных регионах, причем указаний из центра о проведении выставок не поступало, т.е. инициативы их проведения принадлежали местным отделениям Комитета. Так, одной из крупнейших беженских выставок Татьянинского комитета стала выставка в одном из его приютов в селе Жолино Нижегородской губернии, где были представлены изделия детей-беженцев – кожаная обувь, кружева, корзины проч.² Однако чаще всего Татьянинский комитет устраивал совместные выставки с другими беженскими организациями и учреждениями (чаще всего с национальными комитетами), тем самым демонстрируя свое близкое сотрудничество с данными учреждениями. Одна из таких выставок прошла в Одессе 16 февраля 1917 г. в помещении городской Думы³. Здесь выставка была разделена на русскую, польскую, еврейскую, русско-галицкую, литовскую и латышскую секции⁴. На выставке были представлены различные предметы (такие как конские щетки, туфли, чулки и проч.), выполненные разными мастерскими по заказу военного ведомства⁵. Помимо этого, в одном из выставочных залов были установлены

---

¹ См. подробн. о пребывании беженцев в приютах Татьянинского комитета: Васильев И.Н. Повседневная жизнь беженцев в приютах благотворительных организаций (на примере учреждений Татьянинского комитета Петроградской губернии осенью 1915 – зимой 1916 гг.) // Герценовские чтения 2019. Актуальные проблемы русской истории. Сб. научных и учебно-методических трудов. СПб., 2020. С. 166 – 171.

² [Б/а]. Хроника // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 18. С. 17 – 19.

³ [Б/а]. Хроника // Призрение и благотворительность в России. 1917. № 2 – 3. С. 207 – 236, 228.

⁴ [Б/а]. Беженские выставки // Известия Татьянинского комитета. 1917. № 19. С. 12 – 13.

⁵ Там же.

станки, за которыми работали дети, призреваемые в приютах Одесского отделения Татьянинского комитета, а также токарный станок, выполненный детьми еврейского училища «Труд» для нужд армии¹. В то же время, польский комитет представил картограммы о движении польских беженцев и образцы изделий своих мастерских². Подобная выставка прошла и в Саратове, где также приняли участие разные беженские организации, включая Татьянинский комитет. Так, Западно-Русское общество оказания помощи беженцам представило ткацкий станок, а различные польские организации представили рисунки, самодельные ткацкие изделия (в т.ч. gobелены и костюмы), игрушки, ремесленные станки и фотографии беженских школ³. Литовские организации при этом также представили различные ткацкие изделия высокого качества, а латышские и еврейские – разного вида обувь и костюмы⁴. Также на выставке демонстрировались различные материалы о деятельности Саратовского городского управления и Татьянинского комитета⁵.

Таким образом, беженские выставки как лично Татьянинского комитета, так и его совместные выставки с национальными организациями экспонировали как различные беженские изделия ремесленного и творческого характера, так и материалы о беженском движении и деятельности отдельных учреждений. Проведение беженских выставок прочно вошло в число публичных мероприятий Татьянинского комитета. Интересно отметить, что в прессе не разглашалось количество средств, собранных в результате выставок. Параллельно с региональными выставками центральное отделение Комитета, видя важнейший благотворительный и определенный пропагандистский потенциал выставок, приняло решение провести Всероссийскую беженскую выставку, которая бы соединила усилия Татьянинского комитета и других беженских организаций, для чего при Комитете был учрежден Особый комитет по устройству выставки, главой которого стал председатель Татьянинского комитета Алексей Борисович Нейдгардт⁶. Руководство Комитета сразу же отметило важнейшую смысловую составляющую выставки – доказательство того, что беженцы работают, а не просто получают паек, а также демонстрация масштаба деятельности Комитета⁷. Все средства, вырученные от проведения выставки, должны были пойти в

---

¹ Там же.

² [Б/а]. Беженские выставки // Известия Татьянинского комитета. 1917. № 19. С. 12 – 13.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ [Б/а]. Деятельность Комитета в 1916 г. // Известия Всероссийского комитета для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий. 1917. № 21. С. 13.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 261. Оп. 1. Д. 4. Л. 59.

пользу пострадавших от военных бедствий¹. 10 декабря 1916 г. отдел Особого комитета принял постановление, которое было разослано участникам выставки, т.е. отделениям Татьянинского и национальных комитетов, а также других беженских организаций, и содержало в себе требования составить четкую опись экспонатов и прислать их в Петроград не позднее 1 марта 1917 г.² Через некоторое время отдел сообщил о том, что выставка будет расширена: в нее решили включить также материалы, демонстрирующие действия российских властей и ужасы немецкой оккупации³. 20 января 1917 г. состоялось заседание Особого комитета под председательством А.Б. Нейдгардта, на котором было принято решение выделить для проведения выставки три комиссии⁴. Первой стала строительно-художественная комиссия под руководством архитектора Л.Н. Бенуа, второй – хозяйственно-распорядительная под руководством надворного советника и члена Комитета Н.Н. Фермора⁵ и третьей – статистическая во главе с В.И. Комарницким, который был помощником директора Центрального статистического комитета МВД и главой Отдела по регистрации Татьянинского комитета⁶. Выставку решили озаглавить «Россия и разоренные окраины», на ее проведение выделить смету в 350 тыс. руб., а саму выставку провести 16 апреля⁷. Была представлена и структура выставки. Она должна была состоять из четырех секций: первая – положение окраин до и после войны, вторая – скорбный путь беженцев, третья – условия жизни беженцев на новых местах и четвертая – восстановление жизни в очищенных от немцев областях и виды помощи беженцам⁸. Под помещение для выставки был выделен Дворец искусств (современный корпус Бенуа Государственного Русского музея), принадлежавший в то время Императорской Академии художеств⁹. Однако Февральская революция сильно изменила

---

¹ [Б/а]. Беженская выставка // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 15. С. 8.

² Там же. С. 7.

³ [Б/а]. Всероссийская беженская выставка // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 16. С. 6 – 7.

⁴ [Б/а]. Всероссийская беженская выставка // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 17. С. 4.

⁵ Справочная книжка. Учреждения и организации, оказывающие помощь беженцам. Пг., 1915. С. 8 – 11.

⁶ Отчет о деятельности Особого отдела Комитета великой княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. Пг., 1916. С. 6.

⁷ [Б/а]. Всероссийская беженская выставка // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 17. С. 6.

⁸ Там же.

⁹ [Б/а]. Деятельность Комитета в 1916 г. // Известия Всероссийского комитета для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий. 1917. № 21. С. 13.

планы руководства Комитета: после нее в Комитете произошли значительные изменения, а его дальнейшая деятельность должна была реализовываться, по словам руководства, на демократических началах. На 2-м съезде представителей местных отделений Комитета, прошедшем в апреле, было принято решение перенести выставку в виду уведомления командующего войсками Петроградского военного округа о нежелательности ее проведения в данный момент¹. После этого решения доставка экспонатов выставки в Петроград прекратилась, все участники были оповещены о ее отмене, а дату переноса выставки решили не выбирать. Что касается экспонатов, то некоторые из них были оставлены в Петрограде: был распущен штат канцелярии Комитета для освобождения места для хранения экспонатов, документация же и имущество выставки были оставлены на попечении созданной канцелярии из четырех человек². Однако некоторые экспонаты остались в регионах (в частности, в Псковском отделении Комитета из экспонатов организовали собственную выставку³). Вопрос о выставке должен был быть поднят на 3-м Всероссийском съезде представителей отделений Комитета, назначенным на 6 ноября. Однако он проведен не был⁴, вследствие чего выставка так и осталась перспективным, но не реализованным мероприятием Комитета.

В заключение необходимо подвести итоги. Беженские выставки заняли особое место в среде публичных благотворительных мероприятий Татьянинского комитета. Они устраивались не столько с целью сбора средств на нужды беженцев, сколько с целью демонстрации деятельности самого Комитета, привлечения внимания общественности к проблеме беженства и попытки примирить беженцев и принимающий их социум. Всероссийская беженская выставка должна была стать апогеем такой политики, однако нестабильная политическая ситуация в стране не позволила ее провести. Беженские выставки в очередной раз доказывают, что руководство Татьянинского комитета умело самыми разными способами заявлять о проблеме беженства и грамотно распространять сведения о своей деятельности, а также работать совместно с разными беженскими организациями для решения беженского вопроса. Кроме того, беженские выставки играли на руку и государству, поскольку в них подчеркивалось как единство народов империи перед врагом, так и сравнение условий вражеской оккупации и

---

¹ Там же.

² [Б/а]. Всероссийская беженская выставка // Известия Всероссийского комитета для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий. 1917. № 21. С.15 – 16.

³ [Б/а]. Хроника // Известия Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны. 1917. № 24. С. 13.

⁴ [Б/а]. Деятельность Комитета в 1916 г. // Известия Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны. 1917. № 26. С. 1.

действий российских властей, в которых последние предстают в выгодном свете. Неясным остается лишь вопрос о том, повлияли ли выставки на восприятие общественностью беженского вопроса.

ЭПИДЕМИИ В ТИХВИНСКОМ УЕЗДЕ В 1917 – 1920 ГГ.

БОНДАРЕВА ВЕРА ВИКТОРОВНА,

директор Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея; Ленинградская обл., Тихвин, Россия;

e-mail: tikhvinmuseum@yandex.ru

Социально-политические потрясения, связанные с революцией и Гражданской войной, привели к небывалому росту заболеваний среди населения. Многие люди не имели доступа к медицинской помощи и лекарствам. Миграция населения, отсутствие медицинских кадров, мобилизованных на фронт, несоблюдение санитарных норм способствовало распространению различных эпидемий. Уже во время Первой мировой войны состояние здоровья большей части населения Тихвинского уезда неуклонно снижалось из-за ослабленного питания, увеличения трудовой нагрузки, стрессов, холода в жилище. Эти факторы усиливались из-за слабо развитой больничной сети Тихвинского уезда.

Слабость медицинской сети Тихвинского уезда была обусловлена многими причинами. Здания городской больницы, построенные в середине XIX в., были уже старыми и ветхими¹. Плохое состояние больницы привело 26 января 1917 г. к пожару². В ходе проведенного расследования было выяснено, что «пожар произошел всецело от плохого содержания печей и дымовых труб»³. Врач земской больницы К.Л. Гусаковский объяснил, что «пожар произошел от усиленной топки во время сильных морозов, т.к. само помещение очень холодное и без отопления печей в морозы менее двух раз в день невозможно было в барак помещать больных, все печи в отделениях больницы плохие»⁴. Дело было передано в суд накануне Февральской революции, но не имело продолжения.

---

¹ Обзор Новгородской губернии за 1914 год. Новгород, 1915. С. 175.

² ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 2. Д. 168. Л. 1.

³ Там же. Д. 148. Л. 6 об.

⁴ Там же. Л. 7 об.

До 1914 г. в Тихвинском уезде ощущался недостаток медицинского персонала: на 120 тыс. жителей города и уезда работало всего 4 врача и 20 фельдшеров. Одной из главных проблем с началом войны стала мобилизация и без того малого числа медиков в действующую армию. Уже в 1915 г. в уезде не осталось ни одного врача, а только 16 фельдшеров¹.

Населению уезда остро не хватало медицинской помощи. Например, в 10 декабря 1916 г. на сходе крестьяне Саньковской волости постановили: «волость наша в отношении подачи медицинской помощи находится в исключительно худом отношении, в волости нет ни акушерки, ни фельдшера, а потому мы с общего согласия постановили: просить г. земского начальника Тихвинского уезда возбудить ходатайство о высылке в волость для службы акушерку»².

Оставшийся медицинский персонал испытывал огромные нагрузки и в годы войны работал на износ. В Российской империи ежегодного отпуска не существовало, получить отдых можно было заявлением в Земскую управу с обоснованием его необходимости. После Февральской революции фельдшеры массово стали подавать заявления об отпуске.

1917 год

В целом, после февраля 1917 г. началось разрушение отечественной системы медицинской помощи, что привело к неоправданным жертвам эпидемий «испанки», холеры, тифа, других инфекционных заболеваний³.

С весны 1917 г. острой проблемой стала организация перевозки медперсонала по территории уезда. В годы войны стоимость содержания почтовых станций выросла в разы, и сразу после Февраля владельцы станций стали бунтовать. В земство массово поступали требования увеличить содержание станций, многие отказывались содержать станции из-за недостатка средств. Содержателями почтовых станций были крестьяне, заключившие контракт на 1 год с Тихвинским земством. За имеющееся количество лошадей они получали установленную плату и обязались предоставлять лошадей для нужд земства, в том числе для развозки медперсонала. Фельдшер не платил содержателю станции, но отмечал в учетном документе дату и пункт своей поездки. Например, фельдшер земской больницы в д. Тервеничи Красноборской волости А. Захаров уточнял в Управе 7 июля 1917 г.: «прошу разъяснить как на карточках проставлять версты в одну сторону или в обе, если везет ямщик один в обе стороны»⁴. Крестьяне

¹ Обзор Новгородской губернии за 1915 год. Новгород, 1916. С. 158.

² ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 2. Д. 148. Л. 2.

³ Спасенников Б.А. «Испанка» в России (1918 – 1921) // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2021. № 3. С. 24.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 2. Д. 168. Л. 17.

уезда были вынуждены решать свои проблемы самостоятельно – легко больных везли в больницу, а к тяжело больным сами везли фельдшера.

Большой проблемой было обеспечение уезда медикаментами. Аптек в уезде не было¹. В 1914 г. в городе предприниматель и провизор Эльсон Исаак Мееров открыл два аптекарских участка, в которых работало 2 фармацевта². Абсолютное большинство крестьянского населения лечилось народными средствами, и лишь немногие могли приехать в город за лекарством. С 1918 г. началась национализация аптек³, но в Тихвинском уезде они не были национализированы до 1920 г.

В уездных фельдшерских пунктах медикаментов практически не было. Упомянутый фельдшер Захаров писал 7 июля 1917 г. в Управу: «покорнейше прошу уведомить что, получено ль для Тервеничской земской больницы перевязочный материал и медикаменты, в чем совершенно нуждается весь врачебный участок»⁴. 27 октября он же сообщал: «совершенно ничего не имею даже для первой помощи»⁵.

В таких условиях особенно опасными были заразные заболевания, которые регулярно посещали уезд еще до войны. В январе 1917 г. в уезде продолжались болезни, начавшиеся в 1916 г.: 65 случаев заболевания скарлатиной, а также 10 случаев заболевания брюшным тифом. Эпидемический фельдшер, нанятый специально для борьбы с эпидемиями, сообщал в Земскую управу, что больных он отправлял в Тихвинскую земскую больницу, а помещения лично дезинфицировал.

Врач земской больницы К.Л. Гусаковский в ведомости за июль 1917 г. сообщал о том, что в Тихвине на территории Фишевой Горы население охватила эпидемия дизентерии. При этом отмечалось 6 смертельных случаев на 30 заболевших⁶.

В период марта – октября 1917 г. здравоохранение стало представлять собой раздробленные учреждения без какого-либо единого, централизованного управления. Отдельно существовала земская медицина, отдельно – городская, отдельно – ведомственная⁷. Точная отчетность велась только в Тихвине. Не имея информации из Тихвинского уезда, губернские власти

---

¹ Обзор Новгородской губернии за 1914 год. С. 186.

² Там же.

³ Филина И.А. Развитие аптечной службы в первые годы после революции // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 3. С. 74.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 2. Д. 168. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 32.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ Спасенников Б.А. «Испанка» в России (1918 – 1921) // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2021. № 3. С. 24.

опасались, что в Тихвине также не знают об эпидемиях, которые возникают в волостях. Заместитель губернского комиссара Петров из Новгорода 11 августа прислал телеграмму в Тихвинскую больницу и в Земскую управу: «Сообщают [в] Кукуе появляется тиф предлагаю немедленно командировать врача принять меры»¹. Но в августе 1917 г. кроме тифа в д. Кукуй, многие другие деревни Васильковкой волости были охвачены другими «остро-заразными» заболеваниями. Так, дизентерией болело 107 чел., умерло 8 чел., воспалением ЖКТ болело 11 чел., также отмечались случаи цинги.

Новгородское губернское врачебное отделение неоднократно в 1917 г. запрашивало в Тихвинской уездной земской управе статистику: «нет ли новых заболеваний в уезде, какие приняты против распространения болезни меры, почему, кроме гор. Тихвина, не по одному из врачебных участков не поставляются полумесячные ведомости о заразных болезнях»². Но в ответ на это распоряжение реакции не последовало.

Власти большевиков предстояло искать выходы из сложившегося отчаянного положения: острая нехватка медицинского персонала и медикаментов, отсутствие больниц в уезде и устаревшая больница в городе, ослабленное голодное население, охваченное различными эпидемиями.

В декабре 1917 г. важное распоряжение о работе городской больницы отдала Земская управа: «Вследствие крайнего затруднения в заготовке самых необходимых предметов продовольствия (муки ржаной и белой, крупы и т.п.) Уездная управа принуждена временно сократить штат земской больницы в Тихвине низведя количество кроватей до 30 (ранее 50 – В.Б.), о чем и поставлен в известность врач больницы. Вследствие этого, во избежание напрасного привоза в больницу иной раз тяжелых больных людей, Уездная управа просит Волостную земскую управу оповестить население, что прием больных в земскую больницу ограничен, так что будут приниматься в больницу главным образом требующие оперативного пособия и с острым заболеванием, хронические же больные, хотя бы и тяжелые, будут приниматься только в крайнем случае, если будет свободное место»³.

20 октября 1918 г. губернский отдел народного здоровья провел 1-й губернский медицинский съезд, в котором приняли участие тихвинские медики. На съезде рассматривались вопросы организации уездных отделов народного здоровья: разработка сети лечебных заведений, открытие губернской психиатрической больницы, отношение к национализации аптек, ва-

---

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 2. Д. 168. Л. 20.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Д. 148. Л. 26.

кансии, санитарно-эпидемиологический надзор, судебная медицина, школьная гигиена¹.

Первая мировая война сменилась Гражданской войной, и медицинский персонал не возвращался из армии. Кроме того, оставшихся медиков периодически забирала новая мобилизация. Как отмечал в декабре 1919 г. заведующий отделом здравоохранения Тихвинского Совета Ковтунов: «Надежды на увеличение персонала нет никакой – его стало меньше по сравнению с прошлым годом; часть фельдшеров взяла общегосударственная мобилизация, а 4 сестры – июльская профессиональная мобилизация»². В Тихвинской больнице оставался минимум персонала.

Центром медицинской помощи в этот период становились военные госпитали для раненых и больных солдат и офицеров³. 2 декабря 1919 г. Тихвинский военный комиссариат объявил мобилизацию даже зубных врачей – мужчин до 50 лет и женщин до 40 лет включительно. При этом в армии оставалась нехватка медицинского персонала и тихвинский военный комиссариат, объявляя призыв медиков для борьбы с эпидемиями на всех фронтах, обращался к местным профсоюзам и организациям с просьбой направлять женщин на курсы красных сестер милосердия и красных санитарок⁴.

1918 год

В 1918 г. продолжилась эпидемия тифа, начавшаяся годом раньше. Заведующий отделом здравоохранения Тихвинского Совета Ковтунов сообщал: «Прошлогодня эпидемия была особенно тяжела для нас потому, что она сразу лишила нас значительной части медицинских работников. Большинство из них, и в первую очередь те, которые не бегали от опасности, пали пораженные сыпняком. В минувшую эпидемию в больнице переболело 17 человек, из них один врач и 1 фельдшер умерли. Таким образом, общая заболеваемость выразилась в цифре около 35 – 40%. В минувшем году эпидемия приняла такие размеры, что народная больница не вместила всех больных и наспех был оборудован заразный барак, который был загроможден хронической работой почти до конца июня»⁵.

---

¹ [Б/а]. 1-й губернский медицинский съезд // Известия Череповецкого Совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 3 октября.

² Ковтунов. Берегите медицинский персонал // Наш край. 1919. 3 декабря.

³ Спасенников Б.А. «Испанка» в России (1918 – 1921) // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2021. № 3. С. 25.

⁴ [Б/а]. Объявление // Наш край. 1919. 13 декабря.

⁵ Ковтунов. Берегите медицинский персонал // Наш край. 1919. 3 декабря.

Не было возможности набрать новых медиков для работы в заразном бараке, поэтому приходилось увеличить нагрузку на имеющийся персонал больницы.

Распространению эпидемий способствовала миграция населения. Голод гнал из деревни беднейших крестьян на поиски продовольствия, и наоборот – в уезд приезжали голодные горожане, в том числе из Петрограда. С лета 1918 г. в уезде неоднократно наблюдалось появление отдельных очагов сыпного тифа, оспы и другие заразных болезней.

С октября 1918 г. в Тихвинском уезде отмечались первые случаи заболевания «испанкой». Все школы и учебные заведения закрывались с 1 ноября до особого распоряжения. К этому времени уже имелись сведения о том, насколько страшна эта эпидемия и губернский отдел здравоохранения для предупреждения развития «испанской болезни» объявлял «Обязательные санитарные постановления». По этим постановлениям запрещались до окончания эпидемии «все публичные сборища»: цирки, кинематографы, театры, танцевальные и концертные вечера. Подготовка празднования годовщины Октябрьской революции с соблюдением необходимых мер предосторожности возлагалась на уездные, волостные и сельские исполкомы. Для борьбы с «испанкой» и прочими эпидемиями вводились особые санитарные комиссии: уездные, городские, волостные и сельские. Исполнение требований санитарных комиссий являлось строго обязательным для населения, нарушители карались по всем строгостям законов республики. Перевозка трупов умерших от «испанской болезни» не допускалась. Похороны умерших предписывалось производить срочно, не более чем через 24 часа после смерти, при похоронах не допускалось прощание с покойником и открытие гроба в церкви¹.

В декабре 1918 г. в Тихвинском уезде возникла эпидемия **оспы**. Через губернскую печать Тихвинская больница пыталась нанять пять фельдшеров для борьбы с оспой².

При отсутствии медикаментов с эпидемиями приходилось бороться при помощи профилактики: изоляции больных, дезинфекции помещений и просвещения населения, которое было крайне важным. Зачастую очаг заражения возникал и распространялся из-за неграмотности: целования покойника умершего от тифа. В уезде распространялись листки, брошюры, плакаты и экземпляры газет с подробным описанием что нужно делать при той или иной эпидемии.

---

¹ Обязательное постановление губернского отдела здравоохранения // Известия Череповецкого Совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 3 ноября.

² [Б/а]. Срочно требуются // Известия Череповецкого Совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 29 декабря.

1919 год

В 1919 г. нехватка лекарств оставалась такой же острой проблемой. 5 марта 1919 г. открылся губернский медицинский съезд, на котором делегаты из Тихвинского уезда обсуждали проблемы местной медицины: эпидемические заболевания, статистику, школьную санитарию, аптечное дело. Лекарственное снабжение было признано самым тяжелым. Было решено ограничить отпуск лекарств нормами: по каждому рецепту не более 6 порошков, 30 пилюль, 6 свечей, 6 глобуль и 20 капель. В случае крайней необходимости врачам давалось право увеличивать это количество и для этого в рецепте ставить около цифры восклицательный знак¹. Но и в декабре 1919 г. заведующий отделом здравоохранения Ковтунов отмечал «затрудненность лечения благодаря недостатку медикаментов и предметов медицинского снабжения»².

В докладе Череповецкого губисполкома 4-му губернскому съезду Советов 4 мая приведена статистика по заразным заболеваниям в губернии за период с января по апрель 1919 г.³ Всего по губернии прокатилось десять заразных болезней: дифтерит, скарлатина, корь, дизентерия, коклюш, сыпной тиф, возвратный и брюшной тиф, испанский грипп и оспа. Было зарегистрировано 12998 заболевших, из которых умерло 958 человек. Самая высокая смертность наблюдалась от эпидемий сыпного тифа (20,4% от общего числа умерших) и оспы (9,8% умерших), а «испанский грипп» оказался самой распространенной болезнью (48% от общего числа заболевших).

В мае 1919 г. для предотвращения распространения эпидемии отдел здравоохранения Тихвина просил отдел народного образования прекратить всякие зрелища и собрания посторонних лиц в помещениях школ⁴.

Эпидемическая ситуация была устрашающей: «В Череповецкой губернии заразные болезни почти все время года не переводятся. В октябре 1918 г. во многих деревнях свирепствовала заразная болезнь под названием испанка; не успела стихнуть эта форма эпидемии, как началась эпидемия сыпного тифа, скарлатины и др. болезней; в настоящее время свирепствует эпидемия кровавого поноса. От эпидемии ежегодно умирает огромное количество людей, да и те, которые выживают часто остаются инвалидами (калеками) на всю жизнь или теряют ту работоспособность, какой обладали до болезни»⁵. Кроме этого, в июне 1919 г. губернский отдел

¹ [Б/а]. 1 Губернский медицинский съезд // Коммунист. 1919. 29 апреля.

² Ковтунов. Берегите медицинский персонал // Наш край. 1919. 3 декабря.

³ Краткий доклад Череповецкого Губисполкома // Коммунист. 1919. 15 мая.

⁴ Гор. Тихвин // Коммунист. 1919. 28 мая.

⁵ Инструкция для санитарных комиссий при волостных исполкомах Череповецкой губернии // Коммунист. 1919. 12 августа.

здравоохранения предупреждал, что в соседней Петроградской губернии наблюдаются эпидемии холеры и брюшного тифа, которые легко могут быть занесены в Череповецкую губернию¹.

В связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией при каждом волостном исполкоме были срочно организованы санитарные комиссии по борьбе с заразными заболеваниями. В состав комиссий входили: врач или фельдшер при наличии (врачей не было, фельдшера были почти во всех волостях Тихвинского уезда), учительский персонал, представитель исполкома и представитель от населения. Комиссии были обязаны следить за тем, чтобы жители уезда аккуратно выполняли инструкции по борьбе с заразными заболеваниями и все санитарные меры, указанные в присылаемых листках. Кроме того, члены комиссии были обязаны следить за чистотой источников водоснабжения: колодцев, речек, прудов, откуда население берет питьевую воду и где стирает белье². В обязанность комиссий входило просвещение населения.

В декабре 1919 г. в Тихвинском уезде наблюдалось пятнадцать заразных заболеваний: грипп, сыпной тиф, брюшной и возвратный тиф, дизентерия, оспа, дифтерия, скарлатина, рожа, цинга, коклюш, корь, ветряная оспа, испанка и малярия. К началу декабря насчитывалось 765 заболевших, в течение декабря к ним прибавилось еще 1623 заболевших. В течение месяца выздоровело 834 человека и умерло 37 человек. В структуре болезней самыми заразными были грипп (1241), испанка (357) и сыпной тиф (241). Самыми смертоносными оказались грипп (415) и сыпной тиф (139)³.

1920 год

В 1920 г. эпидемии продолжились с той же силой. 31 декабря 1919 г. на заседании пленума губисполкома было постановлено объявить Череповецкую губернию «неблагоприятной по сыпному тифу и другим эпидемиям». В губернии учреждались чрезвычайные санитарные комиссии по борьбе с эпидемическими заболеваниями. Среди мер по предотвращению роста заболеваемости было предложено отменить рукопожатия. В Реввоенсовет республики было направлено предложение «о совершенном воспрещении отпусков тов. красноармейцев в Череповецкую губернию». В Народный комиссариат продовольствия было направлено ходатайство «о срочной даче наряда на мыло». Кроме этого, губсовнархоз планировал ор-

---

¹ Инструкция по мерам личной и общественной предосторожности против распространения эпидемических болезней в Череповецкой губернии // Коммунист. 1919. 22 июня.

² Инструкция для санитарных комиссий при волостных исполкомах Череповецкой губернии // Коммунист. 1919. 12 августа.

³ Ведомость о ходе заразных заболеваний в гор. Тихвине и уезде за декабрь 1919 г. // Приложение к газете «Наш Край». 1920. 4 февраля.

ганизацию местных мыловаренных заводов для выделки мыла кустарным способом¹.

С конца 1919 – начала 1920 гг. для просвещения населения широко использовались лозунги. Емкие и образные формулировки печатались в газетах, писались на листовках и вывешивались в городе и деревнях: «Деникин укусил и был раздавлен. Вошь нужно раздавить раньше укуса – пока она не заразила тифом», «Убить вошь – это то же самое, что убить Деникина. Одних белогвардейцев разбили – уничтожим и других. Смерть вшам – носителям заразы!», «Не позволим вши победить революцию»².

Все вышеуказанные усилия местных властей не могли остановить непрекращающуюся череду эпидемий. Создаваемые волостные санитарные комиссии и санитарные чрезвычайные комиссии не имели достаточных ресурсов. Поэтому в январе 1920 г. дело борьбы с эпидемиями было передано в руки военных властей. В связи с этим губернский отдел здравоохранения сразу же ходатайствовал перед начальником санитарной части армии об откомандировании в губернию достаточного количества врачей, фельдшеров, сестер-милосердия и санитаров-дезинфекторов в целях более успешной борьбы с эпидемиями³.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ УЧАСТНИКОВ КАРАТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКА НА МОСКОВСКО-КАЗАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ В 1917 Г.

МАКАРОВ КОНСТАНТИН ОЛЕГОВИЧ, магистр социально-экономического образования, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: brunn-spb@mail.ru

В ходе Февральской революции и после ее победы сторонниками нового строя проводились массовые аресты сановников, военных, полицейских и секретных сотрудников охранных отделений и жандармских управлений. Не избежали этой участи и офицеры, участвовавшие в подавлении Декабрьского восстания 1905 г. в Москве и в карательной экспедиции лейб-гвардии Семеновского полка на Московско-Казанской железной дороге, расстрелях без суда местных жителей и революционных дружинни-

¹ [Б/а]. Борьба с эпидемиями // Коммунист. 1920. 3 января.

² См., напр.: Коммунист. 1919. 24, 30 декабря.

³ Резолюция по отделу Здравоохранения // Коммунист. 1920. 22 января.

ков. На данный момент нами установлено два случая, когда бывшие участники экспедиции попали в поле зрения революционной юстиции в 1917 г. При этом в первом из них арестованным оказался непосредственный руководитель отряда, подавившего восстание на Московско-Казанской железной дороге в декабре 1905 г., Николай Карлович Риман.

Факт ареста генерал-майора Н.К. Римана был известен современникам. О нем уже в 1917 г. написал в своих записках комендант Таврического дворца Григорий Григорьевич Перетц: «Ночью 21 марта были доставлены из Торнео арестованные супруги Риман <...> Риман будучи уполномоченным санитарного поезда Александры Федоровны бежал в Торнео, переодевшись в форму военного врача; но в Торнео он был задержан в виду неправильности в его документах, выданных на имя доктора Рыкачева, каковым он себя называл»¹. Но при каких обстоятельствах Риман и его супруга оказались в Финляндии, какие у них были мотивы, и чем закончилось расследование действий генерал-майора? Ответы на эти вопросы позволяет получить следственное дело на Н.К. Римана прокурора Петроградской судебной палаты². В письме прокурору Риман достаточно подробно написал о своих мотивах и действиях в марте 1917 г., с момента победы революции и до ареста. Не стоит забывать, что это именно версия Римана для следователя, в которой он хотел показать себя и супругу в более выгодном свете и хоть отчасти оправдаться. Но письмо представляет бесспорный интерес, так как объясняет поступки супругов, позволяет понять их эмоции и страхи, а также запутанный маршрут их передвижения из Киева в Финляндию.

В письме Николай Карлович так описал свои действия в декабре 1905 г.: «<...> в рядах Семеновского полка в чине полковника исполнял, по долгу присяги и службы как военный и подчиненный, разные возложенные на меня поручения, за что потом вместе с женой испытали преследования и опасения за жизнь»³. Риман пытается показать себя как исполнявшего приказы вышестоящего военного начальства, нарушить которые он не мог. Генерал-майор признался, что в начале марта 1917 г. им с женой вновь грозит «опасность мести за 1905 г.» и стали опасаться ареста или даже самосуда над генералом с немецкой фамилией⁴.

Н.К. Риман в начале марта 1917 г. дожидался возвращения в Киев подчиненного ему санитарного поезда императрицы Александры Федо-

---

¹ Перетц Г. В цитадели русской революции: Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля – 23 марта 1917 г. Пг., 1917. С. 107.

² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 390.

³ Там же. Л. 17 об.

⁴ Там же.

ровны (51-й военно-санитарный поезд) и составлял отчеты, годовой за 1916 г. и краткий за февраль 1917 г. 2 или 3 марта Александра Александровна Рима́н показала мужу, полученные ею в штабе 57 тылового эвакуационного пункта, два увольнительных билета на ветеринарного врача Никифора Рыкачева и его жены сестры милосердия Анисьи Рыкачевой. Документы нужны были на случай бегства. Узнав о победе революции в Петрограде и низложении монархии, генерал-майор, по его словам, написал 4 марта приказ о сложении с себя обязанностей начальника санитарного поезда и передал данный приказ и кассу заведующему хозяйством поезда штабс-ротмистру Яковенко. Получается, что Риманы получили чужие документы и задумались о возможном бегстве еще до известий об отречении Николая II. Уже арестованный Рима́н утверждал, что, завершив передачу дел, собирался ехать либо в Могилев, либо в Петроград «для предоставления себя в распоряжение признаваемого мною единственно ныне законным Временного правительства»¹. Супруги начали собирать вещи и, якобы, начали решать вопрос о законных удостоверениях личности. Вечером 6 марта Николай Карлович, по его словам, отправился за получением такого удостоверения на свое имя в канцелярию начальника 57 тылового эвакуационного пункта и, получив его, на выходе услышал от «совершенно неизвестного солдата», что его хотят арестовать офицеры. Генерал-майор объяснил свои дальнейшие действия таким образом: «Не имея за собой никакой вины, но опасаясь расправы возбужденной толпы, я решился скрыться из Киева и переждать успокоения где-либо <...> Бросив решительно все, все вещи, отчеты, оправдательные денежные документы, чековую и расчетную книжки, не заплатив даже за комнату по последнему счету, захватив только первый попавшийся чемоданчик... мы вышли с женой из отеля по черному ходу»².

Бегство из города было стремительным. При этом неясно, была ли угроза ареста реальной, и угрожало ли Риманам что-то в действительности. Наняв извозчика, супруги договорились с ним, чтобы он отвез их на станцию Дарница, но по дороге они решили ехать до следующей станции. В конце концов, доехали до Борисполя. Рима́н понял, что находится на линии Киев-Полтава, где многие его знали и могли узнать. Наступил поздний вечер, лошадь была измучена, и беглецы решили заночевать в Борисполе, договорившись, что извозчик приедет за ними утром и отвезет в Бровары на линию Киев-Курск. Отправившись в дорогу утром в 7 – 8 часов утра 7 марта, Риманы прибыли на нужную станцию из-за незнания дороги только в 15 – 16 часов. Из-за метели поезда задерживались. Видя болезненное

---

¹ Там же.

² Там же.

состояние генерала, начальник станции поместил его с женой на площадку какого-то случайного вагона, по всей видимости, товарного. К вечеру они приехали на неизвестную станцию и ночью сели в поезд до Курска, куда прибыли днем 8 марта. На следующий день Риманы были уже в Москве. Супруги договорились не ехать в опасный самосудами и старыми знакомствами Петроград и отправились кружным путем через Вологду в Финляндию. После ареста Рима́н писал, что они «думали прожить в глуши несколько времени до успокоения и тогда вернуться и все объяснить»¹. Через Вологду и Званку утром 13 марта они приехали в Лодейное поле, где наняли пару лошадей и отправились в Оленец и далее, останавливаясь в деревнях и меняя лошадей и сани. Риманы беспрепятственно по чужим документам перешли границу с Финляндией. В ночь на 15 марта пересекли часть Ладожского озера, направляясь в Сердоболь. Там они снова сели в поезд до Выборга, а затем отправились в Гельсингфорс. На станции Рийхимяки ранним утром 16 марта супруги вышли поесть и дождаться поезда до Николайштадта, «где думали спокойно пожить». Проведя несколько дней в Николайштадте, генерал с супругой, как утверждал позже Рима́н, решили осесть в маленьком городке, где будет дешевле и меньше внимания к их документам. По словам Николая Карловича, было решено ехать в Торнео, а если там не понравится, то отправиться в Рованиemi, «где мы будем так далеко от всякой суеты и политических страстей». Скорее всего, Торнео был выбран как город на границе со Швецией, которую супруги собирались перейти нелегально. Документов для официального перехода у них при аресте найдено не было. Вечером 19 марта Риманы приехали в Торнео и «были поражены, что тут потребовали не только наши документы, но сразу же стали подробно, как никогда ранее на границах мы не видели осматривать наш небольшой багаж»².

Офицерам, проверявшим документы, показались они подозрительными. Рима́н упомянул фамилию и звание одного из них – поручик Борисов. Супруги были разделены и арестованы. Допрос производился этими офицерами и вольноопределяющимся из юристов. Рима́н решил пока не открывать своей личности и дать показания от имени Рыкачева. После завершения первого допроса ему было отказано в свидании с женой, чтобы сказать ей несколько слов в присутствии допрашивавших. Как утверждал Рима́н, он хотел предложить жене раскрыть себя. Слыша голос Александры Александровы из другой комнаты, он повторил свою просьбу несколько раз и неизменно получал отказ. Далее Николай Карлович решил изменить тактику назло допрашивающим: «Тогда, взбешенный, я решил,

---

¹ Там же.

² Там же. Л. 19.

пока не добьюсь увидеть свою жену и, сказав ей, как указал выше, не прощусь с ней, что не откроюсь ни за что и, буду мстить своим упорством и новыми сочинениями за отсутствие любезности, которая ведь не могла никому навредить»¹. Чуть позже Риман признался, что первые показания ложные, но отказался назвать свою настоящую фамилию: «<...> теперь свобода и я волен быть бесписьменным бродягой, не помнящим родства и имени».

Утром 20 марта генералу было объявлено, что они с женой будут отправлены в Петроград. Около 15 – 16 часов его поместили в поезд под охраной офицера и двух солдат. Уже в вагоне, перед отъездом Риману было предложено подписать переписанные показания его и супруги. Свои показания он подписал фамилией Рыкачева. Во второй утверждалось, что Александра Александровна Риман раскрыла свою личность, а ее муж – командир кавалерийской бригады. Эту бумагу генерал отказался подписывать. Всю ночь в пути он не спал, спорил с гимнастерки погоны ветеринарного врача и выбросил их в клозет. Между Выборгом и Петроградом такая же судьба постигла погоны с шинели. На снятые погоны обратил внимание и Г.Г. Перетц². Уже находясь под арестом в Петрограде, Риман написал, что твердо решил в столице не скрываться «ибо теперь я верил, что арестован не произволом неизвестных лиц, а правительственной властью, от которой, как ни в чем против нее невиновный, я не ожидаю ничего кроме справедливости».

Если верить материалам следствия, то в поезде А.А. Риман пыталась через конвоира передать письмо мужу. Копия этого письма представлена в деле и содержит такой текст, стиль и пунктуация которого сохранены: «Я думаю в Петр[ограде] скажи кто ты узнал, что хотели арестовать не за что, не за дело – бежал. Паспорты я достала писать 2) написали на пункте мне как сестре и они мы думали законы. Ты не дезертир мог не идти 3) чин двора, но не говорил, а так желая помощь, теперь присягу не нарушил, царь отрекся, новым не присягал, а хотел на 4) покой жить в Торнео пока холодно из-за легких и дешевле не зная, что это сразу так граница думал около 5) За границу и не собирались Теперь, думали достать паспорт и уехать со временным жить спокойно, так как признавая 6) благо родины выше всего и по слабости здоровья не в силах служить мы желали на покой. Царь отрекся и повелел 7) признавать новое правит[ельство]. Мы его и признали и не изменники своей родине и не будем ими как желает это доказать 8) вольноопределяющий допросчик нас. Мы неверно говорили допрашивающим находя, что они не власть, все молодежь прапорщики и

---

¹ Там же.

² Перетц Г. Указ. соч. С. 108.

вольноопредел[яющиеся] 9) Мы не хотели говорить им, не зная законны ли они, а Вам законным. Христос, с тобой. Люблю! За прежнее исполнял приказания указано было и больше жечь, что не делал. Виноватым не признаешь. будь осторожен. Говори ехали по жел[езной] дорог[е] у меня нашли рецепт с именем. Я все 12) врал. Деньги бриллианты солдат один отнесет Лизе. Раздевают до гола меня я спасла случайно теперь. рви»¹. Судя по содержанию записки, супруги в действительности могли планировать переход границы, раз А.А. Риман специально написала о незнании того, что Торнео приграничный город. Также характерна часть, посвященная событиям декабря 1905 г., которые грозной тенью нависали над бывшим полковником Семеновского полка в марте 1917 г.

21 марта состоящий при Военной комиссии Временного комитета Государственной думы зауряд-военный чиновник Я.К. Письменный² получил приказ председателя комиссии привезти с Финляндского вокзала в Государственную думу генерал-майора Римана и его жену в распоряжение коменданта Таврического дворца³. Упоминание в приказе настоящей фамилии супругов может служить доказательством того, что Александра Александровна дала признательные показания в Торнео. Но в записках коменданта Таврического дворца утверждается, что при встрече она назвалась ему Рыкачевой⁴. Когда Н.К. Римана доставили во дворец, то Г.Г. Перетцу он назвал свою настоящую фамилию⁵.

Корнетом Светличным, который, по всей видимости, и был тем офицером, что сопровождал Римана в поезде, адъютанту Г.Г. Перетца прапорщику Ю.А. Алееву⁶ и депутату-октябристу, члену Комиссии по принятию задержанных военных и высших гражданских чинов (Высшей следственной комиссии)⁷ Н.Г. Маркову 3-му⁸ были переданы деньги, драгоценности и документы, отобранные у супругов. Среди них, были, в том числе и процентные бумаги на 20 400 рублей и 35 тысяч французских франков, а также облигации пятипроцентного займа 1906 и 1915 гг.⁹ Казначей Временно-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 390. Л. 7.

² Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017. Т. 2. С. 286 – 287.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 55. Л. 130.

⁴ Перетц Г. Указ. соч. С. 108.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 390. Л. 20; Перетц Г. Указ. соч. С. 108.

⁶ Николаев А.Б. Думская революция. Т. 2. С. 334.

⁷ См. подробн.: Николаев А.Б. Комиссия по принятию задержанных военных и высших гражданских чинов // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 277.

⁸ Николаев А.Б. Марков (Марков 3-й) Николай Гурьевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 357.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 390. ЛЛ. 6 – 6 об.

го комитета Государственной думы депутат Н.М. Панкеев¹ принял от Комиссии по принятию задержанных военных и гражданских чинов опечатанный пакет с ценностями супругов Рима². Позже, деньги и драгоценности с разрешения прокурора Петроградской судебной палаты были возвращены А.А. Рима³. Стоит отметить, что в своем письме прокурору Н.К. Рима писал о чемодане, «в котором позже оказались только две пары ботинок жены, калоши, лекарства и туалетные некоторые принадлежности»⁴. Ни о процентных бумагах, ни о драгоценностях он не упомянул.

Генерал-майор был помещен в министерский павильон⁵, а затем в Петроградскую одиночную тюрьму «Кресты»⁶. Дело о попытке незаконного перехода границы супругами Рима было передано из Высшей следственной комиссии в Министерство юстиции⁷. Необходимо отметить, что в материалах дела нет расследования действий Н.К. Римана в декабре 1905 г. Следствие, по всей видимости, не интересовало эти события почти двенадцатилетней давности. В деле сохранилось небольшое письмо А.А. Рима на имя Павла Николаевича от 10 апреля 1917 г. Адресовано оно было, по всей видимости, прокурору Петроградской судебной палаты П.Н. Переверзеву. В этом письме Александра Александровна упомянула депутата Государственной думы священника Владимира Попова 3-го⁸, состоявшего при церкви санитарного поезда, начальником которого был Н.К. Рима. По ее словам, Попов мог рассказать, каким человеком являлся Николай Карлович. Также она выразила надежду, что Переверзев отнесется милостиво к исполнению Рима⁹ в 1905 г. «присяги, приказаний гг. Дубасова и Мина». Она добавила, что «то тяжкое время мы оба перестрадали очень, и оно было началом чахотки мужа...»⁹.

Дело было закончено благоприятно для Н.К. Римана. У следствия, по всей видимости, не нашлось достаточных доказательств умысла супругов перейти государственную границу, либо было принято во внимание возраст генерал-майора и его болезненное состояние. 3 июня 1917 г. Рима

---

¹ Николаев А.Б. Панкеев Николай Матвеевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 439 – 440.

² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 390. Л. 2.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 18 об.

⁵ Перетц Г. Указ. соч. С. 108.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 390. Л. 15.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Николаев А.Б. Попов (Попов 3-й) Владимир Иоаннович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 482.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 390. Л. 4.

был освобожден из одиночной тюрьмы по распоряжению прокурора¹. Его действия в ходе подавления Декабрьского восстания в Москве не расследовались. Дальнейшая судьба Н.К. Римана и его жены не до конца выяснена. Историк С.В. Волков без указания источника написал, что бывший генерал-майор эмигрировал в Германию и умер после 1938 г.²

В Подмосковье революционные власти также разыскивали причастных к карательному отряду лейб-гвардии Семеновского полка. 5 апреля 1917 года начальник милиции Дмитровского уезда Московской губернии П.Е. Грузинов отправил письмо прокурору окружного суда. В нем он, со ссылкой на известную книгу «Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской железной дороге»³ журналиста Владимира Евграфовича Попова, писавшего под псевдонимом Владимиров⁴, указал на бывшего полицейского пристава князя Вадбольского, помогавшего во время подавления Декабрьского восстания 1905 г. в Москве полковнику Н.К. Риману в арестах дружинников и обысках зданий на станциях Московско-Казанской железной дороги⁵. Вадбольский был назван соучастником Римана «в его преступных действиях при расстреле железнодорожных рабочих»⁶. Действительно, князь был указан в приказе командира Семеновского полка Г.А. Мина от 15 декабря 1905 г.: «Цель и назначение отряда – захватить ст. Перово и обыскать мастерские и строения по указанию станového пристава кн. Вадбольского и жандармского подполковника Смирницкого»⁷. Грузинов сообщил прокурору, что, по его сведениям, Вадбольский находится в распоряжении московского уездного воинского начальника⁸. И. д. прокурора 22 апреля 1917 г. переслал письмо милиционера в Комиссию по обеспечению нового строя при Исполкоме Московских общественных организаций⁹.

Князь Николай Владимирович Вадбольский родился в 1876 г. в семье офицера. Окончив Нижегородский кадетский корпус, служил по военному ведомству, а в 1897 г. был уволен в запас в чине зауряд-прапорщика. Карь-

---

¹ Там же. Л. 15.

² Волков С.В. Офицеры русской армии. Опыт мартиролога. М., 2002. С. 408.

³ Владимиров В.Е. Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской железной дороге. М., 1906.

⁴ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1960. Т. 1. С. 243; Чулков Г.И. Годы странствий. М., 1930. С. 24.

⁵ ГА РФ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 491. Л. 3.

⁶ Там же.

⁷ Высший подъем революции 1905 – 1907 гг. Вооруженные восстания ноябрь – декабрь 1905 года. М., 1955. Ч. 1. С. 800.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 3 об.

еру Николай Владимирович продолжил уже в полиции. С 1902 г. служил в должности помощника пристава в Рязани, а затем уже приставом в Бронницком уезде Московской губернии. В 1905 г. он был приставом 5 стана Богородского уезда

30 мая 1917 г. Н.В. Вадбольскому была направлена повестка с предложением явиться 3 июня в располагавшуюся в бывшей резиденции московского генерал-губернатора Комиссию по обеспечению нового строя для дачи показаний¹. Того же числа в Чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства был направлен запрос члена комиссии Павлова, в котором спрашивалось – существуют ли какие-либо предположения привлечения к суду участников карательных экспедиций 1905 – 1906 гг.²? Такой же запрос был отправлен и прокурору Московской судебной палаты³.

Согласно дате на протоколе, князь В.Н. Вадбольский был в первый раз допрошен 6 июня 1917 г. Он показал, что в декабре 1905 г., будучи приставом 5 стана Богородского уезда, по распоряжению губернатора был назначен приставом 7 стана Московского уезда примерно за неделю до экспедиции полковника Римана⁴. По словам Вадбольского, накануне отправления экспедиции он получил записку помощника московского уездного исправника И.И. Ландышева, в которой князю приказывалось на следующий день рано утром выехать в Москву на Ярославский вокзал в распоряжение командира Семеновского полка Г.А. Мина. На Ярославском вокзале князь семеновцев не застал, т.к. они перешли на соседний Казанский вокзал. Там Вадбольский поступил в распоряжение полковника Н.К. Римана. Находившийся там же начальник жандармского отделения Московского-Казанской железной дороги подполковник В.И. Смирницкий спросил Вадбольского, знает ли он кого-либо на железной дороге. Ответ был отрицательным. На допросе Вадбольский рассказал, что Смирницкий передал Риману список лиц, «которых следовало задержать» и заявил, что сам не поедет с отрядом и назначает вместо себя жандармского унтер-офицера⁵. То есть подполковник жандармерии, в чьей ответственности и находился данный участок железной дороги, по той или иной причине устранился от участия в действиях отряда, направляющегося в район вооруженного восстания, и перепоручил обязанности нижнему чину.

В целом, рассказ Вадбольского соответствует рапорту полковника Римана от 22 декабря 1905 г.⁶ и рассказам офицеров-семеновцев, записан-

¹ ГА РФ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 491. Л. 9.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. ЛЛ. 11 – 11 об.

⁵ Там же. Л. 11 об.

⁶ Высший подъем революции 1905 – 1907 гг. С. 803 – 808.

ным непосредственно после подавления восстания поручиком Андреем Константиновичем Квашниным-Самариным и опубликованным в 1930 г.¹ Но есть и любопытные детали, которые дополняют эти описания. Направление поездов экспедиции князю, по его словам, не было известно. Если верить Вадбольскому, приготовления к расстрелу арестованных на станции Люберцы и просьбу позвать местного священника для исповеди приговоренных он «считал за комедию» и «шуткой»². Видимо, становой пристав подумал, что это попытка Римана запугать пленных инсургентов и получить от них сведения. Вскоре Николай Владимирович осознал, что полковник действительно решил казнить арестованных. При расстреле Вадбольский не присутствовал. Он подтвердил факт убийства лично полковником Риманом на станции Голутвин «какого-то оскорбившего его унтер-офицера из возвращающегося с востока эшелона»³. А.К. Квашник-Самарин со слов командира 14 роты Готгарда Готгардовича фон Тимрота так описал произошедшее: «Капитан Тимрот вышел для отдачи приказа по охране поезда людьми его роты и, возвращаясь в залу к полковнику Риману, услышал в зале выстрел. Побежав в этом направлении сквозь толпу, испугавшись, что это стреляли по полковнику Риману, я [Тимрот – К.М.] увидел лежащего на полу убитого солдата в фельдфебельской форме, который был убит полковником Риманом, и вслед за тем полковник Риман направился к боковому выходу и пристрелил второго арестованного»⁴. Как указывал Риман, убитый запасной фельдфебель оказал «дерзкое неповиновение»⁵.

Вадбольский возвратился в Москву на обратном поезде вместе с Риманом и отправился вместе с полковником на Пресню для встречи с Г.А. Мином. Командира Семеновского полка князь попросил отпустить его, чтобы он мог вернуться к своим непосредственным обязанностям. Еще по пути становой пристав переписал фамилии всех расстрелянных и в дальнейшем передал этот список начальству, но, к сожалению, в 1917 г. уже не вспомнил, кому именно. Вадбольский по памяти назвал количество убитых, которое достаточно близко к цифре в рапорте Римана – «более

---

¹ Из истории Московского вооруженного восстания. Материалы и документы. М., 1930.

² ГА РФ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 491. Л. 12.

³ Там же.

⁴ Действия 14-й роты Семеновского полка. Из записок А.К. Квашнина-Самарина, составленных со слов капитана Тимрота // Из истории Московского вооруженного восстания. Материалы и документы. М., 1930. С. 104.

⁵ Карательная экспедиция полковника Римана. Из записки А.К. Квашнина-Самарина, составленная со слов полковника Римана // Из истории Московского вооруженного восстания. С. 94.

50»¹. Он также указал в своих показаниях, что еще в пути были «обнаружены ошибки в лицах расстрелянных»². То есть кто-то из убитых семеновцами мог быть казнен по ошибке и был невиновен. Когда пристав прочитал книгу В. Владимирова, то он попытался выяснить причину своего назначения в экспедицию. Помощник московского уездного исправника И.И. Ландышев рассказал ему, что назначен был Вадбольский как «неместный пристав и бывший единственно свободным в те дни», по требованию управляющего канцелярией губернатора Алексея Михайловича Полянского на случай распоряжений общей полиции вне территории железной дороги и по расквартированию отряда³.

После допроса Н.В. Вадбольскому было предписано без ведома Комиссии не выезжать из Москвы и явиться по первому требованию. Того же числа, 6 июня 1917 г. в Москву был отправлен ответ Чрезвычайной следственной комиссии. В нем говорилось, что в ЧСК не имеется предположений о привлечении к уголовной ответственности участников карательных экспедиций 1905 – 1906 гг. «в виду истечения, в отношении указанных преступных деяний, уголовной давности»⁴. Тот же ответ, со ссылкой на статью 158 Уложения о наказаниях, был составлен 13 июня прокурором Московской судебной палаты⁵.

Комиссией по обеспечению нового строя так же были допрошены А.М. Полянский и И.И. Ландышев. 14 июня Полянский показал, что ему было отдано распоряжение о командировании свободный толковый и расторопный полицейский чиновник, причем знания Московского уезда не требовалось. Такое прикрепление, по словам бывшего управляющего губернаторской канцелярией, требовалась на случай общих распоряжений: отвода квартир под постройку, приглашения властей и т.п.⁶ Ландышев 15 июня рассказал, что во второй половине декабря 1905 г. он получил по телефону из канцелярии губернатора приказ командировать свободного пристава на Ярославский вокзал для оказания содействия. Свободных кроме князя Вадбольского не было, и Ландышев отправил записку с приказом ему⁷.

16 июня комиссару Дмитровского уезда П.Е. Грузинову было отправлено решение Комиссии по обеспечению нового строя в отношении дела Н.В. Вадбольского. Комиссия на основании свидетельских показаний при-

¹ ГА РФ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 491. Л. 12 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 16.

⁶ Там же. Л. 17.

⁷ Там же. Л. 17 об.

шла к следующим выводам: князь Николай Владимирович Вадбольский, состоя в декабре 1905 г. временно исполняющим делами пристава 7 стана и находясь в селе Богородском, был отправлен в распоряжение полковника Н.К. Римана «совершенно случайно, как бывший в день командирования единственно свободным полицейским чиновником ближайшего к Москве уезда»; командировка полицейского чина требовалась лишь на случай возможных распоряжений общего характера вне черты отчуждения железной дороги (по расквартированию участников экспедиции, приглашению сельских или волостных властей); не обнаружено никаких данных позволяющих установить активную роль князя Вадбольского в карательной экспедиции полковника Римана; Вадбольский, незадолго до того времени поступивший на службу в московскую полицию и случайно оказавшийся в это время не в Московском уезде, совершенно не мог указать на кого-либо во время экспедиции Римана. Было принято решение дело прекратить¹.

После Октябрьской революции князь Вадбольский жил на средства жены. 9 марта 1918 г. в Московскую чрезвычайную комиссию было передано анонимное письмо на него, и 28 марта он был арестован. В тот же день Вадбольский был освобожден под подписку о невыезде, ему было заявлено, что, «если сведения о принадлежности его к контрреволюционному заговору подтвердятся, то он будет предан Военно-революционному суду». 14 октября 1918 г. он был арестован с женой и заключен в Бутырскую тюрьму. 27 ноября 1918 г. Николай и Мария Вадбольские были расстреляны².

Таким образом, на данный момент выявлено два случая, когда в 1917 г. участники карательной экспедиции лейб-гвардии Семеновского полка на Московско-Казанской железной дороге подвергались преследованию новых революционных властей. Арест генерал-майора Н.К. Римана не связан с его действиями в декабре 1905 г. Но они наложили отпечаток на его поступки в марте 1917 г. Опасаясь преследования и самосуда за командование отрядом, подавшим восстание на Московско-Казанской железной дороге, он скорее всего попытался скрыться за границей вместе с супругой, как это уже было в 1906 – 1907 гг. В пользу этой версии говорит записка его жены уже после ареста и выбор приграничного города Торнео

¹ Там же. Л. 18.

² Заклейменные властью. Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский Политический Красный Крест и Помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК-ОГПУ-НКВД // Международное историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество «Мемориал» (признано в РФ некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, ликвидировано решением Верховного суда РФ 28 декабря 2021 г.) [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Va.html>

как конечной точки их путешествия. Не обнаружено документов, которые бы свидетельствовали об интересе следствия к действиям Римана в 1905 г. В отличие от Римана князь Н.В. Вадбольский попал в поле зрения революционной милиции именно как участник карательной экспедиции. Он не был арестован, но подвергся допросу. В отношении его действий снимались свидетельские показания, а также было запрошено мнение Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В ходе дознания было установлено минимальное участие Вадбольского в деятельности карательного отряда и его достаточно случайное назначение в его состав. В арестах и расстрелах князь не принимал активного участия. Ответ Чрезвычайной следственной комиссии на запрос Комиссии по обеспечению нового строя характеризует общее отношение революционной юстиции к делам о противоправных действиях в ходе подавления революционного движения в 1905 – 1906 гг. – они уже не подлежали в 1917 г. рассмотрению и расследованию, так как истек срок давности по ним.

СОЛДАТЫ ПРОТИВ ВРЕМЕННЫХ СУДОВ (ПЕТРОГРАД, 1917): ДЕЛО В.К. ТАМБЕРГА

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор, за-
ведующий кафедрой русской истории
(XIX – XXI в.) института истории и соци-
альных наук РГПУ им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Временные суды в Петрограде были созданы приказом министра юстиции А.Ф. Керенского от 3 марта 1917 г. В нем указывалось, что временные суды образуются для того, чтобы «быстро устранить печальные недоразумения, возникшие в городе между солдатами, населением и рабочими»¹. Солдаты были названы первыми среди участвовавших в «печальных недоразумениях». Связано это было с тем, что солдаты в 1917 году становились частыми участниками, в первую очередь уличных происшествий, которые носили криминальный характер. Одним из дел, по которому солдаты проходили во временных судах, было дело бывшего рядового 175-го

---

¹ Об образовании временных судов // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел первый (далее – СУ). 1917. № 58. 12 марта. Ст. 354. С. 544.

пехотного запасного полка Вольдемара Карловича Тамберга, рассмотренное XV временным судом.

В отечественной историографии вопрос о преследовании солдат во временных судах Петрограда в марте – июле 1917 года уже привлек внимание исследователей¹. Вместе с тем упоминаний о В.К. Тамберге в этих работах нет. Источниковая база исследования бедна. Практически единственным источником является дело «По делу Тамберга, обвиняемого в оскорблении состава 15 временного суда», отложившееся в ЦГИА СПб². Известно, что XV временному суду, который располагался в камере мирового судьи 35-го участка (ул. Курляндская, д. 14-б)³ была подсудна часть территории Нарвского района, а точнее – 3-го и 4-го подрайонных комиссариатов. Но установлено, что, например, задержанные во 2-м подрайонном комиссариате Нарвского района препровождались и в XIV, и в XV временные суды⁴. Иначе говоря, Тамберг был задержан милиционерами одного из 4-х подрайонных комиссариатов Нарвского района. Вместе с тем суточные рапорты всех 4-х подрайонных комиссариатов Нарвского района не содержат записи о задержании В.К. Тамберга и препровождении его в XV временный суд⁵. Несомненно, это обстоятельство может свидетельствовать лишь о несовершенстве системы делопроизводства в комиссариатах Нарвского района.

Дело В.К. Тамберга, бывшего рядового 175-го пехотного запасного полка, из мещан, 21 год⁶, возникло следующим образом. Видимо, 5 мая Тамберг был задержан милиционерами одного из нарвских подрайонных комиссариатов. Можно уверенно предположить, что в комиссариате был составлен протокол, который вместе с задержанным препровожден в

---

¹ Николаев А.Б. Солдаты перед временными судами (Петроград, 1917) // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 11 марта 2009 г. Сб. науч. ст. СПб., 2010. С. 65 – 79; его же. Солдаты-коммерсанты перед Временным судом (Петроград, март – июль 1917 г.) // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 16 марта 2018 г. Сб. науч. ст. СПб., 2019. С. 140 – 148.

² ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2661.

³ Районы Временных судов // Ведомости общественного градоначальства. 1917. 6 апреля. В Нарвском районе действовал также XIV временный суд, который находился в камере мирового судьи 18-го участка (2-я рота, д. 6).

⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 135. ЛЛ. 4, 6, 8 и др.

⁵ См.: ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 131 (Суточные рапорта 1-го Нарвского подрайона за апрель – август 1917 года); Д. 135 (Суточные рапорта 2-го Нарвского подрайона за апрель – август 1917 года); Д. 139 (Суточные рапорта 3-го Нарвского подрайона за март – август 1917 года); Д. 143 (Суточные рапорта 4-го Нарвского подрайона за апрель – август 1917 года).

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2661. Л. 4 об.

XV временный суд. Дело по обвинению Тамберга «в пьянстве и нарушении общественного порядка»¹ было рассмотрено судом под председательством мирового судьи А.А. Кизерицкого. XV временный суд приговорил Тамберга «под арест на 10 дней».

Вынеся этот приговор, Временный суд «приступил к разбору следующего дела». Тамберг, который еще не был уведен караулом под арест, «подошел к судебному столу и заявил, что он хочет обжаловать приговор». Когда же председатель суда Кизерицкий разъяснил ему, что «приговор этот окончательный», Тамберг, «находившийся в нетрезвом состоянии, сказал: “Это безобразие, а не суд, я соберу товарищей, ладно, я отсижу и с вами расправлюсь”». Он «продолжал кричать до тех пор, пока конвойные не вывели его из камеры»². Насколько можно понять, судьи Временного суда восприняли слова Тамберга как оскорбление.

В дальнейшем дело В.К. Тамберга оказалось в руках судебного следователя 25-го участка Петрограда, который 10 мая 1917 г.³ постановил содержать Тамберга под стражей в комендантском управлении⁴, предъявив ему обвинение по 2 ч. 282-й ст. Уложения о наказаниях, уголовных и исправительных «за оскорбление словами состава» XV временного суда⁵. Ч. 2 ст. 282-й гласила, что за ругательства «на присутствие» или составляющих его членов следует наказание: лишение «всех прав особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ» и отдача «в исправительные арестантские отделения» или на время от четырех до пяти лет», или «по пятой степени статьи 31» уложения⁶. В свою очередь, по пятой степени ст. 31 следовало наказание: «Работы в исправительных арестантских отделениях на время от одного до полутора года»⁷. В принципе, Временный суд мог присудить виновного за оскорбление суда к полутора годам тюремного заключения. Во всяком случае, известен один такой приговор, которым проститутка Мария Беляева была осуждена 25 апреля 1917 г. III временным судом «за оскорбление суда» к «тюремному заключению на

¹ Там же. Л. 3.

² Там же. ЛЛ. 3 – 3 об.

³ Эта дата указана Петроградским окружным судом в письме прокурору Петроградского окружного суда. Товарищ же прокурора 12-го участка писал о постановлении судебного следователя 25-го участка от 8 мая 1917 г. (ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2661. ЛЛ. 5, 8).

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2661. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 5 об.

⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издания 1885 г. и по прод. 1912 г. С извлечениями из решений Правительствующего Сената, Свода Законов, Свода Военных и Морских постановлений, с указанием подсудности, судопроизводственных правил и приложениями / Сост. В.В. Волков. СПб., 1914. С. 205 – 206.

⁷ Там же. С. 34.

полтора года»¹. Вместе с тем такие приговоры не были распространены, а носили единичный(!) характер. Да, и судьи, видимо, не рискнули выносить строгий приговор пусть и бывшему солдату, тем более, что он пригрозил собрать товарищей (солдат?) и расправиться с членами Временного суда². Видимо, было решено наказать Тамберга посредством Окружного суда.

Материалы предварительного следствия были направлены прокурором Петроградского окружного суда по подсудности военному прокурору Петроградского военно-окружного суда с целью передать В.К. Тамберга в руки военной юстиции. Но 5 августа 1917 г. за № 3996 военный прокурор на имя прокурора Петроградского окружного суда препроводил «для дальнейшего направления установленным порядком предварительное следствие по обвинению Вольдемара Тамберга в оскорблении временного суда 15 района». При этом он сослался на изменение подсудности согласно постановлению Временного правительства от 28 мая 1917 года и приказу по Военному ведомству за № 336 от 6 июня 1917 г.³ В постановлении Временного правительства «Об отмене назначения временных членов в состав военно-окружных, корпусных и равных с ними по власти судов и о введении военных присяжных заседателей» указывалось, что лица, не состоя-

---

¹ Николаев А.Б. Проститутки перед Временным судом (Петроград, март – июль 1917 г.) // Герценовские чтения 2018. Актуальные проблемы русской истории. Сборник науч. и учебно-метод. тр. СПб., 2019. С. 235.

² Солдаты, осужденные временными судами, проявляли недовольство вынесенными приговорами, устраивали бунты, находясь в комендантском управлении и арестных помещениях. 18 марта 1917 г. произошел первый бунт солдат, содержащихся под арестом в комендантском управлении. Большую известность получил бунт солдат в 1-м комендантском управлении 14 мая 1917 г. Выяснилось, что солдаты были недовольны несправедливостью милиционеров, по оговору которых они получали во временных судах «слишком строгое наказание» (см. подробн.: Николаев А.Б. Солдаты против временных судов или о солдатском бунте 14 мая 1917 г. в 1-м комендантском управлении Петрограда // XVI Петербургские военно-исторические чтения: Всероссийская научная конференция (С.-Петербург, 25 – 26 сентября 2020 г.): сборник научных статей / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д.А. Бажанов, А.М. Захаров. СПб., 2021. С. 118 – 125). 23 мая 1917 г. Д.Н. Усачев сообщил на заседании Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о волнениях солдат в Арестном доме при Боткинской больнице. По его словам, 40 солдат, осужденных Временным судом, «самовольно ушли из под ареста». Солдаты жаловались «на несправедливость суда» (Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций (27 февраля – 25 октября 1917 года). М., 2002. Т. 3 (6 мая – 2 июля 1917 года) / Руководители проекта: Б.Д. Гальперина, В.И. Старцев. Ред. кол.: Б.Д. Гальперина, В.И. Старцев. Отв. ред. тома: Б.Д. Гальперина, В.И. Старцев. С. 174; ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 9. Д. 52. Л. 3).

³ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2661. Л. 2.

щие на действительной военной службе подлежат военному суду «в случаях учинения ими <...> преступных деяний во время отбывания учебных сборов». В других случаях они «подлежат уголовному суду гражданского ведомства»¹. Приказ за № 336 объявлял по Военному ведомству это постановление Временного правительства². Бывший рядовой 175-го пехотного запасного полка во время совершения правонарушения на учебных сборах не находился, а значит подлежал уголовному суду гражданского ведомства.

12 августа 1917 г. за № 2688 и.д. прокурора Петроградского окружного суда препроводил отношение военного прокурора вместе с делом В.К. Тамберга товарищу прокурора 12-го участка³ Чистякову⁴. Товарищ прокурора сделал предложение⁵ судебному следователю этого же участка о производстве предварительного следствия. В ходе его были допрошены обвиняемый В.К. Тамберг и свидетели Артемий Артемьевич Кизерицкий, Тимофей Алексеевич Алексеев, Иван Антонович Федорович и Отто Андреевич Блюм. Среди свидетелей был председатель XV Временного суда А.А. Кизерицкий и два выборных члена суда. Кем являлись другие свидетели – Т.А. Алексеев, И.А. Федорович и О.А. Блюм – установить не удалось. Не исключено, что среди них были два члена Временного суда.

Обвиняемый В.К. Тамберг, «не признавая себя виновным, объяснил», что цели «оскорбить суд» у него не было, а было недовольство тем, что он «из свидетеля превратился в обвиняемого» и поэтому он сказал: «Это не Временный суд, а временная несправедливость»⁶. Каких-либо разъяснений по поводу утверждения Тамберга, что из свидетеля он превратился в обвиняемого, в материалах дела не содержится.

Судебный следователь, выслушав показания обвиняемого и свидетелей, пришел к выводу, что Тамберг не оскорбил Временный суд, а проявил

---

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Март – октябрь 1917 г. В 4-х т. М., 2002. Т. 2. Май – июнь 1917 года / Отв. ред. Б.Ф. Додонов. Сост.: Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. С. 180, журн. № 92 от 28 мая 1917 г.; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел первый. 1917. № 144. 21 июня. Ст. 789. С. 1274.

² Приказы по Военному ведомству. 1917: №№ 1 – 645. [Пг., 1917]. С. 334 – 335.

³ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2661. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Ст. 278 Устава уголовного судопроизводства гласит: «Прокуроры и их товарищи предварительных следствий сами не производят, но дают только предложения о том судебным следователям и наблюдают постоянно за производством сих следствий» (Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1991. Т. 8. Судебная реформа / Отв. ред. тома Б.В. Виленский. С. 147 – 148).

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2661. ЛЛ. 4 – 4 об.

к нему неуважение. В связи с этим он переквалифицировал статью Уложения о наказаниях с 2 ч. 282-й ст. на 1 п. 3 ч. 282-й ст.¹, согласно которой, «когда будет доказано, что <...> преступление учинено не с умыслом, а в пьянстве, то виновный только в оказании неуважения к присутственному месту неприличными словами или поступками приговаривается: к аресту от трех до семи дней»². Переквалифицировав статью, судебный следователь, сославшись на ст. 200 Устава уголовного судопроизводства³, указал в «Обвинительном акте», что Тамберг подлежит суду Петроградского окружного суда без участия присяжных заседателей⁴.

Товарищ прокурора 12-го участка г. Петрограда, опираясь на «Обвинительный акт», составил заключение «О прекращении уголовного преследования бывш[его] рядов[ого] из мещан Вольдемара Карлова Тамберга, обвиняемого по 2 ч. 282 ст. Ул[ожения] о нак[азаниях] и об изменении принятой в отношении него меры пресечения». В нем товарищ прокурора писал: «установлено, что Тамберг, будучи в нетрезвом состоянии, <...> неприличными словами лично оказал явное к суду неуважение, а не ругательства на присутствие суда или составляющих его членов». В связи с этим товарищ прокурора согласился с переквалификацией статьи, указал, что принятая в отношении Тамберга «мера пресечения – содержание под стражей – должна быть изменена на более легкую», а уголовное преследование его по 2 ч. 282-й статьи Уложения о наказаниях «прекратить». Он, говоря об изменении меры пресечения, считая необходимым отдать Тамберга «под надзор милиции по месту жительства»⁵. Вместе с тем товарищ прокурора дал делу ход, сославшись на ст. 523 Устава уголовного судопроизводства⁶, 23 августа за № 2688⁷ предложил рассмотреть его Петроградскому окружному суду⁸.

13 октября 1917 г. распорядительное заседание 2-го отделения Окружного суда г. Петрограда постановило утвердить заключение товарища прокурора: «1) о прекращении уголовного преследования по обвине-

¹ Там же. Л. 4 об.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 206.

³ Ст. 200 гласила: «Окружным судам в общем порядке судопроизводства подсудны все уголовные дела, изъятые из ведомства мировых судей» (Устав уголовного судопроизводства. С. 139).

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2661. ЛЛ. 4 об. – 5.

⁵ Там же. ЛЛ. 5 – 6.

⁶ Ст. 523 гласила: «Обвинительный акт или заключение о прекращении или приостановлении дела прокурор <...> предлагает окружному суду, если дело относится к преступлению или проступку, не подвергающему ни лишению, ни ограничению прав состояния <...>» (Устав уголовного судопроизводства. С. 171).

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2661. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 6.

нию Вольдемара Тамберга по 2 ч. 282 ст. Уложения о нак[азаниях] и 2) об отмене меры пресечения – содержание под стражей и об отдаче Тамберга под надзор милиции по месту его жительства»¹. В этот же день за № 696-б Окружной суд препроводил прокурору Петроградского окружного суда «для зависящих распоряжений» копию своего постановления «об освобождении из под стражи подсудимого Вольдемара Тамберга, содержащегося под стражей в комендантском управлении». На препровождении стоит пометка: «13 октября 1917 № 2688 в комендантское управление об освобождении Тамберга»².

Таким образом, бывший рядовой 175-го пехотного запасного полка В.К. Тамберг, осужденный XV временным судом за пьянство и нарушение общественного порядка на 10 дней ареста, в конечном счете, и не по этому приговору(!) провел под стражей немногим более пяти месяцев. Связано это с тем, что Временный суд, не рискнув присудить Тамберга за оскорбление суда, передал дело Окружному суду. Любопытно, что и Временный суд, и судебный следователь 25-го участка Петрограда проявили непрофессионализм, а скорее – субъективное негативное отношение к Тамбергу, квалифицировав его преступление по более тяжелой статье, с целью приговорить его к более серьезному наказанию, чем к полутора годам тюремного заключения, которое мог бы назначить Временный суд. Дело В.К. Тамберга интересно тем, что оно возникло из-за его недовольства приговором Временного суда. И проявил его Тамберг лично на словах в камере суда сразу же после вынесения ему приговора. Обычно солдаты выражали свой протест против приговоров временных судов в форме коллективных выступлений – бунтов в комендантском управлении и бегстве из Арестного дома.

---

¹ Там же. Л. 7.

² Там же. Л. 8.

КАК СЕРБЫ ЛЕНИНА УБИТЬ ХОТЕЛИ (О МАЛОИЗВЕСТНЫХ СОБЫТИЯХ ИЮНЯ – ИЮЛЯ 1917 ГОДА)

ЗАХАРОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
русской истории (XIX – XXI вв.) института
истории и социальных наук РГПУ им. А.И.
Герцена, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: amzaharov@herzen.spb.ru

Автору этих строк доводилось уже неоднократно писать о печальной судьбе Сербского добровольческого корпуса (далее – СДК) в России¹. Разгром 1-й дивизии корпуса, добровольческой не только по названию, в Добруджинской операции летом 1916 года радикально изменил принципы комплектования СДК, сделав их, по выражению современников, «силовольческими». Не вызывает поэтому удивления, что в революционном вихре 1917 года личный состав корпуса потерял политическую ориентацию и стал тяготеть к разного рода авантюрам. Об одной из них и пойдет речь.

28 июня 1917 г. в лагере под Одессой на месте расквартирования 2-й дивизии СДК объявился поручик Георгий Иванович Липовац из 9-го Киевского гусарского полка. Человек этот происходил из рода в высшей степени неординарного. Его отцом был генерал-лейтенант Йован (Иван Юрьевич) Попович-Липовац, самый высокопоставленный черногорец на русской службе. Человек отчаянной храбрости, об участии которого в русско-турецкой 1877 – 1878 и русско-японской 1904 – 1905 гг. войнах ходили легенды (в Маньчжурии до сих пор есть географический объект «сопка Липоваца»), он при этом не отличался военной (да и общей) грамотностью. Начальник штаба 12-й кавалерийской дивизии полковник Э.Г. фон Валь в своих воспоминаниях оставил едва ли не карикатурный портрет Поповича-Липоваца. Он утверждал, что тот «участвовал в 13 кампаниях: мексиканских, южно-африканских и многочисленных балканских (хотя ни в Мексике, ни в Трансваале Липовац не воевал – А.З.)... Вид у него был свирепый, а на боку висела кривая, как колесо, шашка. Он своими движениями ста-

---

¹ Захаров А.М. Солдатские советы в Сербском добровольческом корпусе весной 1917 года // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2012. № 4 (14). С. 30 – 35; его же. Создание 1-й Сербской добровольческой дивизии на Юге России в 1916 году // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 5 (11). Ч. 2. С. 82 – 86.

рался показывать, что он ни перед чем не остановится». При этом, по словам фон Валя, Липовац не мог разобрать обстановку на местности и не умел читать карту, так что все приказы вместо него писал его начальник штаба полковник Ф.И. Ростовцев¹.

Характер у бравого черногорца был неуживчивый и скандальный. В ходе Первой мировой войны у А.И. Деникина он при встрече в январе 1915 года оставил впечатление «храброго черногорца, но малограмотного генерала»². С Л.Г. Корниловым же у него вообще вышел скандал: оказавшись после ранения в Львовском госпитале, Липовац в столь резкой форме отзывался о военных талантах Корнилова, что главнокомандующий Юго-Западным фронтом Н.И. Иванов вынужден был специальным приказом воспретить Липовацу распространять свои взгляды о Корнилове³. И, наконец, самое главное – генерал имел весьма специфические политические взгляды.

Вот как он излагал их в письме покровительствовавшему ему И.С. Аксакову (орфография автора письма сохранена – А.З.): «Я, Иван Сергеевич, не партаист, я не глупый монархист, я знаю, что должен один князь быть, республика немислима, а кто будет этот князь – это не мое дело. Я не приехал в Боснию как agitator, а как волонтер, который с князьями не имеет дела, я их уважаю, но за них не агитую, верите мне, что я не партаист, а честной человек, который выбирает – “свободу или смерть!”»⁴. Вполне можно предполагать, что своих двоих сыновей он воспитал в том же духе. Такие взгляды не были в СДК редкостью – об одном их носителе вспоминал впоследствии Н.В. Устрялов. Оказавшись 26 сентября 1917 г. в Каменец-Подольском в расположении 12-го армейского корпуса, он оставил короткую запись в своих воспоминаниях о встреченном им персонаже, явно принадлежавшем когда-то к СДК (тем более, что именно в состав этого корпуса была в августе 1917 г. включена 1-я дивизия СДК). «Любопытен был один офицер, серб, босниец по происхождению, – записывал Устрялов. – Австрийский подданный, окончивший Венский университет, в 1915 г. перешедший к нашим войскам с целой австрийской ротой. В нем досада на Россию, мучение о Сербии чувствуется с особенной силою. Зло-

---

¹ Валь Э.Г. Кавалерийские обходы генерала Каледина. Таллинн, 1933. С. 43 – 49.

² Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. М., 1991. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. С. 162.

³ Мартынов Е.Л. Гибель дивизии Корнилова // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914 – 1918 гг. М., 1919. Вып. 1. С. 50.

⁴ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах, 1875 – 1878. М., 1978. С. 100 – 101.

ба на революцию у него нескрываема, откровенна»¹. Накладывались эти взгляды на царящую в СДК ярко выраженную германофобию, приобретавшую порой трагикомические формы. Врач 2-й дивизии, чех Б. Боучек писал в своем дневнике о том, как поздней осенью 1916 года перепившиеся офицеры дивизии стали соревноваться в стрельбе из револьверов по ... портрету императрицы Александры Федоровны, выкрикивая нецензурные проклятия в адрес «гноусной немки». История раскрылась лишь потому, что в ходе этих упражнений офицеры умудрились ранить собственного сотоварища². Вряд ли Боучек, кавалер пяти сербских боевых наград, выдумал подобный сюжет.

Липовац-младший прибыл в СДК с идеей решить проблемы с «немецкими шпионами» радикально, в стиле своего отца. Он заявил солдатам корпуса, что задумал физическое уничтожение «шпионов» в столичной политической среде и, в частности, убийство Ленина. Ему удалось завербовать 14 человек и увезти их с собой в Петроград.

В этой связи вызывает большой интерес ответ на вопрос – была ли это личная инициатива лихого, но политически безграмотного поручика, или за ним кто-то стоял? Впоследствии на допросах завербованные показали, что в Петрограде с ними встречались и общались русские офицеры, представлявшие сотрудниками штаба и контрразведки Петроградского военного округа, но при этом ни одного конкретного имени они вспомнить не смогли.

Раскрыт был заговор почти случайно – 7 июля военная цензура вскрыла письмо одного из завербованных, боснийского серба рядового Мехмеда Звоно, адресованное его другу во 2-й дивизии. Там он вкратце излагал суть возникшей ситуации.

Командование СДК пришло в ужас: корпус и так лихорадило от политических потрясений, а тут его солдаты оказались вовлечены в авантюру с политическим терроризмом, способную окончательно добить СДК как организованную воинскую часть. Еще не изгладилась в памяти странная история (ее приводит в своей монографии отечественный исследователь истории югославын в России³). В районе 10 января 1917 года штаб корпуса якобы получил из Ставки секретный приказ о передислокации в течение месяца 2-й дивизии в Петроград или Москву для подавления массовых беспорядков. Приказ этот опять же якобы был вручен командованию корпуса во время парада сербских частей в Вознесенске, который принимал

---

¹ Устрялов Н.В. Былое – Революция 1917 г. (1890-е гг. – 1919). М., 2000. С. 148.

² Bouček V. Prosim, aby zápisnik byl odevzdan me ženě jako pozůstalost. / Vyb. a sest. P. Payne. Praha, 1998. S. 125.

³ Очак И.Д. Данило Сердич – красный командир. М., 1964. С. 13.

великий князь Сергей Михайлович. Однако архивный оригинальный текст приказа не имеет утверждающей (да и какой-либо другой) резолюции, а место и сроки переброски дивизии в окончательном виде не указаны¹. Ясно было, что посылать куда-либо 2-ю дивизию для исполнения ею полицейских функций было равносильно тушению пожара бензином. 5 марта 1917 г. командир корпуса генерал М. Живкович в приказе по корпусу за № 132 опроверг существование такого проекта, назвав его «бездоказательной клеветой»², но история эта до конца еще не забылась. Теперь возник новый, еще более скандальный казус. В Петроград был спешно командирован юнкер С. Кашикович с указанием найти авантюристов и «пресечь любые действия, могущие повредить Сербии».

Выбор командования корпуса оказался на редкость удачным – юнкер оказался человеком настойчивым и инициативным. Кроме того, видимо, он знал авантюристов в лицо, что и предопределило выбор для столь деликатной миссии человека, даже не получившего еще офицерских погон. 15 июля Кашикович прибыл в Петроград и обратился за помощью к члену Югославянского комитета А. Мандичу. Уже вместе они обратились сперва в МИД России, а затем к командующему военным округом генералу П.А. Половцову. Последний обещал оказать помощь, но то ли забыл, то ли (вспомним анонимных офицеров из штаба округа, встречавшихся с заговорщиками) сознательно уклонился от исполнения обещания. Ничуть не большим оказалось содействие сербского посланника – М. Спалайкович, принявший Мандича и Кашиковича 17 июля, занял осторожную выжидательную позицию, предложив ограничиться пассивным наблюдением за развитием событий.

21 июля 1917 г. Кашикович случайно встретил М. Звоно на Невском проспекте, одетым в казачью форму. Скрыться тому не удалось, поэтому пришлось везти юнкера в дом на Средней Рогатке, где жили остальные беглецы из корпуса. Они подтвердили, что их готовили к убийству ряда леворадикальных политических деятелей и, прежде всего, В.И. Ленина. Им уже выдали по 100 рублей и обещали по 15 тысяч в случае успешного исхода операции. Автора замысла ни Звоно, ни его сотоварищи не знали. Понимая, каким скандалом может закончиться вся эта история, Мандич, к которому Кашикович привел беглецов, просто отправил всех обратно в Одессу, предложив молчать о происшедшем³.

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 112 об.

² Очак И.Д. Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1917 – 1921 гг.). М., 1966. С. 28.

³ Зеленин В.В. Под Красным знаменем Октября: Югославянские интернационалисты в Советской России, 1917 – 1921 гг. М., 1977. С. 57 – 58.

Поручик Липовац скрылся в неизвестном направлении, хотя, вероятнее всего, исходя из того, где и когда он впоследствии вступил в Белую армию, он бежал в фамильное имение под Бердянск, которое его отец получил вместе с наследственным дворянством еще из рук Александра II¹.

Подводя итог, надо отметить, что политизация иностранных воинских формирований в составе русской армии в 1917 году была общим местом, и командование этих частей как могло боролось с ней просто с целью сохранить свои подразделения от организационного распада (ярчайший пример – история с т.н. «мятежом Довбор-Мусьницкого»). Однако революция со всеми ее особенностями пробивалась сквозь рутину повседневной службы, и чем больше было у части своих внутренних проблем, тем успешнее, порождая всевозможные аферы, немислимые в условиях нормальной военной дисциплины. История с авантюрой поручика Липоваца – яркая тому иллюстрация.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА В ЧАСТЯХ КРАСНОЙ АРМИИ (1919 – 1922 ГГ.) (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННОГО АРХИВА)

ПАРИЕВА ЛАДА РУСЛАНОВНА,

кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института РГГУ
Москва, Россия;

e-mail: ladapa1@yandex.ru

Культурно-просветительная работа в частях Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее – РККА) велась по приказу и под строгим контролем со стороны центральных органов военного управления как в тыловых частях и учреждениях, входящих в состав военных округов, так в действующих войсках. Так, приказом по Западному фронту от 30 ноября 1919 г. разъяснялось, что «все распоряжения в области культурно-просветительной работы в Красной Армии, исходящие от Революционного Военного Совета Республики (РВСР – Л.П.) и Политического управления РВСР в виде приказов, циркуляров, инструкций, положений, программ и т.п. <...>

---

¹ Мартиновић Д. Генерали из Црне Горе у руској војсци. Подгорица, 2002. С. 153.

безусловно обязательны для всех» тыловых, фронтовых управлений, учреждений и частей Красной Армии, а также для «войск вспомогательного назначения на всей территории РСФСР»¹. Этим же приказом воспрещалось издавать собственные распорядительные документы в сфере культурно-просветительной работы без согласования с просветительным отделом Политического управления РВСР, однако, приветствовалась «широкая инициатива по применению приказов на местах»².

Во время ведения крупномасштабных военных действий (1919 – 1920 гг.) в частях Красной Армии особое внимание уделялось ликвидации безграмотности военнослужащих и агитационно-пропагандистской работе, направленной на претворение в жизнь политики правящей партии большевиков в РККА. В армии организовывались школы и курсы по повышению грамотности в соответствии с приказом РВСР от 4 сентября 1919 г. о ликвидации неграмотности в армии и флоте, где ответственность за их создание, снабжение частей необходимыми учебниками и канцелярскими принадлежностями возлагалось на культурно-просветительные комиссии частей и подразделений при политико-просветительных отделах фронтов, армий и дивизий. В одной из сводок сообщалось, что в Красной Армии уже в сентябре 1919 г. начали работу 457 школ по ликвидации неграмотности, 491 общеобразовательный кружок, открыты 4454 избы читальни, 1761 читальный зал, 113 Домов просвещения и 318 клубов³. Помимо ликвидации безграмотности и агитационной работы, культурно-просветительная работа в частях Красной Армии была направлена на приобщение красноармейцев к различным формам культурного творчества, организацию свободного времяпрепровождения. Немаловажную роль в организации культурно-просветительной и культурно-воспитательной работы сыграли комиссары воинских подразделений.

Например, в отчете о культурно-просветительной работе 17-й Нижегородской стрелковой дивизии комиссары 147-го и 148-го полков докладывали о проведении «общего собрания полка о текущем моменте и роли красноармейца как революционера и защитника революции», а также об открытии клуба, организации комячейки и «преступлении к открытию школы грамотности»⁴. Была налажена работа с местным населением: митинги по различным поводам проводились и с участием крестьян, местному населению раздавалась агитационная литература. В декабре 1919 г. в

---

¹ Приказы армиям Западного фронта. 1919 г. №№ 1268 – 1432. [Б/м]. 1919.

² Там же.

³ Волкогонов Д. Советские вооруженные силы как школа воспитания // Военно-исторический журнал. 1981. № 2. С. 5.

⁴ РГВА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 55. Л. 18.

отчете о работе агитбригады вышеуказанной дивизии содержалась следующая информация: «сообщают, был устроен митинг, крестьяне слушали выступавших ораторов с большим вниманием, привезенную литературу разбирали с жадностью. В праздники предполагается устроить рождественский митинг по просьбе самих крестьян»¹. Очень интересна тематика докладов на проводившихся среди населения и красноармейцев митингов, отражающая специфику периода Гражданской войны. На одном из «грандиозных» митингов, состоявшихся в новогоднюю ночь на 1919 г. прозвучали доклады на тему об итогах рабоче-крестьянской революции 1918 г., о международных событиях 1918 г., выступали представители от профессиональных союзов, кооперативов и железнодорожных организаций, которые «приветствовали Красную Армию как основу Всемирной революции»².

Помимо митингов культурно-просветительная работа включала в себя открытие клубов, в которых проводились политические беседы, организовывались избы-читальни, ежедневно получались и распространялись газеты, ставились спектакли, желательны на патриотические темы (они могли быть как платными, так и бесплатными). Деньги, вырученные от спектаклей, как и средства от проводившихся платных субботников, шли на «усиление средств культ-просвет комиссии». Приглашались лекторы, выступали комиссары и члены культурно-просветительных комиссий, работали учителя, библиотекари, привлекались силы из числа красноармейцев и командиров. К примеру, 1 января 1919 г. «инструктор Прузак читал лекции по истории социализма, истории человечества и политической экономии, лекции по гигиене и венерических болезнях читал старший полковой врач»³.

Однако поступали многочисленные жалобы культурно-просветительных комиссий на нехватку кадров для такого рода работы⁴, на нежелание красноармейцев посещать школы грамотности⁵. Культурно-просветительной работе мешало также нахождение здоровых красноармейцев на боевой линии и «все более и более распространяющиеся в частях сыпной тиф и цинга»⁶.

Широкомасштабная культурно-просветительная работа среди бойцов и командиров Красной Армии была налажена в период Гражданской войны, а после ее окончания приобрела особенный размах. С февраля 1921 г. руководство политико-просветительной работой в РККА и РККФ стала

---

¹ Там же. Л. 24.

² Там же. Л. 25.

³ Там же. Л. 46.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 131.

⁶ Там же. Л. 201.

осуществлять входившая в систему Народного комиссариата просвещения РСФСР военная секция Главполитпросвета, которая состояла из канцелярии, библиотечного коллектора (склада), отделений: клубного, библиотечного, партийных школ, школьного, агитационного, ВЧК по ликвидации безграмотности¹. С ноября 1922 г. проведение воспитательной работы в Красной Армии было передано в агитпропотдел Политического управления РККА.

Развертыванию культурно-просветительной работы способствовало и издание приказа РВСР от 16 ноября 1921 г. об утверждении «Положения о политико-просветительных комиссиях в частях Красной Армии и Флота»², в котором к политико-просветительной работе в составе политпросвет комиссий предполагалось привлекать красноармейцев и матросов в целях коммунистического воспитания, политического просвещения и поднятия общего культурного уровня военнослужащих. Комиссии были заняты выявлением и учетом неграмотных, следили за посещением красноармейцами школ грамотности, проводили совместные чтения художественных книг и газет, обсуждали и разъясняли текущие мероприятия Советской власти, декреты, постановления, международную обстановку и состояние сельского хозяйства и промышленности, научные вопросы, организовывали снабжение частей газетами, литературой, плакатами и канцелярскими товарами.

Особенно важное значение придавалось организации клубов и кружков для красноармейцев в их стенах. В руководстве по устройству клубов указывалось, что клуб – это «школа политического воспитания, и важнейшая задача инструктора заключается в том, чтобы содействовать совершающемуся через посредство клуба превращению зеленой молодежи в определившихся людей с ярко выраженной общественной жилкой. Девизом инструктора должно стать: да будет красноармейский клуб подобен горну, на огне которого из колеблющихся и мягкотелых людей выковываются закаленные борцы и стойкие революционеры»³.

Современного человека поражает размах и энтузиазм, с которым работали культпросветработники. В каждом клубе любого уровня (дивизия, полк) проводились лекции и киносеансы на разнообразные темы, осуществлялись экскурсии в музеи, на промышленные и сельскохозяйственные объекты, создавались школы грамотности, организовывались разнообразные секции и кружки, причем обязательным и самым популярным сре-

---

¹ Там же. Ф. 4. Оп. 15 а. Д. 97. Л. 551.

² Там же. Л. 608.

³ Цит. по: Трубников С. Становление системы советской агитации и пропаганды (1918 – 1924 гг.) // Суть времени. 2015. 17 сентября.

ди красноармейцев выступал драматический кружок. Для организации драматического кружка приглашались режиссеры и женский персонал, получавшие красноармейский паек, проводились собрания, на которых выбирались «суфлер, сценарист, декоратор, реквизитор и т.д.»¹, артистами выступали красноармейцы и комсостав полков. Принципом работы «основного кружка в клубе, вокруг которого концентрируются остальные», провозглашалось «не количественно ставить спектакли, а художественно и качественно». Однако количество поставленных спектаклей также играло роль. Например, за декабрь 1921 г. в одном из полковых клубов было поставлено и проиграно 16 спектаклей. Очень интересна тематика спектаклей: ввиду «отсутствия пролетарских пьес» (назывались переводные пьесы «Зори» Верхарна и «Ткачи» Гауптмана), много спектаклей ставилось на революционные темы и по произведениям классиков. В полковых клубах 17-й стрелковой дивизии, например, за период с ноября 1921 г. по январь 1922 г., несмотря на жалобы на отсутствие костюмов, грима, подобающей сцены, постоянной труппы, были поставлены следующие пьесы: «Красный генерал», «После думского заседания», «Каторжник», «Песнь героя», «Борьба за власть» (драма в 3-х действиях), «Вольная пташка», «Я умер», «Светит, да не греет» (драма в 5-ти действиях Островского), «Сыщик» (драма в 3-х действиях Мясникова), «Савва» (драма в 3-х действиях Л. Андреева), «Недруги революции» (драма в 4-х действиях), «Гимн труду» (революционная драма в 5-ти действиях), «Фабрикант и рабочий» (революционная драма в 4-х действиях), «На дне» (драма в 4-х действиях М. Горького)².

Перед каждым спектаклем, на котором могли присутствовать от 200 до 700 чел., проводились митинги, посвященные «текущему моменту», религии, «памяти Карла Либнехта и Розы Люксембург», памяти 9 января 1905 г., «О неделе достоинства красноармейца»³ и др.

Работа художественных кружков была всецело направлена на осуществление наглядной агитации и пропаганды, которая выражалась в оформлении залов клубов в революционном духе, а также создание соответствующих декораций к революционным спектаклям. Например, в марте 1922 г. зал полкового клуба 145-го полка 17-й стрелковой дивизии «был разукрашен портретами вождей и писателей»: «т. Троцкого, Каменева, Зиновьева, Калинина, Ленина, М. Горького, Л. Толстого, н. Некрасова, вождей революции запада К. Маркса, Розы Люксембург, Карла Либнехта»,

---

¹ РГВА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 92. Л. 2.

² Там же. Д. 2. Л. 28.

³ Там же.

сопровожаемые статьями об их биографии и революционной деятельности¹.

В клубах было запланированы занятия для комсостава и красноармейцев в литературной секции, работа которой была тесно связана с библиотечной секцией или библиотекой-читальней. Красноармейская библиотека являлась «оплотом всей культурно-просветительной работы»², от правильной работы которой зависел уровень политической и культурной работы. Например, библиотека одного из полков 17-й Нижегородской стрелковой дивизии состояла из 200 книг, «беллетристики имеется 50 книг. Берущих книги из библиотеки в среднем 10-15 человек ежедневно. Посещаемость читальни – 20 человек ежедневно»³. Библиотеки организовывались повсеместно: при воинских частях, на флоте, в госпиталях, в военных клубах. В библиотеках были представлены помимо художественной литературы, произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, Н.К. Крупской. Библиотеки организовывали выставки, например, произведений М. Горького, «диаграммы работы библиотеки»⁴. В литературных кружках читались лекции на соответствующие темы, например, «Биография Пушкина и разбор его важнейших произведений»⁵, читались произведения писателей вслух с последующим их обсуждением. Например, в литературном кружке 145-го полка 17-й стрелковой дивизии за январь 1922 г. были проведены следующие мероприятия: литературный вечер «Имени Некрасова», лекция «Историческое развитие русской литературы», чтение рассказа В.Г. Короленко «Сон Макара» с последующим разбором и «передачей красноармейцам членами кружка содержания рассказа и его основной идеи», чтение рефератов членов кружка, проведение вечера памяти В.Г. Короленко⁶.

В клубах также организовывались, например, кружки по обществоведению, по сельскому хозяйству, проводились экскурсии. Так, в одном из полков 17-й стрелковой дивизии в январе 1922 г. в рамках кружка по обществоведению были прочитаны лекции: «Обществоведение как наука о человеческом общежитии и его формах», «Происхождение языка», «Происхождение образа миров и религий», «Как люди научились говорить», «Первобытный коммунизм», «Духовные и светские феодалы»⁷. Задачей сельскохозяйственного кружка ставилось элементарное знакомство с сельским хозяйством. Экскурсии проводились, например, на электрическую

¹ Там же. Л. 80.

² Там же. Д. 88. Л. 13.

³ Там же. Д. 92. Л. 18.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 80.

⁵ Там же. Д. 92. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 33.

⁷ Там же.

станцию, «где объяснялось значение и названия тех или других предметов, их значение и их работа»¹.

Особое внимание в культурно-просветительной работе красноармейских клубов уделялось организации лекций, проводившихся приглашенными лекторами не реже 1 раза в неделю, на самые разнообразные темы: от разъяснения внешней и внутренней политики Советского государства, организации снабжения и быта красноармейцев до вопросов в самых разных областях науки, интересующих, на взгляд центральных органов военного управления, красноармейцев. Например, лекции, на которых собиралось от 300 до 800 чел., читались на следующие темы: «Вселенское тяготение», «Триппер и мягкий шанкр», «Поверхность земли, происхождение гор и морей», «Деление поверхности суши от действия воды и воздуха», «Туберкулез», «Кровообращение», «Откуда мы знаем свое прошлое (по источникам истории)», «Земельный вопрос в России», «Армия на западе и армия в Советской России», «Инфекционные болезни и борьба с ними»².

В плане работы красноармейских клубов значилась также организация музыкального кружка и кружка хорового пения, силами занимающихся в которых проводились концерты для красноармейцев и местного населения. В программу таких концертов включались: «декламация, рассказывание, хоровое пение, сольное пение, игра на музыкальных инструментах, юмористические сценки»³. В кружке хорового пения разучивались «бытовые» и революционные песни: «Вниз по матушке по Волге», «Дубинушка», «Славное море», «Стенька Разин», «Интернационал», «Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянка» и др. А в отчетах о работе музыкального кружка 149-го полка сообщалось, что «имеется 10 инструментов струнного оркестра, 3 рояля, 1 фисгармония, 1 музыкальная машина «Фортуна», «занятия ведет капельмейстер духового оркестра тов. Дышман»⁴.

В агитационно-пропагандистской работе клубов особое место занимал кинематограф, представлявший собой «большое вспомогательное средство в деле просвещения Красной Армии». Так, приказом армиям Западного фронта в декабре 1919 г. предписывалось политотделам фронта «принять на себя организацию кинематографической части», проявлять «энергичную деятельность в деле использования кино в рядах Красной Армии», организовать сеть «передвижных кино», обеспечить красноармейские кинематографы необходимым оборудованием и «агитационными, литературными и культурно-просветительными фильмами», «принимать энергичные

---

¹ Там же. Д. 2. Л. 52.

² Там же. ЛЛ. 88, 90, 92, 98.

³ Там же. Л. 47.

⁴ Там же. Д. 92. Л.6 .

меры к тому, чтобы каждый красноармейский кинематограф получал регулярно не менее одной программы в неделю», «в корне уничтожить демонстрацию картин красноармейцам преступного и развращающего содержания»¹.

После окончания Гражданской войны проведение киносеансов стало обязательным мероприятием в работе красноармейских клубов. Например, в клубе 147 полка 17-й Нижегородской стрелковой дивизии киносеансы проводились регулярно. В отчете о работе клуба за февраль 1921 г. написано: «Киносеансов поставлено четыре разнохарактерных. На них присутствовало свыше 800 человек»². Для агитации и пропаганды большое значение имело документальное кино, в котором были отображены эпизоды Гражданской войны, первоначально в форме хроники, а в дальнейшем на основе фронтовых съемок были созданы полнометражные документальные картины по истории Гражданской войны, а также кинопортреты ее героев, например, Кирова С.М., Чапаева В.И. В первой половине 1920-х гг. на киносеансах красноармейцы просматривали и созданные в то время на злобу дня художественные ленты: «Красные дьяволята», «Красный тыл», «Мишка против Юденича» и др.

Но основными направлениями работы красноармейских клубов оставались ликвидация безграмотности в области освоения навыков чтения и письма и, самое важное, освоение политической грамотности. Чтобы завершить обучение в школе грамотности при клубе, необходимо было сдать экзамен, причем не все могли его сдать с первого раза. Так, в отчете одного из красноармейских клубов за декабрь 1921 г. отображена следующая информация: «Школа неграмотных содержала в себе последнее время 12 человек, <...> был сдан экзамен и произведен выпуск, где оказалось вполне удовлетворительными 11 человек и один человек остался слабым, который будет взят снова в группу неграмотных или школу, которые имеются при клубе»³. Систематическое обучение политической грамотности началось сразу после окончания Гражданской войны: приказом РВСР от 26 ноября 1920 г. вводились обязательные занятия по политической грамотности в запасных частях, а чуть позднее и во всех частях Красной армии⁴. Целями проведения политзанятий были разъяснение вопросов внутренней и международной обстановки, предоставление красноармейцам в форме бесед суммы политических знаний, направление и объем которых

---

¹ Приказы армиям Западного фронта. 1919 г. №№ 1268 – 1432.

² РГВА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

³ Там же. Д. 92. Л. 9.

⁴ Сувениров О.Ф. Коммунистическая партия – организатор политического воспитания Красной армии и флота, 1921 – 1928 гг. М., 1976. С. 216.

были определены партией большевиков, укрепление морального духа личного состава, укрепление воинской дисциплины и правопорядка в Красной армии. В разделе «Политическая работа» в планах работы клубов 1922 г. присутствуют следующие строки: «вести занятия с красногвардейцами на злободневные темы, пособия для таковых стараться брать из газет, а также основательно пройти Конституцию РСФСР в 3-недельный срок»¹.

Однако организация клубов как сосредоточия культурно-просветительной работы требовала вложения средств для их обустройства. Заведующие клубами в отчетах о проделанной работе писали о недостаточно оборудованных помещениях, о наличии электричества, но нехватке простых электрических лампочек, отсутствии отопления и необходимости устройства печей, невозможности ставить спектакли без бутафории, костюмов и другого рода вещей для сцены, нехватке учебной литературы. Средства на оборудование клубов для комсостава и красноармейцев собирались путем проведения платных спектаклей и концертов, которые проводились также и «в пользу голодающих губерний» и Красного креста.

Оправданием для неважной работы клубов часто служили нежелание красноармейцев посещать читальни, ходить на занятия кружков. Например, в декабре 1921 г. заведующий одним из полковых клубов в своем отчете о работе драматического кружка писал: «Продуктивность и идейность кружка упала от неустановленного твердого состава мужских сил труппы. Принимающие участие комсостав и красноармейцы в силу своих прямых обязанностей нередко подвержены разным командировкам, откомандировкам и выбытием совсем, а также ежедневная занятость каждого участника слишком тормозит работу... кроме этого, чисто технически дело страдает и от неимения хорошего, опытного руководителя-организатора», что заставляло «ухудшить репертуар, и от ценных революционных драм и пьес перейти к классическим, как сочинения Островского»². Причиной понижения уровня работы клубов могла быть и следующая причина: «посещаемость занятий красноармейцами сократилась в связи с прибытием пополнения: прибывшие красноармейцы молодых годов оказали сильное влияние на членов клубных кружков своими узко-мещанскими взглядами и своей апатичностью к самообразованию, и, в частности, к занятиям в клубных кружках»³.

Клубы и отдельные кружки создавались повсеместно, практически во всех частях Красной армии, даже небольших. Так, например, на собрании красноармейцев дивизионного ветеринарного лазарета 17-й Нижегород-

---

¹ РГВА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 98. Л. 1.

² Там же. Д. 92. Л. 21.

³ Там же. Д. 2. Л. 47.

ской стрелковой дивизии было решено: «чтобы поднять культурный уровень товарищей красноармейцев <...> необходимо организовать какой-нибудь кружок», «организовать культ-просвет клуб, задачей которого будет состоять всецело развивать товарищей в области политической и научной»¹.

Таким образом, в частях Красной Армии была создана стройная система культурно-просветительной работы, тесно связанная с системой агитации и пропаганды и включавшая в себя различные направления, разнообразие применяемых средств, практически индивидуальный подход к каждому военнослужащему в области его образования и организации свободного времяпрепровождения, способствовавшие не только развитию человека, как полноценного гражданина своей страны, но и поднятию политического и боевого уровня армии в целом. Следует отметить, что направленность и объемы культурно-просветительной работы, проводимой среди комсостава и красноармейцев, в полной мере соответствовали конкретной исторической обстановке: периоду строительства и развития армии во время Гражданской войны и периоду перевода Красной армии с военного на мирное положение после окончания Гражданской войны.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ИНТЕРНЕТ-КОНКУРСА «СТРАНИЦА СЕМЕЙНОЙ СЛАВЫ» В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

МЕЖУРЕЦКИЙ АРТЕМ АЛЕКСЕЕВИЧ,
научный сотрудник Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея; Ленинградская обл., Тихвин, Россия;
e-mail: tikhvinmuseum@yandex.ru

Международный интернет-конкурс «Страница семейной славы» впервые был проведен в 2005 г. С 2010 г. он проводится ежегодно при поддержке МГУ имени М. В. Ломоносова, Союза журналистов России, Московского Совета ветеранов и некоммерческого фонда «Лига интернет-медиа». Организаторы обозначают цель проекта как «создание интернет-сообществом электронной Книги памяти о подвиге народа и армии в Великой Отечественной войне, о доблести и славе воинов в локальных кон-

---

¹ Там же. Л. 44.

фликтах, о тех, кто беззаветным служением Отечеству достоин народной памяти и уважения». Участие в проекте осуществляется путем размещения своей работы на интернет-портале конкурса¹. На конкурс принимаются различные виды электронных материалов – текстовые файлы, презентации, видеофайлы, сайты, блоги и др. По данным организаторов проекта, к 2020 г. в нем приняло участие более 10 тыс. авторов работ, среди которых особенно активны школьники, студенты, учителя, журналисты².

Данный проект можно считать попыткой создать интернет-базу материалов, связанных в первую очередь с военной историей нашей страны. Одно из основных преимуществ таких баз – их открытость и доступность для всех заинтересованных лиц, имеющих выход в интернет. Обычно конкурс рассматривается в рамках проблем патриотического воспитания, где роль истории имеет вспомогательный характер. Но, на мой взгляд, материалы конкурса обладают потенциалом для использования их в исторических исследованиях.

В рамках данной статьи я рассмотрел материалы, представленные на конкурс в 2019 г.³ На интернет-портале участникам конкурса была предоставлена возможность загрузить свои работы в два раздела – «Сайты» и «Статьи».

В разделе «Сайты» в 2019 г. представлено всего 18 работ⁴. В этой категории работы подаются на конкурс в виде ссылки на сторонние ресурсы, где размещены материалы. В конкурсе участвовало 3 самостоятельных проекта: 1 группа в социальной сети «ВКонтакте» и 1 сайт связаны с историей Великой Отечественной войны, 1 группа «ВКонтакте» посвящена в целом военным конфликтам. Участниками конкурса размещено 7 видео с исполнением патриотических песен и стихов (в том числе авторских). 1 видео представляет собой художественную постановку о событиях вой-

---

¹ Международный интернет-конкурс «Страница семейной славы» [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://pobeda.vif2.ru/>

² Сухомлин В.А. Лаборатория открытых информационных технологий ВМК МГУ. Двадцать лет научно-образовательной деятельности // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2020. Т. 16. № 1. С. 163 – 164; его же. Ежегодный интернет-конкурс «Страница семейной славы» как среда поддержки деятельности педагогической в сфере патриотического воспитания школьников // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2013. № 9. С. 609 – 615.

³ Международный интернет-конкурс «Страница семейной славы» 2019 год // Международный интернет-конкурс «Страница семейной славы» [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://pobeda.vif2.ru/2019>

⁴ Все сайты // Международный интернет-конкурс «Страница семейной славы» [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://pobeda.vif2.ru/2019/sites/>

ны. 6 видеоматериалов и 1 презентация посвящены участникам и событиям Великой Отечественной войны.

В разделе «Статьи» в 2019 г. представлено 394 работы¹. Они размещены в виде текстовых файлов, файлов с текстом и изображениями (основные расширения файлов – .pdf, .doc, .docx), мультимедийных презентаций (.ppt, .pptx).

Если говорить о тематике, то большинство работ связано с Великой Отечественной войной. Даже, например, в работах, направленных на составление родословной своей семьи, наибольшее внимание уделяется предкам-участникам Великой Отечественной войны. 8 работ связано как с Великой Отечественной войной, так и с другой военной тематикой (например, материалы о работе школьных музеев, о работе поисковых отрядов).

14 работ, не связанных с темой Великой Отечественной войны, сообщают о локальных конфликтах в Афганистане, Чечне, на Донбассе.

5 работ рассказывают о судьбах людей разных профессий (ученый, композитор, пианист, спортсмен, кузнец). Опубликована 1 работа, представляющая собой личные воспоминания о детстве (причем не даны конкретные хронологические рамки). 3 работы можно отнести к заметкам о природе и истории России. Таким образом, только 23 работы (меньше 6% из общего числа представленных материалов) не связаны с темой Великой Отечественной войны.

Если говорить о типах представленных работ, то в особую категорию нужно выделить 24 художественных произведения (стихотворения, рассказы, сочинения), часть из которых (как указано в авторских аннотациях) основаны на историях конкретных людей.

Также представлено 18 разработок различных проектов и мероприятий (литературно-музыкальные вечера, встречи с очевидцами событий, школьные линейки). При этом в таких разработках используются, например, материалы школьных музеев, публикации воспоминаний ветеранов, литературные произведения местных авторов.

Остальные работы можно отнести к материалам, рассказывающим о конкретных людях и событиях. Диапазон объема таких конкурсных материалов довольно широк — от одной до нескольких десятков страниц. При этом участники конкурса пишут работы, как о своих родственниках, так и просто о земляках и других героях. Многие авторы используют различные стили в одном тексте – научный и художественный (в том числе публикуя

---

¹ Все статьи // Международный интернет-конкурс «Страница семейной славы» [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://pobeda.vif2.ru/2019/posts/>

свои стихотворения). Здесь же имеет смысл упомянуть прием, встречающийся в некоторых работах, который можно определить как письмо в прошлое, – используя художественный текст, автор приводит факты из биографии своих предков.

Переходя к вопросу о возможности использования материалов конкурса в исторических исследованиях, следует отметить, что все работы могут представлять интерес при изучении вопросов, связанных с исторической памятью о Великой Отечественной войне. Если рассматривать потенциал конкурсных работ в качестве источников для исследований, то перед нами значительный пласт материалов, которые можно отнести к источникам личного происхождения, эго-документам, устной истории.

Многие конкурсанты используют в своих работах документы из семейных архивов. В первую очередь это письма с фронта и фотографии. При этом некоторые участники приводят расшифровки писем, а некоторые ограничиваются лишь публикацией фотографии письма, упоминая в работе только отдельные строчки. В одной из работ 2019 г. рассказывается об обнаруженном дневнике, написанном предком участника конкурса в военные годы. Некоторые участники рассказывают о принадлежавших их родственникам предметах. Интерес для исследователей могут представлять интервью с очевидцами военных лет (в основном, это дети войны, хотя встречаются и воспоминания ныне живущих участников боевых действий).

Во многих работах используются публикации местных изданий, в том числе, например, в виде вырезок статей из газет. На мой взгляд, это важный момент, поскольку значительное количество местных периодических изданий и книг не оцифрованы и недоступны заинтересованным людям из других регионов.

Проблемным вопросом является источниковая база самих работ, представленных на конкурс. Одни конкурсанты приводят ссылки на источник информации для каждого сюжета. Другие публикуют в конце только общий список использованных источников. Есть работы вообще без указания источников информации. Хотя даже если это рассказ о воспоминаниях своего родственника, то может быть важен аспект, каким образом эти воспоминания оказались у автора работы – он их слышал лично от участника событий, услышал в пересказе родных, прочитал в какой-либо публикации.

Важен вопрос о возможности поиска исследователем необходимой ему информации. На сайте конкурса имеется свой поисковый механизм. Но при вводе поисковых слов поиск происходит только по заголовкам работ, данным об авторах и аннотациям работ. Следует отметить, что такой поиск может не отобразить все материалы по интересующей теме. В-первых, поисковый механизм не отображает грамматические формы одно-

го и того же слова (например, при вводе поискового слова «блокада» не будут видны результаты, содержащие слова «о блокаде»). Во-вторых, аннотации составляются самими авторами работ и могут не содержать необходимых для отбора данных. Решением этих проблем является поиск на сайте с помощью крупных поисковых систем, которые обычно индексируют полные тексты представленных на ресурсе файлов. Но даже такой поиск не даст возможность отобрать, например, видеоматериалы или копии писем, не имеющие текстовой расшифровки.

Таким образом, на данный момент сайт конкурса позволяет отбирать материал по заданным параметрам. Но существующая система нуждается в доработке (прежде всего методического характера). Например, можно обучать конкурсантов готовить расшифровки видео и рукописных материалов. Также авторам работ необходимо иметь навык составления аннотаций и ключевых слов.

Важным моментом является то, что конкурс, проводимый с применением интернета, дает возможность при возникновении каких-либо вопросов взаимодействовать с авторами размещенных материалов. Это может быть использовано в развитии системы обучения конкурсантов каким-либо навыкам (расшифровка, работа с источниками и др.). Кроме того, исследователь имеет возможность уточнить интересующие его детали напрямую у автора работы.

Рассмотренные вопросы показывают, что материалы интернет-конкурса «Страница семейной славы» имеют потенциал для использования их в качестве источников по изучению Великой Отечественной войны. Несмотря на имеющиеся проблемные моменты работы с материалами данного ресурса, портал имеет определенные преимущества, присущие онлайн базам данным, – в первую очередь, это доступность любому имеющему выход в интернет исследователю.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

(на март 2021 г.)

Бажанов Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Билеуш Ксения Константиновна – лаборант ИИСН РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Бондарева Вера Викторовна – директор Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея, Тихвин, Ленинградская обл., Россия;

Васильев Иван Николаевич – магистрант II курса кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Виноградов Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории Российской академии наук, Москва, Россия;

Захаров Александр Михайлович Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Златина Мария Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Кандаурова Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и теории культуры РГГУ, Москва, Россия;

Кислицын Александр Владимирович – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Балтийского гуманитарного института, Санкт-Петербург, Россия;

Ковалевский Александр Мечиславович – доктор медицинских наук, доцент кафедры общей стоматологии Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, Санкт-Петербург, Россия;

Макаров Константин Олегович – магистр социально-экономического образования, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия;

Межурецкий Артем Алексеевич – научный сотрудник Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея, Тихвин, Ленинградская обл., Россия;

Мейлих Ирина Михайловна – врач-стоматолог ГБУЗ ЛО «Всеволожская клиническая межрайонная больница», Всеволожск, Ленинградская область, Россия;

Николаев Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Париева Лада Руслановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института РГГУ, Москва, Россия;

Розушина Людмила Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Румянцев Андрей Георгиевич – кандидат исторических наук, главный архивист ЦГИА СПб, Санкт-Петербург, Россия;

Смирнова Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до н. XIX века ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Фруменкова Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) ИИСН РГПУ, Санкт-Петербург, Россия.

СПИСОК ОСНОВНЫХ АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

- АСЗ** – Адмиралтейский судостроительный завод;
ВП – военные поселения;
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации;
ГБУЗ ЛО – Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Ленинградской области;
ГУК – Главное управление кораблестроения;
д. – деревня;
ИИСН – Институт истории и социальных наук;
МВД – Министерство внутренних дел;
МГШ – Морской генеральный штаб;
ОНЗиВ – Общество Николаевских заводов и верфей;
ОПЗ – Оружейный Путиловский завод;
ПМЗ – Санкт-Петербургский металлический завод;
ПСЗ-З – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье;
ПЦР – Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства;
РВСР – Революционный Военный Совет Республики;
РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского флота;
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории;
РГВА – Российский государственный военный архив;
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив;
РГИА – Российский государственный исторический архив;
РГПУ – Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена;
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия;
РККФ – Рабоче-крестьянский Красный флот;
СДК – Сербский добровольческий корпус;
Совдеп – Совет депутатов;
СПб АППО – Санкт-Петербургская Академия постдипломного педагогического образования;
ЦВММ – Центральный Военно-морской музей;
ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга;
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;
ЦПШ – церковно-приходская школа.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
НАУЧНЫЕ СТАТЬИ.....	5
Билеуш К.К. Местное население и русская армия во время изгнания наполеона и в заграничных походах (по воспоминаниям участников)5	
Смирнова А.М. Военная повседневность Вельяминовского форта в условиях Кавказской войны 1838 – 1854 гг.	16
Кандаурова Т.Н. Экономические и социокультурные учреждения и заведения поселенных полковых округов по описаниям 1850-х гг..	23
Фруменкова Т.Г. Учитель А.К. Шешенин о бомбардировке г. Колы 11 августа 1854 г. и судьбе своего училища.....	39
Кислицын А.В. Концепция применения корабельной артиллерии в морских сражениях на рубеже XIX – XX веков во взглядах С.О. Макарова	45
Мейлих И.М., Ковалевский А.М. Первый зубоврачебный кабинет на корабле российского флота	55
Виноградов С.Е. Адмиралтейский судостроительный завод в производстве крупнокалиберных артиллерийских башенных установок для флота в 1913 – 1917 гг.....	62
Рогушина Л.Г. Дома призрения для детей и инвалидов нижних чинов по сведениям «общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям».....	72
Румянцев А.Г. Судьба пристава 1-го участка Выборгской части К.И. Шелькинга в 1914 – 1917 гг.	82
Бажанов Д.А. Складывание группировок в штабе командующего Балтийским флотом (май – июль 1915 г.)	96
Златина М.А. Дело Гродненского губернского обывательского комитета (осень 1915 – осень 1917 гг.).....	105
Васильев И.Н. «Беженские выставки» Татьянинского комитета.....	115
Бондарева В.В. Эпидемии в Тихвинском уезде в 1917 – 1920 гг.....	120
Макаров К.О. Преследование участников карательной экспедиции лейб-гвардии Семеновского полка на Московско-Казанской железной дороге в 1917 г.....	128
Николаев А.Б. Солдаты против временных судов (Петроград, 1917): дело В.К. Тамберга	140
Захаров А.М. Как сербы Ленина убить хотели (о малоизвестных событиях июня – июля 1917 года).....	147

Париева Л.Р. Культурно-просветительная работа в частях Красной Армии (1919 – 1922 гг.) (по материалам Российского государственного военного архива)	151
Межурецкий А.А. Перспективы использования материалов интернет-конкурса «Страница семейной славы» в качестве источников по изучению Великой Отечественной войны.	160
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	165
СПИСОК ОСНОВНЫХ АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ.....	167
СОДЕРЖАНИЕ	168

Научное издание

ХVII ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных статей

Напечатано с оригинал макета, предоставленного авторами

Компьютерная верстка – К.К. Билеуш

Дата подписания к использованию 21.03.2022 г.
Заказ № 050. Объем данных: 7,1 Мб. Усл.-изд. л. 10,625.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,

тел. /факс (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70

✉: asterion@asterion.ru <http://www.asterion.ru>

: https://vk.com/asterion_izdatelstvo